

ПЬЕСЫ

для чтения и представлений

 collaborative spirit
2009

Илья Рудяк

Чикаго

Илья Рудяк

ПЬЕСЫ

для чтения и представлений

*НЕ СПЕШИТЕ СТРЕЛЯТЬСЯ,
ГОСПОДА!*

В ОЖИДАНИИ ЖВАНЕЦКОГО

*НУЖНА ЛИ ПРАВДА
ЧЕЛОВЕКУ?*

КОБА, ГЛЯДИ В ОБА!

collaborative spirit

2009

Компьютерный дизайн - Дмитрий Халабуда
Верстка - Андрей Миронов
Фото - Ольга Цейтлин
Макет книги - Илья Рудяк

Особая благодарность за помощь в подготовке книги замечательной одесситке Ноне Зекс.

Все права охраняются законом
Copyright © 2009 Collaborative Spirit. All rights reserved .

**НЕ СПЕШИТЕ
СТРЕЛЯТЬСЯ,
ГОСПОДА!**

Трагикомедия

Действующие лица:

Анна Левит, в девичестве Довгань - 45 лет

Марк Левит, ее муж - 52 года

Алекс, их сын - 21 год

Эва, служанка - 25 лет

Валерий Хмелев, сокурсник Марка и Анны по университету - 56 лет.

Таисия Пашкова - сокурсница по университету, жена Хмелева - 46 лет.

Ксюша, их дочь - 18 лет.

Доктор Горелик - 87 лет

Арнольд Львович, режиссер – от 33 до 55 лет.

Машенька, реквизитор – 19 лет.

Квартира на 37-м этаже в “Черной круглой башне” у озера Мичиган.

Задняя стена полностью застеклена.

Гостиная залита ярким солнечным светом. Большой овальный стол в центре. На нем уже расставлены приборы.

Анна в инвалидном кресле. Эва медленно водит кресло вокруг стола. Анна внимательно смотрит, все ли выставлено.

На всю громкость включен проигрыватель. Звучит песня:

Ксюша, Ксюша, Ксюша!

Юбочка из плюша...

Анна. Алеша, пожалуйста, потише!

Голос Алеша (из ванной комнаты). Окей, мом! Ай лав ю!

Анна. Эва!

Эва. Я слушаю.

Анна. Этот фужер из другого сервиза. Поменяй на такой же, но из “Микаса”.

Эва. Они очень похожи.

Анна. Да, но оттенок другой. Чуть светлее.

Эва. Хорошо, заменю.

Анна. Так. Как будто все на месте. (Звонок по мобильному телефону) Где вы? На Кеннеди экспрессуей? Минут через двадцать пять будете? Захвати свежий хлеб в бейкери и возьми побольше круасонов. Ну, как Тася, Валерий? Устали? Передай привет. Эва, помоги мне переодеться.

(Эва укатывает коляску с Анной в кулису. Из другой к звенящему на кресле селлфону выбегает в купальном халате Алекс.)

Алекс. Серж! Хау ар йу? Хорошо, что ты позвонил, а то я не знал, где оставил «могильник». Тебе нравится? Это дэд придумал. Он написал рассказ, как похоронили одного русского эмигранта, да, джуиш, и забыли вынуть из костюма сэлфон. Когда гроб опускали в яму, «мобильник» зазвонил. Получилась трагикомическая история под названием «Могильный телефон». Вчера вечером мы поздно легли, ждем гостей из России. Нет, не из Москвы. Из Твири. Папа и мом там учились в школе. Да, да, в юниверсити. С ними дочка. На фото – рашн бьюти, красоточка. Дэд говорит, мечтал бы иметь такую невесточку. Может быть! Эва? Да, она мне нравится. Что-то в ней есть, но она - из другой дженерейшн, говорить нам абсолютно не о чем, а с папой она может сидеть весь вечер и толковать о каком-то Лотман. Вероятно. Дэд очень хорошо выглядит.

Анна. (из спальни) Алешенька, через минут десять будь в форме.

Алекс. Окей, мом. Ай лав йу. Извини, Серж. Это мама. После эксидента жизнь у нее сложная. Да.. Они спят в разных бедрумах. Мом, конечно, переживает. Ты машиной доволен? Мою починили, но я уже успел стукнуть ее. Куда уехали? Так ты свободен на пару дней? Я зайду с Ксюшей к тебе. Да, так ее зовут. Я кручу весь день песню: «Ксюшья, Ксюшья, Ксюшья! Юпочка из плюша.» Хочешь увидеть? Может, даже сегодня. Покажем вечерний Чикаго. Тэнкс.

Звонок в дверь.

Серж, бай. Русские уже здесь Да, да, как в фильме. (Смеется.)

Анна. (кричит из спальни) Алеша, открой!

(Алекс нажимает на кнопку и убегает. Появляются Марк и гости с огромными чемоданами, рюкзаками на плечах, сумками в руках).

Марк. Бросайте все сюда. Потом заберете в спальни. Анька! Мы приехали!

Анна. (кричит) Сейчас, сейчас!

(Приезжие ошарашены огромностью квартиры, видом на озеро, накрытым столом. Застыли в растерянности. Таисия и Ксюша подходят ближе к окну, шепчутся).

Валерий. Маркуша! (показывает жестом на бутылки) По капельке!

Марк. О чем речь! (Наливает в рюмки водку, в фужеры – вино)

Валерий. Со свиданьем!

Таисия. Подождите, дайте выдохнуть удивление.

Марк. Замечательная фраза. Лэхаим!

Валерий. (опытным движением выпивохи заливает водку в рот). Лэхаим!

(Таисия и Ксюша пить не спешат, остаются у окна. Появляется Анна в брючном шелковом костюме. Эва толкает коляску.)

Анна. (тихо) Таська, Ксюша!

(Те поворачиваются. Сконфузились.)

Анна. Разъезжаю в собственной карете, даже в гостиной. Не удивляйтесь - Америка! Давайте расцелуемся.

Таисия. (плачет) Анька!

Ксюша. Тетя Аня, здравствуйте! Я - Ксюша.

Анна. Знаю, вижу, красавица!

(Подходит Валерий.)

Валерий. Аннушка Довгань-Левит,

С утра за молоком летит.

(Целует руку.)

Анна. Не забыл. Нагнись, обниму. Мара, уже успели по "Лыхаим"!

Валерий. Полыхаем, Аннушка, полыхаем!

Анна. Берите чемоданы - и в спальни.

Таисия. А сколько у вас спален?

Анна. На всех хватит.

Валерий. Нет, нет! Сначала – подарки. Тась, Ксю, доставайте. Тебе, Анюта, оренбургский платок на голову, малахитовые бусы на шею, хохломские тарелки с ложками на кухню.

Анна. Ублажили. Спасибо.

Валерий. Маркуша – вот твоя книжка, изданная в городе у Волги. Часть тиража – в этом чемодане.

Марк. Обложка неплохая получилась. Я твой должник, Валерий, спасибо.

Анна. Мара, передай, пожалуйста (рассматривает книгу). Отлично сделана. Не то, что эмигрантские самопалы.

Валерий. В издательстве сомневались насчет названия, то ли «Мы там и здесь», то ли «Мы здесь и там», как ты предложил. Твоя взяла.

Марк. Кстати, название подсказал генерал КГБ.

Валерий. Как это?

Марк. Могу рассказать.

Валерий. Но сперва закончим раздачу подарков. Для лыхаима по поводу выхода в свет рассказов - «Тверская» водочка, и таранька в тридцать семь сантиметров. Твое любимое число.

Марк. Вот это блеск!

Валерий. А где Алексей, семьи любимец всей?

Марк. Леша!

Алекс. (Одет модно, со вкусом. Несколько смущен). Здравствуйте дядя Валери, тетя Тасия...

Общий смех

Алекс. Та-и-си-я.

Валерий. Сын русского филолога - и говорит с грузинско-абхазским акцентом.

Получай майку с портретом Салтыкова-Щедрина от зрителя музея его имени, прошу любить и жаловать!

Алекс. Что значит «жаловать»? Заработанная плата?

Все смеются.

Таисия. Логично. Как ты вырос, Лешенька. А я помню, на проводах ты чокнулся бутылочкой с молочком и повторил за папой «Лэхаем». А сейчас – настоящий денди.

Алекс. Спасибо. Хай, Ксюшья!

Ксюша. (зарделась) Здрасти... хай!

Валерий. А для Эвы из Тарту - мне Марк Мироныч о вас писал - спецзаказ выполнил. Прощу. (Преподносит большой фолиант)

Эва. Лотман! «Русские поэты». (Узнать, как «спасибо» по-эстонски) Спасибо!

Валерий. Вы занимались в семинаре Юрия Михайловича?

Эва. Да. Записывала эти лекции в тетради, а теперь такой подарок. Благодарю!

Анна. Пошли, покажу ваши комнаты, мойте руки и пообедаем. Эва, пожалуйста, проверь еще раз, все ли на столе.

Эва. Хорошо.

(Все уходят, прихватив вещи. Алекс увозит коляску с Анной. Эва раскладывает салфетки на столе. Закончив, начинает рассматривать фотографии в книге)

Эва. Милый, милый Юрий Михайлович! Вот таким я вас и помню. И портфель знакомый. А это Егоров, Топоров, Зара Григорьевна...

(Входит Марк.)

Марк. Покажи. Когда издали?

Эва. В прошлом году.

Марк. После смерти. Обыкновенная история для гениев в России. (Перелистывает книгу) Редкие фотографии. Посмотри, как интересно меняется его облик. Вот он в школе - типичный еврейский мальчик: большеглазый, длинноносый, курчавый.

Эва. Где, где?

Марк. В третьем ряду, в центре.

Эва. Я бы не узнала.

Марк. Армия – пострижен, губы сжаты, грустные глаза. Студент ЛГУ – первые усы и снова баранья шапка волос. В Тарту – усы все пышнее и пышнее, густые брови. Ученый с мировым именем – усы как у Ницше, нет, скорее как у Швейцера, да и похож на него, но лицо неповторимое. Как же я тебя не встретил в Тарту, когда ездил туда?

Эва. Я, должно быть, только на свет появилась.

Марк. Девочка - разницу лет помню. (Обнимает ее)

Эва. Пожалуйста...

Марк. Ночью спрячусь у тебя.

Эва. От кого? (уходит в кулису).

Марк. Безумец я, мальчишка! (Закуривает)
(Звонок по телефону.)

Голос сестры Фиры. Шальом Марик!

Марк. Фейгеле! Давай перезвоню.

Фира. Ничего, ничего, Что у вас?

Марк. Только что приехали из Твери Валерий Хмелев с женой и дочерью. Пробудут пару недель. Потом собираюсь к вам. Как Мириам?

Фира. Барух ашем. Вот-вот родит мальчика. Успеешь побывать на брис. Как Аня, Альоша?

Марк. Слава богу. Скажи Мириам, что привезу ей лэптап, или, как шутит мой друг, тят-ляп.

Фира. Спасибо. Передам. Марик, завтра юрцайт по маме, ты будешь на кладбище – положи и от нас камешек.

Марк. Обязательно, Фейгале.

Фира. Передай всем привет. Целую.

Марк. Обнимаю. До встречи.

(Появляется Анна. Эва подвозит коляску к столу)

Анна. Спасибо, Эва (та уходит на кухню). Мара, пожалуйста, не кури здесь. Хватит, что кабинет весь прокурен. (Марк гасит сигарету о спичечную коробку). Они обалдели от мастербедрума с джакузи. Тася выглядит намного старше своих лет. Жалуется на жизнь. Валерий хорохорится. Зарабатывает гроши в музее и, по-моему, не просыхает. Мара, я тебя прошу, не потворствуй ему с выпивкой.

Марк. Анка, не устраивай сухой закон – перед гостями неудобно.

Анна. А вдруг что-то с сердцем у гостя, и иншуренса нет. Они пробудут здесь две недели.

Марк. Не надо усложнять.

Анна. Я тоже не думала, не гадала, а случилось.

Марк. Хорошо, позвоню агенту.

Анна. Мара...

(Во время разговора Анны и Марка, Эва приносит из кухни тарелки с закусками).

Мара... твой бедрум мы отдали Ксюше, ночевать на это время можешь у меня... на второй кровати.

Марк. Тебе не дам спать и сам не высплюсь. Я постелю себе в кабинете. Звонила Фира. Тебе привет. Ждет внука..

Анна. Спасибо. Радости-то сколько будет.

(Входят гости. Таисия в ярком длинном платье, Валерий в костюме, белой рубашке с галстуком, Ксюша в узенькой короткой юбке и матроске).

Анна. Прошу всех к столу. Леша! Мы садимся обедать.

Голос Алекса. Иду, мам!

(Анна занимает место с одной стороны стола, Марк напротив с другой стороны, Валерий и Таисия рядом, Ксюша напротив, и рядом кресло для Алекса. Алекс появляется, подходит к маме).

Алекс. Хай мам, ай лав йу. Хай! (машет всем рукой и садится возле Ксюши) Хай, Ксюшья!

Ксюша. Ты уже здоровался сегодня.

Алекс. А у нас можно сколько угодно.

Ксюша. Хорошо. Хай.

Алекс. Это тебе от нас. (Дает ей цифровой фотоаппарат). Камера снимает, записывает и сразу воспроизводит. Здесь чип на четыреста фотографий. Начинать снимать и комментировать. Это будет твой дайри, айм сорри – дневник в Америке.

Ксюша. Ой! Спасибочки. (Чмокает его в щеку. На протяжении разговоров взрослых в Алекс показывает, как работает аппарат)

Марк. (стучит ложечкой по фужеру). Господа! Вы уже, надеюсь, привыкли к этому обновленному обращению. Когда 18 лет тому мы уезжали...

Анна. Девятнадцать в апреле минуло.

Марк. Да, девятнадцать... думали, что никогда уже не встретимся. И вот вы здесь. За ваш приезд!

Валерий. Лыхаем!

(Кто выпил сразу, кто постепенно. Эва помогает за столом).

Таисия. В самолете я не спала и решила восстановить по памяти список нашей группы.

Марк. И сколько ж нас было?

Таисия. Сначала восемнадцать, а потом добавились еще двое.

Анна. Правильно. Синицкая Таня и Твердохлебов Олег.

Марк. Только женщины могут такое запомнить.

Валерий. Тогда пьем за женщин. Лыхаим!

Таисия. Тебе дай только повод.

(Ксюша и Алекс выходят из-за стола, чтобы сфотографировать застолье, затем на протяжении разговора снимают из окна город)

Ну, что? Вам интересно будет услышать?

Анна. Даже очень.

Марк. Замечательная идея. Одним махом всех побивахом

Таисия. К сожалению, Марк, поговорка оказалась слишком к месту.

Этот список больше похож на мартиролог. Шесть человек ушли из жизни.

Марк. Кошмар.

Анна. Кто же? Я знаю только про Милочку Лотоцкую. У нее поздно обнаружили меланому. И про Василия Николаевича Вельяминова, но ему уже было за восемьдесят.

Таисия. Это из старой гвардии. А тут, фактически, молодые люди. Женечка Ткачев возвращался поздно с лекции, он вел курс на вечернем, студенты еще задержали его немного. Домой не дошел. Ограбление с убийством. А все из-за шапки и пальто. Это было в январе девяносто первого. В том же году Игорь Онишко сгорел за несколько месяцев: рак легких. Наташка осталась с двумя детьми.

Анна. Господи! Игорь? У меня до сих пор хранится его карандашный рисунок – портрет мой. Не могу поверить.

Таисия. А Володю Антонова и Анжелу Иванову, конечно, помните?

Анна. Самая идеальная парочка была.

Таисия. Именно была. Володю вскоре отозвали из университета в ФСБ...

Марк. Что за аббревиатура?

Таисия. Федеральная служба безопасности. Он быстро там сделал карьеру, не то полковником, не то подполковником стал.

Валерий. Полковником, полковником (молча, без тоста, выпивает).

Таисия. Получили квартиру в обкомовском доме, машина. Володя днем и ночью на работе, разъезды, детей не было. Анжела устроилась завлитом в театре, закрутила любовь с красавцем-актером, по моему, даже моложе ее был. Володя догадывался, ему доносили, но любил он Анжелку безумно. Когда она собралась уйти от него, он застрелил ее и пустил себе пулю в лоб. (Пауза)

Марк. Да-а. Как в классических мелодрамах.

Таисия. И еще Жора Владко. Его «крымчаком» звали. Он из Пятигорска приехал. Пел под гитару песни Высоцкого, сам сочинял, и... пил безбожно.

Анна. Его ж за поножовщину в общежитии не допустили к госэкзаменам.

Таисия. Да, да. Когда вы уже уехали, он все же получил диплом. Но связался с наркоманами. Стал зависимым и умер от передозировки.

Анна. Таська, а новости повеселее о наших сокурсниках существуют?

Таисия. Извините, что начала с печального. Но вот чего-то веселого и не вспомню сразу.. Есть успехи. Бывший наш комсорг Паша Кольцов стал губернатором.

Марк. Неудивительно.

Валерий. А когда-то тверским губернатором был Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. И оставил после себя «Губернские очерки», «Пошехонскую старину», «Сказки».

А Пашка Кольцов оставит себе выстроенную домину в три этажа за полученные взятки.

Таисия. Зато дом сказочный. Ну, а Овчинникова Катя защитила докторскую, скоро профессором станет.

Марк. Та, что Фединым занималась?

Таисия. Да-да. Добавился еще и Георгий Марков.

Марк. Но ведь сейчас это вчерашний день? Кто их помнит?

Таисия. Да, но она успела это все сделать до развала.

(Алекс и Ксюша подходят к столу)

Алекс. Айм сорри. Мом, дэд, мы с Ксюшей пойдем к Сержу: он повезет нас на Нэви Пир. Покажем Ксюше вечерний Чикаго, озеро, даунтаун.

Анна. Машину будет вести только он. И не позже одиннадцати быть дома.

Алекс. Окей. (Целует ее) Бай-бай

(Ксюша шепчется о чем-то с мамой. Та кивает головой. Алекс и Ксюша уходят)

Валерий. Маркуша, ты обещал рассказать про генерала КГБ.

Марк. История тоже не из веселых, да и, собственно, она не про генерала, она про нас самих.

Марк. Заболел у нас Лешенька, надрывается от плача. Не спит. Не набирает веса.

Таисия. Я помню, как вы беспокоились.

Анна. Еще как.

Марк. Естественно, пошли в поликлинику. Ничего вразумительного. Выписали капельки. Не помогают. Анька извелась. Что делать? Знакомые вспомнили, что в городе проживает бывший московский педиатр Яков Борисович Зильберман. Нашли его. Оказался интеллигентнейший старик. Пришел. Посмотрел на малыша и спрашивает Аню: «Как вы его кормите?» Покраснела и говорит - грудью...

Анна. Марочка, извини, тут важен один момент. По рекомендации врачей, я кормила его строго по часам - через каждые четыре. А он спрашивает «Молока хватает?» Я ему говорю «Я еще сцеживаю». «А вы отдавайте его лучше мальчику. Он ведь голодает у вас». И представляете, все моментально изменилось. Лешка стал на глазах наливаться.

Марк. Просто и гениально. Мы с Зильберманом подружились. Я стал бывать у него. О лагере, где он отсидел с сорок девятого по пятьдесят пятый, рассказывал мало. Но так, как у начальства тоже были дети – он был нужен и не пропал. И вдруг через Красный Крест его находит сестра, жившая в Америке. Она считала, что его уже нет в живых после ГУЛАГа.

Добилась поездки в Союз. Тверское ГБ перед ее приездом проинструктировало Якова Борисовича, как себя вести, что показывать в городе, что не показывать. Я когда узнал о ее приезде, страшно захотел увидеть человека оттуда. Старик не советовал, но я настоял: «Другие ведь времена, Яков Борисович!» Он ухмыльнулся. Мисс Бетси, худенькая старушечка в джинсовом костюме, подстриженная под мальчишку, была счастлива от встречи: шутка сказать, они не виделись семьдесят пять лет. Родители погибли во время Кишиневского погрома в девятьсот пятом. Двухлетнюю Бетю вывезла в Америку сестра мамы, а четырехлетний Яша остался в семье двоюродного брата отца. У него был извоз в Бирзуле. Лошадей жалко было оставлять, а иначе уехал бы тоже. В девятнадцатом его петлюровцы шомполами забили и коней забрали.

Таисия. Бирзула, где это?

Марк. Была тогда в Бесарабии. В Советское время присоединили к Одесской области - станция Котовск. Интересно, что у Куприна есть примечательный рассказ, где действие происходит именно на станции Бирзула. Два поезда: один из Одессы в Санкт-Петербург, а другой из Киева в Одессу, - остановились на станции на двадцатиминутную стоянку. Из вагонов вывалили пассажиры покупать свежие яблоки, черешню, помидоры.

Красавец-офицер и молодая обаятельнейшая женщина встретились взглядами, прогуливаясь по перрону. Заговорили. И этого было достаточно, чтобы она забыла о муже, спящем в купе, и, когда столичный поезд стал отходить, она с офицером прыгнула уже на ходу в первый попавшийся вагон и была такова.

Таисия А чемодан, духи?

Анна. А муж, в конце концов?

Валерий. Какие вы меркантильные! Это и есть - любовь с первого взгляда! Лэхаим за любовь!

Таисия. Нашел еще один повод.

Марк. Вернемся к Якову Борисовичу и Бетси Яковлевне. Ей страшно нравилось, когда я к ней так обращался, по имени и отчеству. Из русских слов она знала всего несколько, типа «на здоровье», «спасибо», «бабушка» - с ударением на «у», что означало матрешку. Общались они больше всего на идише, хотя брат понимал и английский. Я смотрел и слушал с восторгом.

И вот меня вызывают... в КГБ. Аня, с Лешкой на руках, не отпускает одного: «Буду ждать, пока не выйдешь». Два холеных молодых мужика, у одного, кстати, университетский значок на лацкане пиджака, начали издалека: как учеба, как пишется, что нового опубликовал?

А у меня тогда, вы сами знаете, кроме рецензий на тюзовские спектакли, ничего не печатали. Затем подошли к делу. Они все знают: о моих встречах с Зильберманом, о посещении его сестры из Америки и о «ее сионистской пропаганде за отъезд евреев на историческую родину» - это их клише – «и было бы неплохо теперь вам, еврею, студенту-филологу помочь нашей Советской Родине, разоблачить эту агитаторшу, и высказать решительный протест. Статью в областную газету мы подготовим, остается мелочь: ваша подпись».

Вот тут «вскипел мой разум возмущенный», хотя теперь я понимаю, что эта была наивность и безрассудность. Я пытался сказать им, что никакая она не сионистка, конкретно меня никуда ехать не агитировала, что эти старики достойны восхищения.

Я готов написать о них очерк, рассказ, стихи. Но подписать клеветническую статью – ни за что! Стали давить на психику. «У вас родился сын, вы оканчиваете университет, у вас молодая жена – вы должны подумать об их будущем!» Я им на это отвечаю:

“Посмотрите, пожалуйста, в окно. Вы видите женщину с ребенком на руках – я все сделаю, чтобы их будущее было достойным». Вот в это время вошел генерал. Он все, конечно, слышал у себя в кабинете. Посмотрел на меня.

Сказал: «Выпишите пропуск. Разве вы не видите, что он сам уже не здесь, а там». И вышел. Отсюда появилось название книги.

Валерий. Ты никогда нам об этом не рассказывал.

Марк. Тогда я мог подвергнуть вас опасности. Но генерал оказался прав. В этот миг я понял, что там нам жизни не будет. Я долго не мог забыть этот визит в серое здание.. Мне снились эти лица. Не мог простить им все унижения, через которые мы потом прошли. И, когда мы уже уезжали, я по молодости решился на сумасшедший розыгрыш.

Валерий. Любопытно, любопытно.

Марк. Любопытного там было мало, а риск – был. Мы уезжали вместе с семьей брата, с мамой, которая у него жила, и его тестем и тещей. Звоню ему в Одессу. «Как ты думаешь, куда положить иконы, которые мы вывозим?» «Ты что, спятил!» И положил трубку. Набираю снова телефон и говорю: «Возьму для них большие подушки и не буду ломать себе голову» - и сам положил трубку. На таможне вырвали из рук визы, и с ножами - к подушкам. Распотрошили их в пух и прах.

«Где иконы?»

«Какие иконы?»

«Пока не укажете, где иконы, кровно принадлежащие государству, мы вас отсюда не выпустим!»

«Вы имеете в виду иконы, о которых я говорил по телефону брату? Пожалуйста, могу представить их, любите и жалуйте: Сарра Хаимовна Левит, в девичестве Мурафская моя мама, Реввека Шулимовна Шафир, в девичестве Розенталь - любимая теща моего брата и Иона Мордкович Шафир – тесть моего брата. Посмотрите на их лица – вылитые «иконы» работы византийских мастеров или Андрея Рублева.

«Убирайтесь поскорее из страны!»

«Что он сказал: чтоб я снял штаны?» – спросил глуховатый тесть моего брата.

«Нет. Как принято, он пожелал нам счастливого пути».

Потом это стали рассказывать, как анекдот. Не раз слышал.

Эва. Bravo! (Растерянно, как будто ее в чем то уличили) Извините, не могла не сказать.

Валерий. Выпьем за искренний порыв. За вас, Эва!

Эва (смущенно). Благодарю.

Таисия. Вот, теперь вспомнила и счастливый момент из жизни наших сокурсников. Верочка Островерхова вышла замуж за Славу Гриншпуна с физмата, и он увез ее в Израиль. Там он - ученый с мировым именем. Объездили десятки стран.

Валерий. Поэтому замуж, девки, надо выходить только за евреев. Лыхаим!

(Марк смеется.)

Валерий. Маркуша, зря смеешься. Я вполне серьезно. Евреи всегда остаются в выигрыше, несмотря на притеснения, антисемитизм, процентную норму. (пьет) Возьмем, к примеру, твою семью из местечка... забыл название.

Марк. Джурин.

Валерий. Так-так, Джурин. Так вот, ты сам рассказывал - сестра окончила медицинский, защитила диссертацию, брат - строительный институт, ты – Государственный университет. Три высших образования! У нашей мамани пятеро детей было. Обе сестры остались в деревне. Обзавелись семьями. Мужья спились. Братья после армии разбрелись кто куда. Одного менты избили почти до смерти. Стал калекой. Инвалидную коляску до сих пор получить не может. Василий дослужился до мастера в литейке, и лишь я после четырех лет службы на атомной подлодке, после облучения, облысения, оглушения попал на филфак. У кого же процентная норма? Дальше. На нашей кафедре заведующим долгое время был Моисей Аронович Тульчинер. Ничего плохого о нем не скажу – отличный специалист, но при нем появились кандидат филологических наук Софья Михайловна Браславская, ассистент профессора Борис Исаакович Штерн, старший преподаватель Петр Петрович, а на самом деле Петр Пейсахович или Петр Пинхасович, Орлов по маме, и среди студентов к концу окончания учебы, кроме тебя, оказалось еще несколько евреев, переведенных, тоже за взятки, с заочного на стационар, которых Таська не включила в список. Но это все цветочки! Когда после развала Союза стали кто как мог разворовывать Россию - кто больше всех преуспел? Олигархами кто стали? Евреи: Березовский, Гусинский, Ходорковский и иже с ними. Стало даже модно обнаруживать у себя еврейские корни. Оказалось, у Аксенова Василия Павловича мать - еврейка, у Владимира Николаевича Войновича – тоже, Григорий Бакланов – еврей, Анатолий Рыбаков – еврей, кто еще? Виктория Токарева – еврейка. Борис Васильев – тоже ваш человек и, что удивительно, в каждой своей вещи, притом литература хорошая, у него обязательно есть еврейский персонаж: и в «Списках не значился», и в «А зори здесь тихие». И Гудзенко, и Межиров. У Риммы Казаковой бабушка погибла в гетто. (Выпивает очередную рюмку).

Таисия. Валера, хватит. Ты теряешь, по-моему, разум!

(Во время монолога Анна вырезала из салфетки шестиконечную звезду и прицепила ее на кофточку. Марк кивает ей головой)

Валерий. Не перебивай! В театре и кино то же самое. Захаров, Волчек, Калягин, Рязанов, Самойлова Татьяна, Соловей Елена, Гундарева Наталья, Быков Ролан, Высоцкий, Утесов, Андрей Миронов - были или полностью евреи и еврейки, или наполовину. Зачем вводить народ в заблуждение, зачем скрываться под русскими фамилиями? Гордитесь, что вы евреи и достигли таких успехов! Но под своими настоящими фамилиями. Так нет – скрывают их. По всему Советскому Союзу не могли найти русскую актрису на роль Аксиньи в «Тихом Доне», а Элина Абрамовна Быстрицкая прекрасно ее сыграла. Хвала и честь ей! Но в интервью представлялась, как Элина Авраамовна. Пусть думают, что из поповских дочек, что ли? Я сам всю жизнь считал, что белокурый Марк Бернес литовец или латыш, а из фельетона в «Комсомолке» узнал, что он Наумович. У какого-то хохмача из Одессы я вычитал:

Евреям не присуща середина -
Особенно в типичности лица:
Казачка страстная – Быстрицкая Элина,
Лев Свердлин – воплощение Насреддина,
А Марк Бернес – российского бойца.

Хороший втык российскому самолюбию! Знай наших!
Я не говорю уже о композиторах, музыкантах – там сплошные евреи.
И «Русское поле», и «Катюша», и «И я люблю тебя жизнь»- все они
сочинили.

(Снова пьет)

В отношении тебя, Маркуша, поступили несправедливо. Ты был среди нас
самый яркий, самый перспективный, но тебе, фактически, выдали волчий
билет после отказа сотрудничать с органами. Теперь я это понимаю. Они,
безусловно, дали знать в деканат. Но нет худа без добра. Опять же еврейское
везение - эмиграция. И вы два месяца в Италии. Об этом только мечтать можно
было! Затем Америка. Филология по боку, пригодился еврейский талант к
точным наукам, и ты осваиваешь компьютер, становишься программистом,
консультантом. Вот это и есть еврейское счастье. Я горжусь тобой, рад за
тебя... Лыхаем!

Марк (его как будто окатили ледяной водой.). Спасибо на добром слове. Но
«...какое нынче тысячелетье на дворе?»

Таисия. Марк, не воспринимай всерьез этот пьяный бред.

Валерий. Заладила: пьяный, пьяный. Да я... да я столько лет не видел
Маркушу, моего старого друга... (выходит из-за стола, направляется нетвердой
походкой к Марку и целует его в голову) самого лучшего еврея в мире... Споем
нашу любимую:

Под городом Тверью
Не хлопают дверью,
Когда в общежитии девочки спят.
(Таисия, Анна, а затем и Марк подхватывают песню)
Уходят пораньше,
Чтобы комендантше
Врасплох не застучать
Влюбленных ребят.

На Волге широкой,
На стрелке далекой
Гудками кого-то зовет пароход.

Под городом Горьким,
Где ясные зорьки
В рабочем поселке
Подруга живет.

(Затемнение)

Голос автора: Они еще в лад спели «Легко на сердце от песни веселой», «У нас в общежитии свадьба», «На безымянной высоте», «Возьмемся за руки друзья», не обошлось без «Подмосковных вечеров». Поздно вечером они разошлись по спальням. Кроме Валерия, заснуть долго никто не мог. В начале одиннадцатого Анна пыталась дозвониться к Алексею. Телефон не отвечал. Он в очередной раз оставил его дома.

(Марк у Эвы. На столике горят две свечи)

Эва. Этот Валерий действительно был вашим другом?

Марк. Что значит «другом»? Учились на одном курсе. Жили в общежитии вместе. Пили вместе. Никогда не заговаривал со мной о моем происхождении, видел, что такой же, как все, и пью как все, и драться тоже могу, и начитаннее оказался, а посылку из дому с мамиными коржиками - сразу на стол: угощайся, что писал - ему нравилось. Помог теперь издать книгу. И вдруг - такой интерес к еврейскому вопросу. Такое познание. .

Кстати, именно вчера на интернете я прочел поразительный документ: в день смерти Сталина какой-то «музыковед» написал в Политбюро письмо, где просил учесть, что Государственный симфонический оркестр Советского Союза сплошь состоит из евреев, и эти изменники, эти ставленники Джойнта не сумеют выразить в исполняемой ими траурной музыке во время похорон любимого вождя, всю скорбь нашего народа, и их надо заменить русскими музыкантами. Стилистика какая! Для тогдашнего времени это понятно, но то, что я услышал сегодня – это как обухом по голове. Америка, конечно, воспитывает в нас другие этические нормы. Ну, гость, надо выслушать, неудобно прерывать.

Эва. А в вашем доме этично об этом говорить?

Марк. В том-то и дело. Не могу понять, почему я дал ему довести этот длинный пьяный монолог до конца. Правда, мне было интересно наблюдать, как реагируют на это остальные, например Аня. Она оказалась на высоте!

Эва. Мне самой хотелось выразить ему свое неприятие, но при хозяевах я считала...

Марк. Как я не сделал это? Что-то зажалось во мне. Еще в школе при слове «жид» тут же бил по морде. И это оказывало самое лучшее действие. А сегодня я окаменел и даже подпевал песню, чтобы сгладить этот позор.

(За окнами сверкнула молния. Гром..)

Эва. Должно быть, гроза будет

Марк. Похоже.

Над Норсбруком гроза
Заборы все вокруг скосила.
Всевышнего – одна слеза,
А сколько страха! Что за сила!

Мы жили тогда на ферме, севернее Чикаго.

Эва. Мне очень нравится. (Повторяет)

Всевышнего – одна слеза!

А если бы Бог заплакал? Что тогда? Потоп.

Марк. То же самое сказал мне редактор русского журнала, старый эмигрант, но подчеркнул. «И все же, по языку стихи – еврейские». Меня это чрезвычайно удивило. Кем же тогда считать себя? Украинским, советским евреем, пишущим стихи на русском? Нонсенс. (Чиркает спичкой. Закуривает новую сигарету)

Бог с ними. Хочешь послушать мой новый рассказ?

Эва. Конечно.

(Марк включает магнитофон. Звучит его голос. Возможен вариант прочтения рассказа актером вживую)

“Умчаться на Филиппины”

Вот уже год, без исключения, по воскресеньям, с утра до полудня, в семье считалось что Сорин посещает клуб здоровья. В действительности все обстояло по другому, .Да, он аккуратно складывал в спортивную сумку кроссовки, полотенца, садился в машину и уезжал совсем в другое место - к женщине ставшей последней любовью в его жизни.

Он отвоевал эти несколько часов для себя сложной, выматывающей нервы работой в лаборатории и заботливым отношением к жене, прикованной к постели после автомобильной катастрофы.

Обе дочери были уже замужем, жили своими домами, воспитывали детей и навещали маму нечасто. Днем за ней присматривала приставленная медсестра, Вечером ночью, утром - Сорин терпеливо выполнял роль няньки.

Дом их был отгорожен от соседей с четырех сторон сплошным забором деревьев и кустов. Летом, в жаркие дни, до болезни Даши, они ходили почти голышом по большой поляне. Глубокой осенью запах прелых листьев напоминал им лес возле волжской деревни, где они учительствовали вместе после института. Давид Гершенович преподавал математику, а Дарья Николаевна литературу.

Зима под Чикаго бывала суровой. Их заносило снегом по окна.

Особенно выматывал силы выезд из гаража на дорогу длиною в девяносто семь метров.

Вот и сейчас небывалый снег покрыл все вокруг.

Был третий час ночи. “Дорожка любви” была расчищена меньше чем наполовину. Две промокшие до ниток рубашки успел уже поменять Давид. Даша не смыкала глаз и упрасивала его лечь спать. Давид поправлял одеяло на ее кровати, целовал ей руки и уходил в ночь.

“... снег, снег, снег на ногах не стоит человек, я печенег я хочу тебя моя Кама с утра моя камасутра моя филиппиночка этот филиппик посвящаю Карине моей карме я влип по уши голубые глаза хороши но мне нравятся карие раскосые и косы ее буду жевать и обвязывать вокруг черепа ха-ха-ха и спрячусь как

черепаша в панцырь, во имя этого мига моя амига если сломаются лопаты
я вырою тунель носом моим горбатым...

... кстати, пора купить снегоочиститель...

... ритм тот же свободный стих верлибр ветер стих верь ин зе либе арбайт
махт фрай не умирай раньше смерти на снегу играют черти бесы... ноги босы
грязно тело и едва прикрыта грудь не стыдися что за дело это многих славных
путь за дело за дело

за живое задело...

... метров еще сорок осталось...

... а ну-ка песню нам пропой веселый ветер, веселый ветер ... ветер на всем
божьем свете впереди исус христос в белом венчике из роз возвращаюсь
каждый раз зацелованный взасос сос сос ... сосо джугашвили...

... кстати, сегодня пятое марта сорок семь как дуба дал Генералимусс, но
тогда я ревел как мальчишка...

... не отвлекаться восстановим ритм не ври там никогда я не был на босфоре
и в виндзоре на аляске твои ласки твои пальцы и непальцы и непалки елки
палки лес густой ... стой кто идет идиот

... неужели это всплывет когданибудь... сколько веревочке ни виться, но я
ведь по-другому уже не смогу. Казалось я все познал – и вдруг восток, и нет
запретов, и нет комплексов, претензий.

Дашка и в молодости была стыдливой, а тут еще этот эксидент...

У него кончились сигареты. Даша по прежнему не спала.

- Усади меня в кресло. Не могу лежать.

Было без четверти шесть. Он выполнил ее просьбу.

Аккуратно накрыл ей ноги пледом. Поцеловал в щеку.

- Пойду покурю.

... что же это такое? Никакая сила меня не остановит, чтобы пропустить
эти два часа радости, наслаждения. И главное я не чувствую перед Дашкой
угрызения совести...

Осталось всего немного. Щипком указательного пальца он выбросил окурок.
Снег с шипом погасил его.

... за работу това...хватит ерничать

Появилось второе дыхание и он споро орудовал лопатой.

Ему показалось, что за спиной послышался скрип. Он оглянулся...

На него мчалась коляска. Даша из всех сил крутила колеса. Плед упал. Он
побежал ей навстречу. Коляску вдруг увело в сторону и ударило о сугроб.

Даша вывалилась.

... Господи!

Давид схватил ее на руки и прижал крепко. Она била его худенькими
ручонками по плечам, по голове повторяя:

- Я знала, я знала!

Давид почувствовал щемящую жалость, и еще крепче прижимал к себе.

- Дашка, родная, успокойся перестань, я люблю тебя, люблю..

Она вдруг обмякла, сжалась вся и замолкла.

Укладывая ее в постель он продолжал повторять:

- Я люблю люблю тебя глупенькая...

И она поверила и он сам в этот миг верил, и в то же время он знал, что все придумает, сделает, исхитрится, чтобы умчаться... на Филиппины!

(Марк выключает магнитофон или заканчивает читать. Эва тихо плачет)

Марк. Я думал, что сумею завуалировать события, но все получилось прозрачно,

Слишком прозрачно. Эва, рассказ этот только для нас двоих.. Спрячь его. Он будет существовать у тебя в единственном экземпляре.

(Звонок)

Марк. Я слушаю.

Голос Алекса. Дэд!

Марк. Где вы?

Голос Алекса. В тюрьме.

Марк. Что за шутки.

Голос Алекса. Дис из нат а джоук. Серж переехал на красный, и его остановила полиция. Он стал с ней спорить. Они заставили его провериться на алкоголь, а мы выпили немного шампанского перед этим.

Марк. Не тяни резину

Голос Алекса. Что это значит?

Марк. Вы все там?

Голос Алекса. Да.

Марк. Что надо делать?

Голос Алекса. Привезти залог.

Марк. Сколько?

Голос Алекса. Дэд, айм сорри – три таузенд.

Марк. (после паузы) Привезу.

Голос Алекса. Папа...

Марк. Что еще натворили?

Голос Алекса. Требуют документы Ксюши.

Марк. Ясно... Какой там адрес? Знаю. Это рядом. Ждите... сукины дети!

Голос Алекса. Что это?

Голос Ксюши. Я объясню тебе.

Марк. Эва, милая, извини. Меня срочно.

Эва. Понимаю.

Марк. Спасибо... Эвечка. Спи. (целует ее).

(Марк выходит из темноты на авансцену).

Марк. (набирает номер на селфоне) Аннушка!

Голос Анны, Что случилось?

Марк. Ничего особенного. У Сержа спустило колесо на машине.

Анна. Я чувствовала, что произойдет что-то... У него есть «Трипл А»?

Марк. Скорее всего, нет.

Анна. Где они?

Марк. На Лейк шор драйв. Я еду и заберу Ксюшу с Алешей и вызову «Трипл А»

Голос Анны. Господи, когда же это все кончится!

Марк. Скоро будем. Отдыхай, Анька.

Марк (у двери Таисии и Валеры) Тася! (тихо стучит) Таська!
(Открывается дверь)

Таисия. (запахивая халат): Марк! Мой пьяница дрыхнет, как убитый. Ксюша уже приехала?

Марк. Таська, не беспокойся. Нужен ее паспорт и виза.

Таисия. Почему только ее?

Марк. Их машину остановила полиция... за небольшое превышение скорости.

Таисия. Это серьезное нарушение?

Марк. Они очень пристально наблюдают за молодежью.

Таисия. Что же им будет?

Марк. Штраф и... больше ничего.

Таисия. Сейчас вынесу.

Марк. Идиотская ситуация.

Таисия. Вот, Марк.

Марк.(целуя ее.) Не беспокойся.

Таисия. Спасибо (прижимается к нему всем телом).

Спальня Анны. Она лежит на специальной больничной кровати Тихо играет музыка, слышен шум океана, поют птицы.

Анна. ...релакс... релакс.. расслабься... улыбайся... вспоминай самые приятные моменты...самые приятные моменты...

... я с мамой в саду... она снимает с дерева вишни в ведро... если падают рядом, я их поднимаю и добавляю к остальным... «Умничка, Анечка, спасибо»... мне четыре года... я счастлива... моя мама учительница, красивая, с ямочками на щеках... я увезла такую фотографию с собой...

... мне лет девять... бегу на речку с подружками... у меня самый нарядный купальничек... две грудки-кнопочки выступают под синей ленточкой... вода не глубокая, но мальчишки ныряют и пытаются ухватить кого-нибудь за ноги.. больше всего меня... когда это делает очень крепкий и симпатичный соседский мальчик Алеша – мне приятно...

Алеша... вот и весь релакс.. пока не увижу его дома, ничто не успокоит.

(Выключает музыку)

А впереди еще ночь, и опять повторится сон: веду «Тойоту – королю», послушную мою «коровушку» и думаю, что надо заехать в «Даминикс», купить Лешке молоко, круасоны... невероятной силы удар, скрежет металла - в дверцу врезается трак... темь... тишь... Просыпаюсь в госпитале. Вся искорежена. Зубы выбиты. Ноги и руки неподвижны.

И о чем же я подумала в первую минуту? Ведь Мара меня уже никогда не поцелует, не обнимет, не заласкает, как раньше! Мне сорок пять, а я... калека. Но что за живучее существо человек... голливудская челюсть, современная коляска... держи фасон!

... а еще надо следить, чтобы Леша учился, не попал в дурную компанию. А он доверчив. Хорошо еще, что наши подозрения о его «голубизне» оказались напрасными. Вот увидел ангелочка Ксюшу, и как загорелся! Дай-то Бог! А сколько стоит сил быть дипломаткой с Марой. И хочется, чтобы мама получала красивые фотографии, посылки, деньги. Что за сумасшедший день сегодня! Голова пухнет! Один только Тасин список может ввергнуть в уныние. А болтовня Валерия... успокойся.... успокойся...

(Включает музыку)

Релакс... релакс... вспоминай только интересные моменты..

... мне девятнадцать... мы отмечаем мой день рождения в общежитии... мои подружки по комнате, ушли после застолья, оставили нас вдвоем с Марочкой, чернокудрым, яркоглазым красавцем. Мы выпили на посошок ... и замерли в поцелуе. Я никогда до этого так не целовалась. Закружилась голова. Мне казалось, что я сейчас вот-вот упаду. И вдруг стук в дверь. «Откройте – народная дружина!» Я растерялась. Марк прикрыл пальцем губы: «Молчи». Я быстро спрятала пустые бутылки под кровать, а Марк открыл окно, огляделся и полез на карниз. А жили мы на седьмом этаже. Я ни живая, ни мертвая иду к двери. «Студентка Довгань! Мы осведомлены, что у вас находится посторонний мужского пола. Немедленно открывайте!» Распахнула я перед ними дверь. Ворвался Олег Игоревич, парторг факультета, и с ним староста нашей группы Людка Авдеева. «Посмотри под кровать», - приказывает он ей. Та приподняла покрывало и вытащила пустую бутылку. «Так. Значит, еще и пьянством занимаетесь».

«Да ведь у меня сегодня день рождения», - оправдываюсь я. «С девчатами отмечали». «Посмотри за окно» Я обомлела. Людка глянула влево, глянула вправо и говорит «Никого нет, Олег Игоревич» Я грохнулась на пол. Уже потом Марк рассказал концовку этой истории. Когда я потеряла сознание, растерялся уже парторг. Окропили меня водой, я открыла веки, а «дружины» след простыл. Марк влетел в комнату. Зацеловал мне глаза, лоб, губы. Я заулыбалась и спрашиваю: «Что ты сказал Людке, когда она тебя увидела?» «Я люблю Аньку! Будешь свидетелем в ЗАГСе.» Так оно и случилось. А заложила нас Оксанка из Тернополя. (Кукушка начинает куковать одиннадцать. Набирает номер). Мара, ну что?

Голос Марка. Трипл «А» уже здесь. А мы едем домой.

Анна. Мара, помни, что ты пил..

Марк. Уже все выветрилось давно. Не волнуйся. Спасибо за могоендовид.

Анна. Хочу вас уже видеть дома.

Комната Эвы.

Эва. Господи, прости меня, прости, я прошу тебя. Мне стыдно ее обманывать. Я счастлива за счет этой несчастной женщины. Я обкрадываю ее. Пока Марк Миронович пробудет в полиции, разберется что и как, я должна уйти, сейчас же, немедленно. Ничего никому не объясняя, скрыться и начать все сначала.

(Вся в слезах, начинает запихивать вещи в чемодан).

По селектору голос Анны. Эва, зайди, пожалуйста. Мне срочно нужна твоя помощь.

Эва (села на чемодан и прикусила губы чтобы не разреветься). Иду, Анна Ивановна.

Спальня Таисии и Валерия. Таисия сидит в кресле. Валерий храпит.

Таисия. Как я вся встрепенулась, когда прижалась к нему. Точно так же, как на прощальном вечере. Тогда мы пили самогон, привезенный сестрой Валерия из деревни, а сегодня французский коньяк и ароматные вина. А этот, как выпьет, теряет разум. Как он утром будет смотреть «своему лучшему другу» в глаза? Позор! И это в первый день приезда! Как все переплелось. Несчастливая Анька! Кажется, все в доме есть, а на сердце кошки скребут. Алешка вырос, красив, но что-то в нем инфантильное для двадцати одного года, если учесть, что вырос в Америке. А импозантный Марк, и слишком юная и красивая эстоночка? Понятно, что Аня переживает.

(Слышно повизгивание секюрити от открывания двери) Кажется, пришли.

Уходит навстречу Ксюше

В передней появляются Марк с детьми. Ксюша вся зареванная, одежда помятая.

Алекс взвинчен, на нерве.

Марк. Бегите к мамам. (Закуривает очередную сигарету.)

Высвечивается комната Эвы

(Марк появляется в комнате Эвы. Видит чемодан с вещами.)

Да, и здесь начинается драма. И ее виновник – я сам.

(Появляется Эва вся в слезах)

Марк. Что произошло?

Эва. Я во всем призналась Анне Ивановне.

Марк. Что?

Эва. Марк Миронович! С вами хорошо, чудно, но я должна уйти отсюда. Мне

все время было стыдно смотреть Анне Ивановне в глаза. Я чувствовала, что она догадывается и терпит. Мне часто хотелось провалиться сквозь эту башню, сквозь все ее тридцать семь этажей.

Марк. Ты этим признанием должна была ее....

Эва. Она все знала. Она меня обняла, и мы обе ревели, как белуги. Анна Ивановна - удивительная женщина. Беспредельно предана вам и Алеше. Она сказала, что не держит на меня зла, просила остаться, хотя бы до отъезда гостей.

Марк. И что ты ?

Эва. Я... согласилась. А затем я уйду.

Марк. Я себя чувствую просто-напросто подлецом. И глупым, наивным человеком. Я хотел совместить несовместимое. Мне казалось, что так может длиться долго–долго. А ведь с самого начала должно было быть ясно, что это невозможно. Теперь я потерял вас обеих. Но я не мог устоять, когда увидел,

что пришла именно ты, студенточка из Тарту, в кожаной фуражечке на прелестной головке. И я полюбил, как никогда до этого.

... О, как на склоне наших лет

Нежней мы любим и суеверней...

Эти тютчевские строчки я знал хорошо и раньше, но ощутил их глубину, только встретив тебя. Прости меня (целует ей руки), прости...

(Эва подходит к нему и прижимает его голову к себе)

Затемнение

(Высвечивается спальная Анны. Вбегает Алекс и с плачем бросается к маме.)

Алекс. Мом, мом. Плиз, айм сорри. Извини меня. То, что сегодня произошло, должно перевернуть всю мою жизнь.

Анна. Алешенька, что с тобой? (обхватила его голову и плачет вместе с ним) Успокойся, мой маленький!

Алекс. Когда они нас выволокли из машины, скрутили назад руки и, как преступников, положили на капот, я это сто раз видел в кино, но видеть рядом Ксюшу с наручниками! Я брыкался, я кричал: «она самая светлая, самая чистая девочка в мире! Не смейте ее трогать!» Мом, я не знаю, как я не потерял рассудок, как я не разбил свой лоб об их каменные кулаки...

Анна. За что это?

Алекс. Только за то, что Серж проскочил на красный свет. А когда они нас остановили, он стал спорить с ними. Они потребовали драйвер лиценс. У Ксюши с собой вообще не было документов. Проверили всех на алкоголь. А мы у Сержа выпили русское шампанское, что Ксюша попросила у мамы, и они нас забрали в участок.

Анна. Почему же Серж не заметил красный свет?

Алекс. Мы заговорились и смотрели больше на Ксюшу, чем на дорогу. Серж в нее тоже влюбился.

Анна. Значит, и ты?

Алекс. Мом, она чудо, такой больше на свете нет.

Анна. Это вы определили за два часа знакомства?

Алекс. Мом. Это я определил, когда увидел ее за столом. Такое я испытываю впервые.

Анна. Я рада. И куда вас отвели полицейские?

Алекс (снова возбужденно). Как все было унижительно. И отпечатки пальцев. И камеры, переполненные бандитами, наркоманами. Я представил себе на миг Ксюшу в женской камере среди воровок, проституток и бросался на дверь, стучал, орал. Просил о помощи. И удивительно – это никого не тронуло. Думали, что я сошел с ума. Может, это действительно так. Когда дэд нас забрал оттуда и мы встретились с Ксюшей в вестибюле, мы бросились друг к другу, рыдали, смеялись, а потом обнялись и застыли. Мы были одни в этом огромном, страшном мире, одни, одинешеньки, мы не замечали Сержа, папу, полицейских, никого! Я шептал ей: «Ай лав ю!», а она мне – «Люблю!»

Анна. Люблю.

Алекс. Да-да, айм сорри - люблю. И я тебя люблю, мама.

Анна. И я люблю тебя.

Кукушка бьет 12 часов ночи. Затемнение.

Высвечивается спальная Ксюши.

Ксюша (сидит на кровати, поджав под себя ноги. Перед нею диктофон.). Сейчас 1 августа. Ровно двенадцать часов ночи. Только что ушла мама. Вся в слезах после моего рассказа. Но я заметила, что ее не так встревожил сам факт моего «так называемого ареста» и подробности быта американской тюрьмы, как наши чувства с Алешей. При каждом упоминании его имени она вздрагивала и повторяла «Господи, господи, что же это будет!». Я, как могла, смягчала все, чтобы ее не расстраивать, а то, что папа спит непробудно - это хорошо, иначе был бы скандал на весь дом. Я обещала всему классу по приезде домой подробно рассказать о моем пребывании в Америке. Если я запишу на диктофон только несколько последних часов этого первого дня - это будет похоже на самый страшный сон. Теперь по порядку. Аэропорт Охара – визитная карточка Чикаго и прототип романа Хейли. Сказочный мир из стекла и металла. Выходишь из самолета - и почти сразу попадаешь на эскалатор, точнее, движущуюся дорожку под высоким потолком, по которому плывут гирлянды разноцветных огней в сопровождении мелодичных звуков, наподобие наших валдайских колокольчиков. Дом, в котором живут Левиты (в Америке их фамилия звучит очень благозвучно) - тридцатисемизэтажная «Черная башня». Они занимают по кругу последний этаж. Там шесть спален, пять ванн, не считая джакузи, и столько же туалетов. Из окон до горизонта простирается озеро Мичиган. Это настоящее море. Вообще, это надо видеть. Моя цифровая камера (подарок наших американцев, по Алешиной подсказке, конечно, ничего себе подарочек долларов на четыреста) позволяет все заснять, что я постепенно и сделаю. Упущу шикарный обед. Тетя Аня была в великолепном шелковом брючном костюме, чтобы скрыть ноги, искалеченные после аварии. Дядя Марк - вылитый (из бутылки, он тоже любит выпить, как и папа) наш актер Виторган, и их сын Алексей, или по-американски Алекс, влюбившийся в меня сразу, мне он понравился, но по-настоящему я оценила его после задержания нашей машины полицией. Мы не досидели до конца обеда и в полтретьего пошли к его другу Сержу (бывшему Сереже). Он рассказал в связи с именем неплохой анекдот. Гоги звонит к Гиви и радостно сообщает: «У миня радылса сын!!!»

«Как назвали?» «Угадай! Пэрвый слог - нота, втарой слог - част галавы» Гиви не может догадаться. «Вай, вай! Эта же так просто: Си-рожа». Я подумала: если после всего, что потом случилось я могу вспомнить анекдот – крыша у меня еще не поехала. Родители Сержа уехали в Лас-Вегас поиграть в казино, они богатые люди. Он взял из подземного гаража их новый «Кадиллак». Мы с ветерком мчались по широкому хайвею, а потом выехали на дорогу, идущую вдоль озера. Красота неописуемая. Вечерний город весь в огнях. Наш экипаж в 300 лошадиных сил въезжает на мост, и, кажется, мы сейчас поднимемся в небо. Я чувствую себя Золушкой, рядом с двумя принцами, влюбленными в меня по уши. И вдруг вой сирены – за нами гонится полицейская машина.

Серж отказывался признать, что проскочил на красный светофор. Они попросили документы. Я свою визу и паспорт не взяла с собой. Серж и Алекс продолжали препираться. Полицейские попросили нас выйти из машины. Проверили на алкоголь. Мы до этого выпили по фужеру «шампанского», которое я прихватила в подарок. Нас положили брюхом на капот. Одним ловким движением заломили назад руки и защелкнули наручники. Какой стыд я пережила. Алекс кричал, вопил, как я поняла, что они не имеют права заковывать ангела, т.е. меня. Он ногами пытался ударить полицейского. Нас затолкали на сидения. И увезли в полицию, как преступников. Заполнение анкет. Фотографирование в профиль, фас. Я в косичках и матроске. На груди номер. Отпечатки пальцев. До суда можно выйти на свободу уплатив... тысячу долларов за каждого! Я чуть не рухнула в обморок. Ребят забрали в мужскую камеру, а меня стали уводить в женскую. Алеша умолял их подождать, не трогать хотя бы меня, пока отец его привезет деньги. Ноль внимания. Я за решеткой. Камера небольшая. Набита до отказа. Большинство черных женщин. Многие сидят на цементном полу. Курят. Взгляд в пространство. Некоторые ходят туда-сюда. В углу туалетный стульчак. Есть раковина с фонтанчиком воды. Ко мне обратилась очень губастая девушка, что-то спросила, а я ни одного слова не поняла. Другая подошла и приподняла мою юбочку. Я отскочила и закричала. «Ай эм фром Раша!» Животный смех огласил камеру. Меня взяла за руку белая, с красивым лицом, но усталая, помятая, женщина и усадила возле себя. Она оказалась полячкой «Держись возле меня, и они тебя не тронут. Что ты украла?» Я ей рассказала всю историю. Она улыбнулась. Мне давно уже хотелось по-маленькому. Я сдерживала себя долго. Я сказала об этом Терезе. Она подвела меня к стульчаку, на котором просто отдыхала толстая негритянка. Тереза ей кивнула, и она долго вставала. Я стеснялась при всех. «Мивая, - она именно так это произнесла, - в русских тюрьмах параша что, удобнее и чище? Понятно. Хорошо, что ты там не была. Отметься». «Неужели она сидела и у нас?» - подумала я, но не спросила. Через час Марк Миронович привез мой паспорт, визу и три тысячи. Нас освободили под залог. Я даже не поинтересовалась, а что будет дальше. Когда я и Алекс увидели друг друга, мы бросились обниматься, целоваться, прыгать от радости. «Мы теперь никогда не расстанемся. Ай лав йу!» - шептал он мне. ..Потом я продолжу дальше...

Высвечивается кабинет Марка

(Кабинет Марка весь набит компьютерной техникой. Он сидит за одним из них, задумавшись. Печатает. Звонит сэллфон).

Марк. Слушаю.

Голос Таисии. Марк, это я.

Марк. Кто?

Таисия. Таисия.

Марк. Извини. Не узнал. Будешь богатой.

Таисия. Это нам не грозит. Марк, я должна тебя срочно увидеть. Как к тебе добратся?

Марк. Я иду за тобой.

(Через короткое время входят вместе).

Таисия (продолжая)... это настолько серьезно, что я не знаю, с чего начать.

Марк. Сегодняшнее приключение ребят, конечно, огорчительно, но никаких наказаний не повлечет, не волнуйся, Тасенька.

Таисия. Это само по себе – большая травма, Марк, но я о другом, намного серьезнейшем. Я предполагала такой вариант перед решением ехать сюда, но что он разовьется так быстротечно – никогда не поверила б. Дай, пожалуйста, сигарету. Спасибо. (Руки у нее дрожат. Марк подносит ей зажигалку). Марк... (начинает плакать)...

Марк. Успокойся.. Что за вариант ты имеешь ввиду?

Таисия. (взяв себя в руки). Значит, так. Вернемся в Тверь лет на двадцать назад. Мы молоды, все мечтаем о большой любви, бегаем на танцы, переживаем: пригласит - не пригласит, а в тебя почти все девчата влюблены, включая и меня. Победила Довганиха. И справедливо. Красива, стройна, певунья, плясунья. А меня ты почти не замечал: ростом не тебе подстать, деревенская, стеснительная...

Марк. Преуменьшаешь, Тасенька. И замечал тебя, и ценил душевность твою, и отзывчивость...

Таисия. Спасибо... А за мной стал ухаживать Валерий. Старше всех на курсе, отслужил, работал в газете, писал неплохие стихи, а кто их у нас не писал. Не могу сказать, что он мне уж очень нравился. Но намерения были у него серьезные. И после вашей свадьбы я еще два года раздумывала. А затем мы расписались.

Марк. Был свидетелем.

Таисия. Очень мне хотелось ребеночка. Уже Анька родила, Юлька Иванова, родила, Люшка округлилась, а я никак не забеременею. Пошла к гинекологу. Говорит, у вас все в порядке, пусть муж проверится. Сама поняла всю ситуацию. Четыре года радиации на атомной подлодке не прошли даром. Я Валерию ничего не сказала, а задумала родить от человека, которого люблю.

Марк. Постой, постой. Ты имеешь в виду ту ночь на наших проводах?

Таисия. Спасибо, что не забыл.

Марк. Так Ксюша – моя дочь?

Таисия. Да.

Марк. (подскочил с кресла. Ходит по кабинету). Господи! И ты девятнадцать лет ни одним словом не намекнула мне! А Валерий догадывался, знает?

Таисия. Я так себя вела с ним, что он не знает об этом до сегодняшнего дня. А наше исчезновение тогда ночью, когда все мужики упились до чертиков, включая и тебя, но не в такой мере, никто не заметил. Анька, конечно, возилась с ребенком.

Марк. Тася, я восхищен тобой, но...

Таисия. Сейчас требуется на холодную голову подумать, как поступить, чтобы

не причинить боль и разочарование детям, Ане, Валерию. Я растерялась.

Марк. Так, так. Но ты знаешь, Таська, я все же счастлив в этот очень сложный для меня вечер узнать, что у меня такая дочь. Большая, красивая, умная. Если бы они не влюбились с первого взгляда, можно было бы все оставить по-прежнему до лучших времен. Не знаю, что рассказывала тебе Ксюша, но то что, я видел, когда они вышли на волю, напоминало сцену из «Ромео и Джульетты».

Если мы это обнаружим, несчастны будут все. Вертится мысль в мозгах, но...

Послушай, Тасенька (берет ее руки в свои), слушай внимательно. Мне придется сейчас встретиться с моим адвокатом...

Таисия. Так поздно.

Марк. Они работают круглосуточно. Это их хлеб...с маслом, а кроме того, все можно оговорить по имейлу.. Я постараюсь всем, всем вам помочь... я обязательно помогу... я все сделаю...

Таисия. Спасибо.

Марк. (Снова ходит по кабинету) Мне о многом надо еще подумать. И многое успеть выполнить... Я провожу тебя...

(Возвращается. Открывает ящики, вынимает папки., лихорадочно ищет что-то. Находит, откладывает и снова садится к лэптопу. Печатает. Равномерные удары по клавишам становятся все громче и громче, напоминая громовые раскаты. За окнами сверкают молнии. Гроза)

Конец первого действия.

Действие второе

(Комната Ксюши. Она в ночной коротенькой рубашечке. Распустила косички. У нее великолепные каштановые волосы. Она перед зеркалом)

Ксюша. (напевает).

На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь.
Про то, как ночи жаркие
С подругой проводил,
Какие полушалки ей.
Красивые дарил
Играй, играй рассказывай,
Тальяночка сама,
О том, как (делает паузу, всматривается в зеркало)
Синеглазая... свела с ума!

(Осторожный стук в дверь)

Кто там?

Голос Алекса. Это я.

Ксюша (открывая двери) Я знала, что ты придешь.

Алекс. Я не мог заснуть. Я не мог не увидеть тебя. А что ты за песенку пела?

Ксюша. Эту песню привез с фронта мой дедушка. Он научил меня петь ее. Я часто ее вспоминаю.

(Грохочет гром)

Алекс Ты не боишься грома?

Ксюша. Бояться надо молнии, а гром - это уже не страшно.

(Они бросаются друг к другу и застывают в объятьи).

Алекс. Ай лав ю. Я лю-б-лю теб-бя!

Ксюша. Я тоже.

(Целуются. В доме раздается выстрел.)

Алекс. Где это? Похоже, в папином кабинете.

(Резко убегает. Ксюша набрасывает халатик и бежит за ним)

Высвечивается кабинет Марка.

Распластанное тело в центре комнаты. Постепенно собираются все действующие лица. Анна в коляске и Эва появляются последними. Перед ними расступаются. Алекс подходит к столу. Видит записку на рекордере: "Пожалуйста. нажмите "Плей."

Звучит голос Марка:

"Я не мог поступить по-другому. Я совершаю это абсолютно осознанно и буду рад, если моя смерть примирит вас всех.

Я причинил вам немало огорчений, хотя думал, что приносил и много радости. Не обессудьте и простите меня. В моем завещании, которое я составил заново с адвокатом, все вы в разной мере являетесь моими наследниками.

Каждому из вас я оставил личное письмо. Еще раз прошу: отнесите друг к другу с

пониманием и любовью. Аня, Алеша... (Слышен выстрел, звук падающего тела. Крутится пустая пленка.)

Анна (сдерживая слезы). Алешенька! Вызови...

(Из зала бежит на сцену режиссер спектакля и на ходу кричит).

Режиссер. Стоп, стоп! Остановитесь. Я озадачен. Мне не нравится эта концовка. Она не оправдана. Она не ставит точки над «и». Я говорил об этом автору с самого начала. А его, к сожалению, здесь нет. Надо придумать совсем другой вариант. Разыграть то, что в действительности могло произойти, когда действующие лица узнали правду. Может, и не надо будет тогда стреляться человеку?

Марк (вставая) Так я могу уже ожить? Хорошо, что вы остановили прогон, Арнольд Львович, а то я совершил бы еще и «потоп». Сейчас вернусь. (Убегает в кулису)

Режиссер. Господа актеры, я ставлю вам такую задачу: импровизируйте, исходя из характеров и ситуаций. Это должно быть интересно вам самим. Импро-ви-зи-ровать! Вы уже вросли в образы, и давайте попробуем дописать пьесу сообща. У меня есть идея.

Валерий. И де я нахожусь?

Режиссер. Именно. Вот такая должна быть реакция на каждую реплику, на каждый заданный вопрос. Звукооператор! Поставьте грозу, молнии, гром! Начнем со сцены Ксюши и Алекса. Должны ли они совершить инцест?

Алекс. Простите, сперва они должны совершить половой акт.

Автор. Это одно и то же в данном случае.

Ксюша. Я против показывать это на сцене.

Алекс.. Но ты же актриса?.

Ксюша. Я еще студентка .

Режиссер. Именно поэтому я вас пригласил на самую юную роль в спектакле.

У автора инцест предотвратил выстрел. Я предлагаю, чтобы во время объятий Алекса и Ксюши вошла... Таисия.

Таисия. И что я буду делать?

Режиссер. А как вы поступили бы в реальной жизни?

Таисия. Не знаю. Попробуем?

Режиссер. Начнем с реплики: «Я знала, что ты придешь». Фонограмму грозы.

(Молнии, гром)

Ксюша. Я знала, что ты придешь.

Алекс. Я не мог не увидеть тебя. Ты не боишься грозы?

Ксюша. Бояться надо не грозы, а молнии.

(Бросаются друг к другу в объятия. Застывают в поцелуе.)

Таисия (вошла и тоже застыла). Ксюша, Алеша, извините, дверь была не заперта, а мне показалось, что ты меня звала...

Ксюша. Нет, мамочка, но заходи, заходи. Присаживайся.

(Таисия садится в кресло.)

Алекс (подходит к ней, приседает на колени, взволновано) Таисия Васильевна, я люблю вашу дочь Ксюшу и... прошу у вас ее руки!.

Таисия. (Вскрикнув) Это невозможно! Ни в коем случае!

Ксюша и Алекс (почти вместе). Почему, почему?

Таисия. (плача) Господи, прости меня! Ксюшенька, Алешенька. Только от вашего понимания, от вашей, доброты, от вашей сердечности зависит моя и, не только моя, но наших обеих семей дальнейшая жизнь.

Ксюша. Mamочка, я еще раньше заметила, что тебя очень обеспокоило наше с Алешей знакомство. Что за тайна?

Таисия. Родненькая моя, умничка моя – именно тайна.

Ксюша. Какая?

Таисия. Дети мои, дайте мне слово никому не рассказывать о том, что вы сейчас услышите от меня... (слезы душат ее)

Ксюша. Успокойся, мамочка, родная!

Алекс. Tетя Таисия, пожалуйста, не плачьте, мы постараемся понять все, что вы нам расскажете.

Таисия. (вытирая слезы) Спасибо вам. Так вот. Как бы поделикатнее? По некоторым физическим причинам твой папа, вернее, не папа, а...

Ксюша. Ты?

Таисия. Со мной было все в порядке, но мой муж...

Ксюша. Мой папа?

Таисия. Да, как бы...

Ксюша. Так что, у меня есть другой папа?

Таисия. Да, да, моя девочка.

Ксюша. Мама! Ты что?

Таисия.(плача) Я знала, что в этом трудно будет признаться, и эта тайна умерла бы со мной, если бы это не касалось вас (рыдает).

Ксюша. Кто же мой папа?

Таисия.(после паузы) Марк Миронович.

Алекс. Май дэд? Май гад!

Ксюша (сквозь хлынувшие слезы). Этого не может быть!

Алекс. Значит, мы брат и сестра?

Таисия. Да. И хорошо, что вы это узнали сейчас, иначе... (новые рыдания) могло бы случиться непоправимое.

(Ксюша, рыдая, бросается на кровать. Алеша садится рядом и гладит ее волосы. Гаснет свет. Молнии сверкают еще ярче, громыхает гром).

Голос режиссера. Bravo. Именно это было нужно. А ты, Ксюша – настоящая актриса! И вы молодцы! (потирая руки). А теперь надо сыграть сцену Марка и Валерия. Когда Таисия ушла к ребятам, Марк с бутылкой водки, с двумя стаканами, с закусками на подносе...

Валерий... идет спаивать русский народ.

Марк. (игриво) Ух ты, антисемитская морда!

Режиссер. Идите на площадку. Новенькая, подготовьте реквизит!

(Появляется ассистентка по реквизиту.)

Машенька. (это ее первый выход на сцену. Дико переживает, волнуется) Понос (показывает на поднос) с закусками уже котов, Леопольд, извините, Шварценегер...

Режиссер. При чем тут Шварценегер?

Машенька. Чтобы вспомнить ваше имя, я сперва должна вспомнить... Шварценегер ... Арнольд .. правильно Арнольд , а не Леопольд...

Режиссер. Что вы несете?.

Машенька. Под рот с закусками

Режиссер. Что-о?

Машенька. Простите, чтобы вспомнить под нос я сперва вспоминаю под рот.

Режиссер. Вон со сцены! Немедленно, убирайтесь!

(Актеры вперевод)

- Арнольд Львович, да что вы?

- Это же первый выход !

- Да, с кем не случилось?

- Леопольд Львович – простим ей.

- Я беру ее на поруки – и унесу ее в другой театр, если вы не простите ее.

- Да каждый из нас вспомнит такой же случай.

Марк. Вот, например, играл я в одной драме роль спившегося графского отпрыска, с такой репликой: «в графине я узнал свою маму и заплакал». Как я ни скажу ее – режиссер недоволен. «Больше трагизма! Со слезой в голосе!» - кричал он. На генеральной я подошел к столику с графином, схватил его за горлышко и с надрывом произнес заглядывая в него: « В графине я узнал свою маму! Бедная мамочка, как ты туда залезла?» - и заплакал.

«Именно это я вам и внушал!» - сказал довольный режиссер.

Режиссер. Если это камешек в мой огород – я его не принимаю

Таисия. А вот у меня случилась такая история. Я со своим сыном Глебушкой...

Ксюша. (обыгрывая ситуацию). Мамочка, так у меня еще есть и братик?

Таисия. Есть, есть, Ксюшенька... пошла я с ним на представление иллюзиониста.

Тот увидел его у меня на коленях пухленького, кудрявого, розовощекого и попросил на сцену. Протянул ему конфету, Глебушка хотел взять ее , а она исчезла. Он чуть не заплакал. «Не беспокойся малыш – говорит иллюзионист – я сейчас из твоих ушей выну две конфетки». Сказано – сделано. Глебушка схватил их и прибежал ко мне и шепчет: «А ты все время говоришь: «Мой уши, мой уши».

Алекс. Арнольд Леопольдович, простите, Львович! И вы Господа! Вы когда-нибудь видели в зрительном зале, разваливающуюся в кресле собаку? А я в Лондоне видел. Мое место оказалось рядом с внуцительных размеров шотландской овчаркой колли. Исподтишка наблюдая за ней, я обнаружил, что колли получает от спектакля большое удовольствие , хихикая, или кручинясь в зависимости от поворота сюжета. В антракте я спросил у хозяйки

колли: «Я поражен, ваш пес в восторге от спектакля!» «Знаете, – ответила хозяйка, - я поражена не меньше вашего. Когда он эту пьесу читал, она ему совершенно не понравилась.»

Валерий. За удовольствие надо платить, даже если ты царица.

Екатерина Вторая вызывает камердинера:

- Хочу провести сегодня ночь с Ричардом Львиное Сердце!
- Но, ваше Величество, ведь он умер несколько столетий тому назад!
- Ничего не хочу знать! Или Ричард сегодня у меня или завтра твоя голова с плеч!

Перепуганный до смерти камердинер вспомнил, что в Петербурге сейчас на гастролях «Великий, несравненный английский трагик Эдмунд Кин!». Камердинер разыскал актера, и за большие деньги тот согласился сыграть Ричарда Львиное Сердце в постели Императрицы.

Наутро Екатерина Вторая щедро вознаградила камердинера и пожелала:

- Следующую ночь хочу провести с Карлом Великим!

Камердинер мчится к Кину и гениальный трагик блестяще справился с ролью.

Затем Императрица захотела провести ночь с Александром Македонским, с Ганнибалом, с Юдием Цезарем. И Кин все заказы исполнил великолепно. Императрица осталась довольна.

Через некоторое время она вызывает камердинера:

- Хочу провести ночь с великим английским трагиком Эдмундом Кином!

Когда послали за ним он запротестовал:

- Не могу!
- Почему же?
- Я уже много лет импотент.

Так выпьем за великий талант актерского перевоплощения! (Пытается взять с подноса бутылку и стакан)

Машенька. (Отстранившись). Это не для вас!. Это ему. (отдает поднос Марку)

Марк. Молодец, Машенька!

Валерий. Тише, Машенька, не плачь – Шварценегер не палач.

Режиссер. Тогда продолжим игру. Сцена Валерия и Марка. Итак, Валерий сидит на кровати, обхватив голову руками, стонет. У него после вчерашнего перепоя - абстиненция. Тишина. Начали!

Валерий. Господи, как я напился. Наговорил черт знает что! И где? И кому? Идиот старый. Выпить бы глоток, а не то помру. У них батарея бутылок в баре, а пойти туда стыдно.

(Появляется Марк)

Валерий. Маркуша! (падает перед ним на колени) Значит, ты меня простил?

Марк. Удивлен, но простил.. Правда, не знаю, простишь ли ты меня?

Валерий. Прощу, чтобы не случилось.

Марк. Посмотрим. Выпьем, а то ты весь дрожишь.

Валерий. Ты настоящий друг.

Марк. Но без поцелуев. Лыхаим.

Валерий. Лыххааааим!

Марк. А ты знаешь, что на иврите значит «лыхаим»?

Валерий. На иврите... Не врите на иврите. Не знаю.

Марк. Блеск! Когда сочинил?

Валерий. Только что. (пьет и закусывает)

Марк. Лыхаим – значит: “За жизнь!».

Валерий. А я никогда за смерть и не пил.

Марк. А я сегодня ночью чуть не пустил себе пулю в лоб!

Валерий. У тебя что, пистолет есть?

Марк. Конечно. Официально.

Валерий. Покажи.

(Марк кладет на столик пистолет.)

Валерий. Браунинг.! Мог Нину Арбенин и не браунингом!

Самый выдающийся палиндром, или, как сейчас говорят, перевертыш, который я слышал. (Подбрасывает пистолет вверх и ловит на лету). Отличное оружие. У нас такое не достать. А чего ты стреляться надумал?

Марк. Палиндром, действительно, блестящий, но, Валерий, ты проспал много событий в течение последних пяти-шести часов.

Валерий. А чего такого случилось?

Марк. Много чего. Во-первых, у меня назрел скандал с Анькой...

Валерий. В связи с эстоночкой?

Марк. Да. И не только с ней. Алеша и Ксюша успели влюбиться друг в дружку.

Валерий. А что тут плохого?. Или вы против?

Марк. Я мечтал об этом...

Валерий. Прекрасно. Лыхаим!

Марк. Но это не все. Потом Таисия ночью пришла ко мне...

Валерий. Вот это уже интересно, очень интересно...

Марк. ...и сообщила, что Ксюша - моя дочь.

Валерий. Что-о?

Марк. Именно так.

Валерий. Она что, с ума сошла?

Марк. Она хотела забеременеть. На проводах она была со мной... близка.

Валерий. Ах, стерва! И ты согласился?

Марк. Я был в дупель пьян, как и вы все.

Валерий. Как она могла?

Марк. Говорит – у тебя были проблемы.

Валерий. Сука! Я ее пристрелю.

(Хватает пистолет и бежит на выход, Марк пытается его задержать)

Из зала на сцену поднимается старичок с палкой в руке

Горелик. Подождите! Не спешите стрелять!

(Марк и Валерий застыли)

Режиссер. Кто это такой?

Горелик. Я - старый опытный врач-гинеколог из Одессы. Ефим Петрович Горелик

Валерий. Вы хотели сказать Ефим Пинхасович?

Горелик. Вы абсолютно узрели в корень, товарищ юдофоб. Отца моего звали Пиня.

Режиссер. Как вы здесь оказались?

Горелик. Меня пригласила на просмотр моя внучка Леонора.

Ксюша. Извините, Арнольд Львович. Мой дедушка у нас в гостях.

Горелик. Я хочу помочь вам разрешить эту проблему. Таисия Васильевна утверждает, что ее муж был в силах иметь коитус, но в его семени отсутствовали яйцеклетки для оплодотворения. Простите за микстурум верборум – словесную мешанину. Всему требуется научный подход. Предположение уважаемой Таисии Васильевны еще не значит, что она была права. У меня к вам вопрос. В эту же ночь вы спали вместе с мужем?

Таисия. Конечно. У нас кровать-то одна.

Горелик. Вы были близки с ним физически?

Таисия. Под утро.

Горелик. И в другие дни тоже?

Таисия. Попробуйте отказаться!.

Горелик. Я никогда не отказывался. У меня четыре дочери, шесть внуков и две правнучки. Так вот. И вы почувствовали, что понесли, когда у вас прекратились регулы?

Таисия. А, поняла. Да.

Горелик. Какого числа уехали Левиты?.

Марк. Аннушка, какого числа мы уехали?

Анна. Я в этом опросе участвовать не собираюсь.

Таисия. Я хорошо помню. Это было 29 апреля.

Горелик. И какого числа вы родили?

Таисия. 31 января.

Горелик. По месяцам все совпадает. Но! (поднимает вверх палку) Только ДНК. сумеет определить правильность вашего подозрения.

Валерий. Молодец, Петрович. А то эти еврейские драматурги, режиссеры – роль импотента отвели русскому человеку.

Горелик. По поводу импотентов не могу не рассказать анекдот. Встречаются два старых еврея. Спрашивает один другого: “Слушай, ты еще занимаешься этим делом?” «К сожалению, года три, как нет». “А я, тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить – только один год»

(Актеры аплодируют ему. Он кланяется. Ксюша бросается ему на шею, целует.)

Ксюша. Спасибо, молодец, дедуля!

Горелик. Я не актер, я старейший в городе гинеколог. Собственноручно принял на свет несколько тысяч одесситов и одесситок. И несмотря на то, что я досконально знал физиологию женщин, я обожал, восхищался, преклонялся перед ними. Дикси!..Я кончил! Так говорили древние римляне, заканчивая

речь. Кто подумал по-другому, к сожалению, лет пять я не по этому делу.

Режиссер. Спасибо, дорогой доктор, за внесение ясности в важный вопрос, и спасибо за талантливую внучку.

Горелик. И вам спасибо. Да, кстати, рассказ милостивейшей Анны Всеволодовны, о «вылете» ее суженого за окно, на карниз, напомнил мне историю про Рабиновича. Он пришел в отель с шикарно разодетой дамой, открыл окно и выбросил ее пальто, шляпу, перчатки...

«Что вы делаете?» - взмолилась дама.

«Когда мы закончим - это все уже выйдет из моды.».

Солюс кум сола ин локо рэмото нон ораре «Коммунисто Манифестум» –

О мужчине и женщине, которые уединились, никто не подумает что они читают «Коммунистический манифест» – перефразировано с вечно не умирающей латыни! До новой встречи, бабай!

(Горелик под аплодисменты, кланяясь, уходит в кулису)

Режиссер. Теперь нам остается решить вопрос в отношении ДНК.

Голоса. Обязательно надо проверить.

Режиссер. В нашей воле заранее решить исход.

Марк. Нет, нет, если по-честному, то по-честному, нечего зрителя водить вокруг пальца. Зрителя нужно, перефразируя Ефим Петровича, обожать, восхищаться и преклоняться перед ним.

Режиссер. Тогда ждем результатов ДНК в последней сцене. Но остается два проступка легкомысленного Марка перед страстотерпицей, мудрой и удивительной Анной Антоновной.

Анна. Если ДНК окажется не в пользу Марка, то за давностью лет я могу его еще простить. Второй проступок с женской стороны мы уже обсудили, поняли друг друга и остаемся в хороших отношениях. А с виновником я разберусь прямо сейчас, при всем честном народе.

(Резко встает с кресла.)

Господи! Свершилось чудо! Я стою!

(Все ахают).

Какое счастье, что я могу дать моему мужу... (уверенной походкой идет к Марку и лепит ему одну за другой несколько пощечин.)

Марк. Блеск! Какой блеск!

Валерий. (Потирая руки) Не могу остаться безучастным. (направляется к Таисии)

Таисия. (закрыв руками лицо). Только не по лицу!

Валерий. Подлецу все к лицу. (актеры останавливают его). Ладно. Дома разберемся! Родные стены помогут!

Таисия. Кажется, пронесло.

Анна. (активно, темпераментно) Эвочка, пожалуйста, помогите накрыть стол.

(Все актеры подключаются)

Режиссер. Финальная сцена. Все те же, включая доктора Горелика.

Богато накрытый стол. Все заняли свои места. Входит со своей палкой и конвертом в руке доктор Горелик. Его усаживают во главе стола.

Горелик. Анимо делиберато – хорошенько обдумав, я решил все-таки начать с анекдота... На Дерибассовской угол Преображенской стоит здоровый биндюжник и держит в руках полную банку с желтой жидкостью или еврейскостью и, извините, горланит на всю Одессу: “Кому моча? Кому моча?” Подходит к нему старый коллега по цеху и говорит:

«Изя, ты-таки сошел с ума! Кто купит у тебя мочу?» «Кому нужен хороший анализ – тот купит!» Так вот! Анализ ДНК показал, что отцом прелестной Ксюши, которую играет моя внучка, является... откроем конверт... тзе винер из...Валерий Хмелев!

Валерий. (вскакивает на стул, поет) Хаввва магила! Талалалам, та-лалала! За жениха и невесту. Горько!!!

(Все поддерживают: «Горько!». Актерам разрешается быть веселыми и находчивыми. После долгих просьб Ксюша и Алеша целуются)

Горелик. Бонум фактум! – на радость!

Марк. Мазлтов!

Анна с одной стороны, Таисия с другой направляются к детям. Анна обнимает их, затем Таисия, плача от радости, целует их. Таисия протягивает руки к Анне, обнимаются.

Горелик. Конценсум омниум – общее согласие!

Валерий. Маркуша! Сват мой родной! (берет его под руку и отводит на авансцену) Я тебе хочу сделать сногшибательное признание! Не падай!

У меня тоже есть ... еврейские корни, как и у Корнея Ивановича Чуковского! Мой папаня, в голодном сорок шестом, унес из колхозного амбара мешок картошки. Получил пятнадцать лет и сгинул. Мамадя пошла работать уборщицей в школу. Директором там был Моисей Гедальевич Рабинович, все называли его Медальевич. Я есть его внебрачный сын! Выпьем за дружбу двух великих народов, идущих вместе плечом к плечу - двести три года, 18 дней (смотрит на часы) и восемь часов пятьдесят девять минут.

Марк. Как хорошо, что я не застрелился! И услышал из твоих уст такие слова!

Валерий. Не спешите стреляться, господа. Ибо человек - это звучит горько!

(Все подхватывают «Г-о-р-ь-ко!!!» Ксюша и Алекс целуются. Валерий начинает петь, все подхватывают).

Под городом Горьким
Где ясные зорьки,
В рабочем поселке
Подруга живет.
В далекий Чикаго
На радость и благо
Друг старый нас в гости
опять позовет.

(Во всю мощь звучит вальс в исполнении духового оркестра)

Финита ля трагикомедия.

В ОЖИДАНИИ ЖВАНЕЦКОГО

Монологи одесситов.

Пьеса для чтения и постановки.

*Действие происходит в Одессе и в Чикаго,
в XX и в XXI вв.*

До того, как откроется занавес, слышен гул зала и жидкие аплодисменты, затем они переходят в скандирование. Крики: “Уже больше семи, начинайте!” “Одесские штучки!” “Уже скоро семь сорок!”

Освещается сцена. За прозрачной тюлевой завесой нервно ходит из угла в угол Фишман, организатор гастроли Жванецкого в Чикаго.

Фишман: (кричит в мобильный телефон) Ну, что? Алло, алло! Дают вылет?

(Слышим ответ): “Снег по бейцым! Вряд ли очистят, и время уходит. Успокойте зал и перенесите концерт на завтра”.

Фишман: Вы что, издеваетесь? Завтра понедельник, люди вкалывают с утра – это Америка! А на следующие субботу и воскресенье приезжают еще два гастролера. Алло, алло! Все, это – гибель! “Гибель”Варяга”, “Гибель Титаника”, гибель Фимы Фишмана!

(Падает на стул.)

Кассирша: Как будем людям отдавать деньги? Где? Когда? Как говорит моя сестра Эстер, это дэзестер, Детройт – полностью дестройт.

(Зал неистовствует.)

Фишман: Твоя сестра права! *(Обращаясь к распространителю билетов, старому актеру еврейского театра, с вечной бабочкой на не совсем белой рубашке)*. Вы слышите это цунами, этот ураган по имени Жанна? Они разнесут нас в щепки!

Актер Бухбиндер: Ша, махт нит кайн геридер! Тихо, не делайте шум!

Я придумал, как спасти положение. Деньги все равно надо будет отдать. Но! Зрители пришли, хотят получить удовольствие, посмеяться, взгрустнуть и даже пустить слезу. И они должны это получить!

Фишман: Как? Вы хотите заменить Жванецкого?

Бухбиндер: Жванецкого заменить не сумеет никто! Но... *(Держит паузу)*

Фишман: Эқыцих ойс! Выскажитесь, что вы предлагаете?

Бухбиндер: Сперва-наперво надо зал успокоить, сказать, что самолет уже в полете и скоро... и, если вы хотите немножечко подождать, то... и потом спросить людей, есть ли среди них желающие рассказать со сцены смешную историю, редкий случай, необычную ситуацию: о своей первой любви, о ревности, об измене... пока прилетит самолет. Я вас уверяю, найдутся и бывшие актеры, как я, которые не обязательно работали с Михоэлсом и Зускиным, но актеры, в которых не погас огонь желания выйти еще раз на подмостки сцены, притом бескорыстно, и тряхнуть стариной, только из-за любви к искусству. За ними потянутся любители ...

Фишман: Я не выйду к ним под пистолетом.

Бухбиндер: Вам, действительно, выходить очень опасно. *(Поправляет бабочку)* Выйду я!

Кассирша: Он прав. Я сама имею, что рассказать из жизни кассирши Одесского Академического Оперного театра. Как-никак, я там прослужила сорок лет! Моими коллегами по театру были и Галина Олейниченко, и

Николай Огренич, и Наташа Барышева, и многие, многие другие. *(Гордо подняла голову).*

Бухбиндер: Вот, пожалуйста, не отходя от кассы – один номер уже есть!

Фишман: Я парализован. Делайте, что хотите, я посмотрю на это из-за кулис. *(Берет стул и идет в кулисы. Кассирша тоже уходит туда).*

Зал продолжает шуметь, свистеть, топтать ногами. Бухбиндер подает сигнал открыть тюлевый занавес. Оттянул пиджак, поправил длинные седые волосы и вышел на середину сцены.

Бухбиндер: *(Кланяясь)* Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Голос из зала: Не напрягайтесь! Мы все слышали – вы забыли выключить микрофон.

Бухбиндер: Готеню! Какой позор! Кто руководит здесь культурой?

Голоса из зала: Выступайте! Рассказывайте мансы!

Бухбиндер: Так вы согласны?

Голос-бас: За бесплатно – согласен!

Бухбиндер: Конечно бесплатно! И вы еще получите обратно деньги. Об этом вам сообщит чуть позже администратор Афишман, простите, Фишман. Итак, кто первый?

(На сцену направляется полная женщина. Бухбиндер торопится ей навстречу и галантно подает руку перед ступенькой.)

Полная женщина: Так и быть, я-таки буду первая. *(Глядя в зал).*

Вы знаете, что такое одесская начинка? Не знаете?

Отвечаю: я – одесситка не только по рождению, но и по начинке. Что это значит? Вы когда-нибудь ели конфету “Птичье молоко”? Вы помните, какая в ней была начинка? Слюнки потекли! Так вот, человек тоже имеет свою начинку, а настоящий одессит – особую: смеяться над собой, смеяться над соседом, смеяться надо всеми.

Примером: вы приходите ко мне, на двадцать седьмой этаж, в дом на углу Дивон и Шеридан по номеру шесть тысяч четыреста. И что вам говорят эти имена, эти громадные цифры? Пустой звук. А скажите нашим русским “Бабушкин дом” – и адрес не нужен. И кто придумал дому это прозвище? Я – одесситка по начинке.

Когда наши эмигранты подмазали, где надо и кому надо, и стали селиться в дешёвые квартиры, я тоже решила посмотреть на этот небоскрёб. И что же я увидела? Во всю длину дома у стены сидели в креслах, на скамейках, складных стульчиках американские старушечки – и ни одного мужчины, хотя бы в инвалидной коляске. Одни старушечки, и одна старше другой. И разукрашены, как клоуны в цирке. А во что одеты? Половина в красные штаны и зелёные кофты, половина в зелёные штаны и красные кофты.

- Бабушкин дом! – сказала я со вздохом.

А кто его теперь называет по-другому? Вот что значит одесская начинка.

Или ещё пример: на бывшем Французском бульваре, возле кинофабрики ВУФКУ, построили специально для обкомовских работников шикарнейший дом со всеми удобствами. И вывеска уже была готова: “Дворянское гнездо на Пролетарском бульваре”

А чего стоит история в мостом через спуск Жанны Лябурб? Вы же знаете, первый секретарь обкома Синица жил на Приморском бульваре, а его родная тёща – на улице Гоголя, а между ними – обрыв. Так чтоб ему было удобно ходить на галушки и вареники к теще, в мгновение ока построили этот мост. А под ним уже стоял какой-то одессит с начинкой и тихо сказал, чтоб весь город слышал: “Тёщин мост”.

А где я жила в Одессе? Можете себе представить, на улице Пушкинской, 13. Да, именно, где жил Пушкин. Он – справа, когдаходишь под арку, а я – слева во дворе.

Правда, я жила в коммуналке, но с преимуществами. Моя комната – шесть на три – была первой возле кухни с одной стороны и последней от туалета – с другой. Мне не надо было каждый раз бегать через коридор на кухню, а слышать, как спускают сто раз воду в туалете – если она ещё была в наличии, – пускай мои враги слушают.

А запахи? Представьте на минуточку: шестнадцать человек в коммуналке, и каждый утром, извините меня, должен сходить по-маленькому, я не говорю о большем, и каждый приносит с собой горшок с ночи, а делает вид, что держит в руках вазу с розами.

- Вы не курите?

Бухбиндер: - Нет.

Полная женщина: Жаль. А я люблю подымить.

Бухбиндер: Скучаете по Одессе?

Полная женщина: Скучаю ли я за Одессу? Это не то слово. Давайте будем откровенны. Чёрное море – оно что, было партийным? Вы не могли в нём плескаться, мочиться, плавать?

А солнце над Одессой – оно что, было с коммунистическим приветом? Лежи и хапай себе загар с мая по октябрь. А одесский степной воздух? На нём что, висели лозунги и транспаранты? Кстати, о лозунге с одесской начинкой. На фронте Артиллерийского училища, недалеко от ипподрома, висела а шмотэ, тряпка, с красными буквами: “Наша цель – коммунизм”, – и две пушки по бокам!

О чём же мы говорили? Ах, да, о тоске по Родине. Хотите вы этого или не хотите, но мне снится по ночам Привоз. Где, где вы ещё найдёте такую роскошь? Пройтись по Привозу и даже ничего не купить – тоже а мыхае. Мы здесь собираемся в холле и играем в бинго. Я часто слышу эти провинциальные разговоры минчан, кишинёвцев, киевлян: какой здесь рай, что хочешь выбирай. А я хочу нежинских огурчиков, где они продаются? А я хочу фонтанские помидоры, в каком супермаркете вы их найдёте? А я жажду абрикосы с кулак и вишни с куриное яйцо! Кстати, о яйцах – какие желтенькие были на Привозе!

Я разволновалась, подымить бы, но на сцене запрещают. Не могу бросить. Я всю жизнь работала на табачной фабрике, что на Тираспольской. Она однажды полностью сгорела. Какой был аромат! Целый месяц в Одессе пахло “Сальве” и “Беломорканалом”...

Бухбиндер: *(с букетом роз)* Приготовили Жванецкому – а получает... как Вас величать?

Полная женщина: Полина Розбам.

Бухбиндер: За чудесный рассказ, Полина Розбам, я Вам роз дам. И пачку “Кемел”. Придете к себе в “Бабушкин дом” – и дымите, сколько хотите. Кто следующий?

(На сцене появляется, опираясь на палочку, щуплый, небольшого росточка старичок)

Старичок: Моя фамилия Ефим Тарнопольский. Я по профессии бухгалтер, бывший, и проработал всю жизнь на Одесском ликеро-водочном, что у железнодорожного вокзала.

При мне посадили двух директоров, один повесился сам прямо в своём кабинете, а ещё одного – он захотел изменить заведенный порядок: вместо двух ящиков коньяка и водки в неделю отправлять в обком только один, – так его через три месяца перевели заведовать цехом безалкогольных напитков.

Главным технологом был у нас большой специалист Валериан Платонович Гончаров. Он носил очки в тоненькой золотой оправе, имел небольшую бородку, если вы помните, как у Булганина, и опирался на толстую палку с набалдашником в виде львиной головы. Порядочный, интеллигентный, хороший человек.

И вдруг – скандал! Гончарова посадили за кражу государственного имущества в крупных размерах. Когда меня вызвал к себе тогдашний директор и попросил сделать один подсчёт, я не поверил своим глазам! А дело было вот в чём: главный технолог каждый день, не считая выходных, праздничных и отпускных, на протяжении двадцати трёх лет выносил через проходную в своей палочке, в которую была вмонтирована медная трубка, поллитра высококачественного коньяка.

Мои старые, стёршиеся “бублики” на счётах подбили итог: три тысячи двести пятьдесят семь литров, или две цистерны с четвертью.

Он сам на следствии во всём признался. А заложил его инженер-лаборант, метивший занять место Гончарова. И, конечно, занял.

Бухбиндер: Примечательная история, достойная вознаграждения пузырьком коньяка от американской авиалинии “Юнайтед”, на котором должен был прилететь Жванецкий.

(Уходят вместе за кулису. Из другой появляется Кассирша)

Кассирша: Скажу по секрету: Бухбиндер любит выпить, но обязательно в компании. А я обещала вам рассказ про кассиршу, точнее, рассказ про лебединую песню кассирши.

Кто мог представить себе наш Оперный без Циля Соломоновны, Цилечки? И такой человек нашелся: новый директор театра, бывший начальник тюрьмы на Первой станции фонтана.

- Номенколоратурная единица! – сказала о нём Циля Соломоновна после первого беглого взгляда. Прозвище сократили до Номенке, и оно приклеилось к директору, как почтовая марка к конверту.

Номенке был полон энергии и жажды власти.

Первой жертвой стала тётя Маня, поразительно полная женщина, гардеробщица бельэтажа. Ей было за шестьдесят. На пенсию её проводили с эстампом Нефертити и набором кухонных ножей. За ней последовали старейший солист оркестра скрипач Гершензон, репетиторы Пилиподий и Флекель, артистки кордебалета, костюмеры и большая часть хора с неувядаемой мадам Иоселевич. Он был полон энергии и жажды власти, этот новый директор.

Циля Соломоновна при встрече с многолетними сослуживцами становилась теперь в позу и напевала:

- Сегодня ты, а завтра – я!

Но в душе она была спокойна.

Циля Соломоновна чувствовала себя нерушимой за окошком кассы, как памятник Дюку на Потёмкинской лестнице. Её маленькая фигурка с горбоносой головой в густых завитушках была неотделима от надтреснутых колонн, от рычащих львиных пастей, от многочисленных амуров, сияющих остатками сусального золота на дверях, в нишах, над карнизами театра.

Но ужасно нетерпим к этим излишествам был Номенке. Он замечал, что Циля Соломоновна носит старую, повывавшую виды кофту, что очки вечно спадают с носа, что билеты она держит в потрёпанном, без ручек ридикюле. То, что Номенке вызвал к себе Цилю Соломоновну, разнеслось по театру так быстро, как весть, что на Дерibasовской “дают” камбалу.

Цилечкины друзья столпились в приёмной кабинета и прислушивались, что происходит “там”. Лишь теперь стало ясно, зачем старая резная дверь плотно обита дерматином.

Циля Соломоновна выскочила бледная, с растрёпанными кудряшками, активно жестикулируя руками.

Увидав своих, остановилась, гордо подняла голову, и голос её зазвучал величественно.

- Вы знаете, что я ему сказала? “В театре умирают не только знаменитые актёры, но...”, – в этом месте она выдержала паузу и закончила нараспев, – “...и кассирши!” Ну, как?

Видимо, на этот раз её слова прозвучали убедительно, и Номенке оставил её в покое до случая, о котором потом гремела вся Одесса.

На гастроли приезжал Коретти – тенор Ла Скалы, “ми” во второй октаве, брюнет с обворожительными синими глазами! Город засуетился: где, как достать билеты? И тут на первый план выдвигалась Циля Соломоновна. Поклонники бельканто осаждали её цветами, коробками конфет, записками

от самого доктора Циклиса. Хотя хорошо знали, что она неподкупна, ничуть не тщеславна, а просто счастлива, что люди ещё рвутся в театр, составляют списки, дежурят у кассы.

В день начала продажи билетов Циля Соломоновна появилась со стороны Ланжероновской в белой батистовой кофточке, в черной бархатной юбке и с восторгом оглядела очередь, хвост которой скрывался в садике Пале Рояль. Циля Соломоновна пробиралась к кассе под подобострастными взглядами. Со всех сторон слышалось: - Цилечка! Циля Соломоновна! Циля!

Она дружески кивала всем головой и таинственно улыбалась.

В этот раз, как никогда, Циля Соломоновна была торжественна и внимательна на своём месте. Она каждого подолгу о чём-то расспрашивала, пристально вглядываясь в лица. Счастливики вырывались из железных тисков очереди, вспотевшие, помятые, крепко зажимая в руках зеленоватые полоски удачи. Когда над кассой появилась табличка “Все билеты проданы”, Циля Соломоновна, как вспоминали потом, улыбнулась ещё таинственнее, ещё загадочнее.

Гастроли открывались оперой “Риголетто”. Театр напоминал биржу по обмену жилплощади. Зрители собирались группами, перекликались, громко разговаривали. Желающих запечатлеться на Царской лестнице было несметное множество. Не меньше собралось в буфете. На звонки никто не обращал внимания. Жирные плечи дирижёра во фраке давно уже возвышались над оркестровой ямой. Он нервно постукивал палочкой по пюпитру. Билетёрши шикали на опоздавших, шумно задвигая тяжелые красные портьеры у входов.

Наконец, пухлая ручка дирижёра Сипитинера взметнулась вверх. Зазвучали первые аккорды увертюры. И в тот момент, когда из-за кулис должен был появиться герцог Мантуанский-Коретти, зал разразился хохотом! Зрители на галёрке, на ярусах и в ложах смеялись до упаду, показывая вниз пальцами. Номенке распорядился включить в зале освещение, прибежал в директорскую ложу, посмотрел в партер и всё понял.

В первых рядах торчали совершенно лысые головы, отражая свет многотонной люстры, как начищенные до блеска рефлекторы. Следующие два ряда пламенели яркими красками осенней листвы платанов: здесь Циля Соломоновна разместила рыжих любителей оперы. За ними следовали загорелые, пышущие здоровьем и красотой юноши и девушки. Середина была отдана закоренелым холостякам и перезревшим невестам. И в завершение, вытянув шеи, сидели зрители, предупредившие Цилю Соломоновну о своей дальновзоркости.

Когда Коретти объяснили на ломаном еврейско-итальянском, в чём дело, он громоподобно расхохотался сам и попросил привести эту остроумную старушку на сцену, чтобы поцеловать ей руку: “Браво, брависсимо!”

Её долго искали по всему театру и когда, наконец, взломали узкую дверцу с табличкой “Касса”, то увидели Цилю Соломоновну, уснувшую за столом, и на этот раз – навсегда.

Бухбиндер: Кларочка, ни от чего не зависимо – браво, брависимо! (*Целует ручку*). Что значит работать в театре рядом с великими мастерами!

Теперь пришла и моя очередь. О ком может рассказать актер из Одессы? Конечно, о другом великом актере, певце, одессите... как вы думаете, о ком? (*Крик из зала: Утесов!*) Правильно! Ну, а как его звали по-настоящему?

Лазарь Вайсбейн! Скажите честно: мог ли состояться под таким именем, стать любимцем всего народа Лазарь Вайсбейн? Вряд ли...

Так вот, Леонид Утесов “эмигрировал” из Одессы в столицу еще в двадцатые годы. Через полвека из Москвы в Одессу прибыли снимать кино о всенароднейшем артисте Леониде Осиповиче Утесове.

У порога своего дома стоял старый грузный еврей. Он склонил голову и плакал.

Оператор не жалел плёнки.

Утёсов в этот миг прокручивал перед собой ленту своей жизни. Он видел себя мальчишкой, сбегающим по деревянной лестнице, и слышал вдогонку заботливый голос мамы:

- Лёдя, не бегай так быстро, они же прогнили!

Ступеньки и сейчас были шаткими.

Режиссёр шептал знаменитому артисту:

- В камеру, Леонид Осич, в камеру взгляните!

Утёсов медленно поднял голову, увидел родной переулок, запруженный одесситами, улыбнулся и стал подниматься вверх.

Оператор “проводил” его, а затем крупно “наехал” на табличку: “Треугольный переулок,11”.

Этот кадр с адресом дома сыграл потом забавную историю с семьёй Шпиц, проживавшей в квартире самого Утёсова.

Эпизод был отснят, и Леонид Осипович с удовольствием посидел ещё в бывшей детской, где по случаю такого гостя хозяйка закатаила “скромный” обед.

Глядя на эти салаты, картофельники, гигантские котлеты, вареники с вишнями, икру из “синеньких”, торты, пирожные, он запел таким знакомым, хрипловатым голосом:

Гевалт, ви нешт мен?

Ви нешт мен, ви нешт мен?

Ви нешт мен, а бохер

Цу эсн ди варничкес?

Он вассер ун он шмалц,

Он путгер ун он залц,

А бохер цу эсн ди варничкес?

И снова уехал в Москву.

Фильм вышел на экраны. Его показывали во всех уголках “необъятной” – и началось!

Из Сибири и Жлобина, из Москвы и Крыжополя, из Полтавы и Жмеринки повалили письма Леониду Осиповичу Утёсову в Треугольный переулок 11. Почтальон каждый день сваливал у дверей Шпицев большой тюк и, ворча что-то про Израиль, спускался вниз.

О, наивный, добродушный и отзывчивый зритель! Он решил, что Утёсов до сих пор живёт в своей неповторимой Одессе, в том же переулке, среди рыбаков и сарвернс, умеющих готовить гефилте фиш и флудн, среди острословов и неисправимых фантазёров – а по-одесски “лигнеров” и “швицеров” – и по-прежнему поёт в самом красивом Оперном театре мира.

Любимому артисту выражали слова восхищения, признательности, приглашали в гости, на свадьбу, на рыбалку, просили выслать фотографию, деньги, тельняшку, путёвку в санаторий Чкалова...

Письма приходили до самого отъезда четы Шпиц в Америку. Они аккуратно отправляли их Утёсову в Москву.

Сейчас Шпицы живут в Чикаго. По счастливой случайности, они нашли здесь апартамент, в котором, говорят, в ранней молодости проживал Эрнест Хемингуэй.

(После исполнения к авансцене подходит парень в тельняшке, с бутылкой в руках.)

Парень: Это вам за Одессу и Утесова! *(Вручает Бухбиндеру бутылку)*

Бухбиндер: А за Хемингуэя?

Парень: А что, он тоже был одессит? Фамилия подозрительная.

Бухбиндер: Пойдемте за кулисы и пообщаемся.

Новая актриса: *(появляясь на сцене).* Идите, идите, а я займу публику. Мне понравилась та простота, с какой совковые люди обращались к Утесову: вышлите то, подарите это, без экивоков. А мне пришлось познакомиться с эпистолярным романом моей сестры и ее дочери, состоящий из одних намеков. Послушайте.

ИЗ ПИСЬМА В ОДЕССУ ЭЛЛЫ ЦЫБУЛЬНИКОВОЙ СВОЕЙ МАМЕ, ФАИНЕ ГИРШМАН.

...Мамочка, напомни мне ещё раз точные дни и годы рождения всех наших: хочу выслать вам фотокарточки на фоне горы Синай.

ИЗ ПИСЬМА В ЧИКАГО ФАИНЫ ГИРШМАН СВОЕЙ ДОЧЕРИ, ЭЛЛЕ ЦЫБУЛЬНИКОВОЙ.

...До чего я дожила, что родная доченька забыла дни и годы наших рождений! И зачем нам фотокарточка с горой, когда мы просили лекарства?

ИЗ ПИСЬМА В ОДЕССУ

...Мамочка, я-таки сумасшедшая на всю голову: фотокарточки просила Женя Балабан, а ты с Лорочкиной семьёй – лекарства. Но всё равно. Для этого здесь нужно знать точный возраст и день рождения – они всё делают, сверяясь с гороскопом.

ИЗ ПИСЬМА В ЧИКАГО

...У вас тоже есть горисполком? Разве лекарства делают не в аптеке? Ройтманы уже получили, Свербиловские тоже, а Фима Бульба с семьёй уже выздоровели. И это при том, что ни у кого из них нету дочери за границей.

ИЗ ПИСЬМА В ОДЕССУ

...Мамочка, с большим трудом достала вам всем нужные лекарства. Здесь на них большая дороговизна. Надо было вовремя покупать в аптеке Гаевского. Принимайте их сразу, не откладывая в долгий ящик.

ИЗ ПИСЬМА В ЧИКАГО

...Ты-таки, моя доченька, а цыдрейтэ! То, что Лорочкиного мужа звали Семён Николаевич, совсем не значит, что отец его был Николай Второй! По паспорту он – Нояхович. Поэтому лекарства придётся выбросить на помойку. У всех дети, как дети, а у меня – с приветом. Фейгины с Десятой станции Большого Фонтана уже тоже выздоровели, но им хорошо промыли мозги и желудок на Бебеля 9.

ИЗ ПИСЬМА В ОДЕССУ

...Одно это отчество стоило нам отмены поездки на Багамы. Но мы пошли на это и выслали вам новые лекарства.

ИЗ ПИСЬМА В ЧИКАГО

...Моя дорогая дочечка, ради тебя я не спала, недоедала и ни разу не ездила в Пицунду. Поэтому для родной мамы ты можешь не ехать на эти Багамы. Я уже устала писать стихами на старости лет.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ОДЕССЫ В ЧИКАГО

Главврач лекарства одобрил участковый нет тчк Что делать Лора тчк.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЧИКАГО В ОДЕССУ

Необходимо хирургическое вмешательство тчк Добейтесь встречи с главным патологоанатомом тчк.

ИЗ ПИСЬМА В ЧИКАГО

...Таки надо было потратить столько лет на образование, чтобы дать издалека такой хороший совет! Патанатом послал нас матом. Как тебе мои стихи? Мы, кажется, пойдём старым путём – обратимся к знахарю.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЧИКАГО В ОДЕССУ

Беспокоимся молчанием тчк Что сказал хилер?

ИЗ ПИСЬМА В ЧИКАГО

...Лорочка, просмотрела все словари, мы даже пошли к Сарре Абрамовне, бывшей завкафедрой иняза, и никто не мог расшифровать твоего хилера. Хватит эти намёки! У нас сейчас гласность, и можно писать и говорить, что хочешь. Точно, как у вас.
Напиши открытым текстом: брать зонтик или не брать?

(После окончания из зала появляется молодой человек со свертком. Он долго возится, чтобы разорвать оберточную бумагу.)

Новая актриса: Давайте, я вам помогу. *(Снимает бумагу. Под ней – надутый воздушный шар с тремя подснежниками. Парень преподносит актрисе, та целует его в щеку. И гордо уходит в кулису. Парень очень смущен и прикрывает ладонью место поцелуя.)*

Парень: Извините, я всегда был стеснительным до предела.

Особенно тяжело носить этот крест человеку, родившемуся в Одессе. Каждый, кто чуть понахальнее, готов его задеть, подкузьмить, посмеяться над ним. Считают иногородним, его презрительно спрашивают:

- Мальчик, твой папа недавно приехал из Пердичева или Крыжополя?
Я краснел при одном взгляде в мою сторону, опускал голову при переключке в классе, готов был провалиться сквозь катакомбы, если оказывался один на один с девочкой.

Когда я уже учился в институте, был первым в учёбе и протирал штаны в лабаратории, меня, как тогда выражались, “подкадрила”, подцепила юркая и смуглая сокурсница Сонечка Файнгольдц. Я не сопротивлялся и считал это большой удачей. Вначале она меня учила целоваться, не закрывая глаз.

- Не стесняйся, – шептала Сонечка, приликая к губам.

Затем пошли уроки обнимания, “чтобы косточки трещали”.

Была весна, налились соками деревья, чистая прозрачная зелень покрыла “бесстыдниц”, как называют в Одессе платаны, засверкали свечи на каштанах, распустилась пышно на дачах сирень. Появились “хотелочки” и на моём лице, а свои Сонечка замазывала под точки зелёной.

И однажды, после очередного занятия “чтобы косточки трещали”, Сонечка заявила:

- Я так больше не могу!
- Я тоже, – сказал я и покраснел в темноте.
- Что “ты тоже”? – с иронией спросила она.
- Больше так не могу.
- Я-то знаю, что я не могу больше, а что ты не можешь больше?
- То же самое!
- Если так, то слушай.

И она прошептала мне прямо в ухо несколько слов, от которых я чуть не упал на батарею радиатора.

Я был растерян. Я был шокирован. Я был на седьмом небе: Сонечка посоветовала мне достать... презервативы!

Я вылетел пулей из подъезда и крикнул на прощание:

- Я достану их во что бы то ни стало!
- Посмотрим, посмотрим, – услышал я вдогонку.

На следующий день с самого утра, надев свой единственный парадный костюм и галстук для солидности, я отправился в аптеку Гаевского. Приближаясь к Садовой, я почувствовал, что мои ноги становятся чугунными, как у графа Воронцова на памятнике напротив. Я решил присесть в садике на Соборной и продумать всё по порядку.

Затем я долго прохаживался у аптеки, прежде чем зайти туда.

Там было довольнолюдно, и мне казалось, что все смотрят на меня и думают: “Он пришёл за презервативами!”

В зале было три окошка, и у каждого – очередь. За первым сидела, с глазами навывкате, с очками на мощном носу, старуха, явно не вызывающая симпатии. За вторым находилась молоденькая практикантка. Подойти к ней – это как броситься на дзот. За третьим сидела женщина средних лет, с гладко зачёсанными волосами, с приветливой улыбкой. К ней, только к ней!

Я встал в очередь за высоким мужчиной в зелёной шляпе и спросил, как принято:

- Вы последний?

На что получил ответ:

- Последняя у попа жена, а я – крайний. Пора этому выучиться, студент!

Я лишний раз покрылся краской и ничего ему не ответил. Приближалась роковая минута. Я репетировал про себя, с чего начать и как спросить. Тяжёлый ком подкатил к горлу, мне стало душно.

- Что вам, молодой человек?

Вопрос застал меня врасплох. Я стал потный, красный, безголосый.

- Что же вам нужно? – спросила ещё раз милостивая женщина за окошком.

Заикаясь, я выдавил:

- П...п...пи. .. пи..... пирамидон!

- Сколько пачек?

- Десять.

- Что ещё?

- В...ввату...

- Вата выдаётся только по рецепту или беременным.

Я запыхал, как факел.

- Тогда марли, пожалуйста.

- В бинтах или в метрах?

- В метрах... десять метров.

- Мы даём в одни руки только три.

- Хорошо, можно три.

- Что ещё?

Я заглянул под стекло витрины и увидел знакомое с детства мыло “Сирень”.

- Мыло “Сирень”, десять пачек.

- Всё?

- Всё, всё, – с облегчением согласился я.

Если бы она продолжала спрашивать дальше, я забрал бы весь ассортимент её отдела.

Она вручила мне большой пакет, и я, презирая и ненавидя себя, удалился вон.

Я не пошёл на занятия. Я боялся встречи с Сонечкой. Я готов был броситься с мола в море. Лучший студент потока, щёлкающий, как орешки, задачи по высшей математике, знающий наизусть всего Багрицкого... Кстати, Багрицкий не постеснялся в «Контрабандистах» написать:

Чтоб звёзды обрызгали

Грудю наживы:

Коньяк, чулки

И презервативы...

Меня это подбодрило, и я решил сделать ещё один заход.

Я пошёл в аптеку на Преображенскую и Бебеля. Оттуда я выскочил, как ошпаренный: за стойкой стояла в белом халате мамина знакомая, Дуся Шпитальная. Мне только этого не хватало! Завтра весь город знал бы, зачем приходил сын Бебочки Фидлер.

Из аптеки на Тираспольской я вышел с увесистым кульком, в котором покоились пять кусков хозяйственного мыла, аспирина, валидола, стрептомицин, пурген и клизма. Я выбросил всё это тут же за углом в каменную урну и окончательно понял, что такому шлимазлу, как я, нечего коптить небо над землёй.

Девушка, изнемогающая от любви, сделала ему, фактически, предложение, а он не может достать какую-то презренную резину! Нет, пора подводить итоги.

- Ты что, сумасшедший? Тебе жизнь надоела? – услышал я над ухом.

Я стоял на трамвайной линии и задумался.

От меня шарахались автомобили, кошки, прохожие. Я кружил по улицам, не замечая ничего, и вдруг увидел, что давно уже стою у знакомой двери с медными ручками. Ну конечно, это была аптека Гаевского. “Ещё одно доказательство, что Земля круглая”, – повеселел я и решительно толкнул дверь: пан или пропал!

Снова три окошка, снова очередь. Я становлюсь к облюбованному.

- Вы что-то забыли?

- Да, – сказал я, опустив глаза.

- Что именно?

Настал момент назвать одно-единственное слово вслух. Я просунул голову в окошко, застрял в нём и еле-еле прошептал:

- Презервативы...

Она как будто ожидала этого, милая, добрая, хорошая женщина, и так же тихо ответила:

- В нашем отделе их нет, это в первом окошке.

Я замер, я оторопел, я превратился в столб. Мой вид вызвал в ней сочувствие.

- Минуточку, – и, написав что-то быстро на рецепте, добавила: - В первое окошко.

Я промычал счастливое “спасибо” и отправился к “глазам навывкате”.

В записке было: “Ув. Ревекка Соломоновна! Отпустите, пожалуйста, по четыре копейки”.

По четыре копейки! Чёрт побери, как просто, как поэтично: по четыре копейки!

Я сунул бумажку в протянутую руку и услышал басистый, рычащий на весь зал голос:

- Марья Петровна, я же вам говорила, что презервативы идут только с лотерейными билетами!

Я грохнулся без сознания на мраморный пол аптеки.

Ещё в больнице я узнал две новости.

Первую – что Сонечка Файнгольдц буквально через несколько дней выскочила замуж за курсанта Высшей мореходки, отплывающего на полгода в рейс. Вторую – что произошедший со мной случай рассказывают в Одессе как самый свежий анекдот. А после Одессы и до Америки докатится.

Я хорошо знаю, в каком я родился городе.

Бухбиндер: У меня есть небольшое добавление к рассказу о презервативах. Когда мы в Италии ждали разрешения на въезд в Америку, моя теща каждое утро уходила на рынок, раскладывала эмигрантский набор: ложки,

матрешки, шкатулочки под “Палех”, деревянные раскрашенные яйца, а в центре, на разложенном красном знамени с серпом и молотом, возвышалась коробка из под обуви, набитая... презервативами Баковского резинового завода. Она необычайно искусно их продавала. Зычным голосом кричала на всю Остию: “Уна миля – но бамбино! Уна миля – но бамбино!” – и, соединив пальцы рук в солнечный круг – мол, ни одна не забеременеет. Итальянцы оценили ее остроумную рекламу и быстро расхватили ценный товар. Когда она распродала свои презервативы, ей стали подбрасывать другие эмигранты презервативы на комиссию. На вырученные деньги мы потом всей мешпухой поехали на экскурсию в Венецию.

Новый рассказчик: Кстати о яйцах, не деревянных, раскрашенных, а обыкновенных куриных яйцах. Моя знакомая, Марта Семеновна готовилась к приходу детей с внуками и решила угостить их настоящей еврейской мацевой бабкой. Когда она стала разбивать яйца, они оказались протухшими.

- Конечно, – обратилась она к мужу, – ты хотя бы раз в жизни посмотрел на экспайерс? Они на целый месяц просрочены. Пойдешь завтра в “Алди” и поменяешь. Хорошо еще, что я сохраняю все чеки. Ты всегда был размазней и таким останешься до конца жизни. Тебя никуда нельзя послать...

- Можешь послать...

- Знаешь что? Гей ин тухэс аран. Чтоб не напрашивался.

Онуже сорок семь лет выслушивал такие разговоры и приучился отшучиваться или молчать.

Марта Семеновна позвонила знакомой с пятого этажа.

Трубку взял муж.

- А где ваша Цилечка?

- Она играет в бинго у Коганов.

- Самсон Давыдович, у вас не найдется пара яиц для бабки?

- Какой может быть разговор. Поднимайтесь.

Бабка получилась на славу. Николь просила добавку, а Баб вылизывал тарелку, на которой остались крошки, языком.

На следующий день муж Марты Семеновны пошел в магазин менять яйца.

Он не выспался, у него болела голова, и ему было обидно.

Все же он не мальчик, а бывший завкафедрой и заслужил большего уважения.

Календарь показывал первое апреля, и он решил разыграть шутку. Яйца он не поменял, а купил новую дюжину, оставил в коробке парочку в центре, добавил туда десяток тухлых и принес домой. Марта Семеновна начала с проверки даты.

- О, это другое дело! Теперь ты уже будешь знать на всю оставшуюся жизнь, что надо посмотреть на “селл бай”.

- Буду, – согласился он.

Марта Семеновна, взяв в руки по яйцу, пошла отдавать долг.

- А мне Самчик не сказал, что он вам дал яйца, – съехидничала Циля Исаевна.

- Я-таки заметила, что их нет на месте, но подумала, мало что может быть.

- Цилечка, мой точно такой же. Никогда не скажет, никогда не помнит, никогда не видит.

- Самчик вернется сейчас из “Даминикса”, а яичница будет уже готова.

И с этими словами она разогрела сковородку, положила на нее кусочек сливочного масла и разбила об угол плиты первое яйцо.

Вонь вмиг наполнила кухню.

Циля Исаевна посмотрела на Марту Семеновну выразительным взглядом. Второе яйцо добавило еще больше вони и вражду на всю оставшуюся жизнь.

Пока Марта Семеновна вернулась обратно, ее муж поменял яйца местами в коробках, предусмотрительно оставив в новой только десять, а старую спрятал и сел в кресло читать газету.

Он улыбался и ждал ее появления. Она бросилась к яйцам. Еще раз проверила дату. Разбила над тарелкой первое попавшееся, и оно оказалось нормальным.

Марта Семеновна была вне себя. Побежала к телефону.

Муж ее тихонько проделал старую операцию: снова поменял яйца в коробках.

Высокие тона, переходящие в крик, “... и чтоб я так была здорова, и чтоб наши дети...” доносились к усевшемуся вновь в кресло мужу...

Марта Семеновна схватила новую коробку со старыми тухлыми яйцами и помчалась к обиженной соседке...

Через минут десять она вернулась “с свинцом в груди и жаждой мести...”

- Собирайся, старый дурак, поедem вместе в “Алди”. Я им покажу, как обманывать пенсионеров, они у меня попляшут....

“Старый дурак” вдруг стал улыбаться и запел:

- Смейся, паяйцы, над разбитой любовью,

Смейся и плачь....

- Ты сошел с ума!

Он улыбался и пел:

- Смейся, паяйцы...

(Появляется Актер)

Актер: Розыгрыш тянет за собой розыгрыш.

Театр наш прибыл на гастроли в Одессу. Честь большая. Пока рабочие сцены устанавливали декорации к вечернему спектаклю, мы – несколько молодых актёров – отправились на Привоз. После столичных скудных фруктов и овощей нас одурманил запах свежих помидоров, огурцов, яблок (крестьянки называли их «папиловками») и несказанно обрадовало обилие молодого вина. Сперва мы достаточно чувствительно напробовались, потом ещё по стакану-два за наличные выпили и теперь были полны решимости

начать гастрологи прямо здесь, на базарной площади. Наш премьер Сашка Гаврилов, увидев на прилавке коровье вымя ведёрного размера с четырьмя длиннющими отростками, тут же придумал для себя роль.

- Почём? – спросил он у заспанного мужичка.

- За пять рублив отдам.

- Несправедливо, батя. Сосков четыре, а просишь, как за пять.

- Ну, нехай: каждый сосок по рублю.

- Давай, срежь один, вот тот, самый большой, - и протягивает ему рубль.

При виде денег мужичок выполнил просьбу и вручил Сашке требуемое.

- А теперь, ребята, подыграйте, но без смешочков.

Открыл он змейку на ширинке и вставил туда вымий отросток. Смеяться хотелось, но мы, не подавая виду, идём, как ни в чём не бывало, мимо мясных прилавков. Бабы как увидели этот срам, как загудели:

- Какой бесстыжий, а ещё при галстукке! Мама твоя на тебя бы посмотрела! Милицию позвать надо! Який позор! Ещё з Москвы, видно, приихав!

А Сашка невинно так:

- Чего это вы так на меня, женщины милые, родные мои?

- А ты подывысь на ширинку.

Сашка опустил очи долу и со слезами в голосе:

- Ах ты, негодяй, как ты меня опозорил. Да я тебя, я тебя... – и хватает с прилавка нож и с размаху обрезает кусок.

Бабы в визг. Закрыли руками глаза, а одна и сознание потеряла.

А Сашка даже не оглянулся, и мы за ним гордо удалились за “кулисы” – ворота рынка – и там лишь нахохотались от души.

Парень в тельняшке: (*появляется из-за кулис*). В отношении выпивки и мы не лыком шиты, но дело, видите, не в том. Наш сапожный цех получил от фабкома за сверхплан премию и бесплатные билеты на выступление гипнотизера.

До концерта мы хорошо надраились в погребке на Карла Маркса, а по дороге в Дом офицеров заглянули в забегаловку на Ленина, а оттуда снова спустились в погребок на Франца Мерина сивого. Там я свои премиальные окончательно и оставил.

В зал мы вошли, держась друг за дружку, и с боем заняли весь первый ряд. Гипнотизер был старый, морщинистый, но очень находчивый.

Что ни прятали он тут же находил с завязанными глазами. Наш шофер Митя попросил рядом сидящую с ним жену спрятать часы в бюстгалтер. Думал, гипнотизер не посмеет залезть туда. А тот привел его за руку к супружнице, покраснел, почувствовав двухарбузный бюст, и попросил мужа самому проделать “операцию”. Тот заартачился: “Не клал я туда ничего, не там они”. А гипнотизер, не выпуская его руки из своей, потоптался на месте и снова подходит к грудастой Нинке. Она не выдержала и сказала:

“Правильно, правильно”.

И тут у меня, несмотря на выпитое, родилась одна мысль. Засунул я незаметно в карман пиджака гипнотизера мой пустой бумажник.

Вспомнил беспризорное детство. И вызвался быть “прятающим”.

“Чего только с первого ряда!” – стали шуметь сзади. Наши все встали, повернулись в зал, и я был утвержден.

Артист пошел за кулисы, я пошушукался со своими. и кричу:

- Раз, два, три, четыре, пять – можете искать.

Взял он меня крепко за запястье, нашупал пульс – и ни с места. Стал кружиться вокруг самого себя и еще крепче сжимать мою руку. Смотрит на свой костюм, на меня, на костюм, на меня.

Пот струйками по лицу катится.

Ей богу, стало мне его жалко, но держу фасон. Стал он вслух рассуждать.

- Я уверен – это портмоне, но почему вы все время думаете, что оно у меня? Каким образом оно оказалось в моем кармане?

Вы его незаметно мне подложили? Вынимайте.

Делать нечего. Забрал я свой бумажник и показал залу. Заплодировали артисту, он снял темную повязку с глаз, поклонился, а мне пожал руку.

Потом был массовой гипноз...

Потом мы заглянули еще раз в погребок...

Утром как будто приказал мне кто-то посмотреть в кошелек. Открываю, а там сто рублей – мои премиальные. И автограф:

“За ловкость рук. Вольф Мессинг.”

(Выходит на сцену человек маленького роста (если такой актер найдется).

Мужчина маленького роста: К сожалению, руки у меня не длинные, но есть другие преимущества. Попалось на днях объявление в русской газете:

“Стройная блондинка 30 лет, с высшим образованием, любящая поэзию, музыку, живопись, театр, сексапильная мечтает встретить мужчину с такими же интересами и качествами. С маленьким ростом – не беспокоить.”

Меня это страшно задело. Я – математик, доктор наук, готов любить с утра до вечера, а она – не беспокоить. Да, я после бармицвы остановился в росте двенадцатилетнего мальчика. А интеллект, а страсть? Ах ты, блондинка крашенная бальзаковского возраста!

Забрался в кресло. Набрал номер “и гормон я свой настроил на веселый лад”:

- Добрый день! Меня зовут Эрнест. Да, вы угадали: в честь Хемингуэя – он был тогда моден. Простите, а как вас величать? Эдита! А это не в честь Пьехи? Или дочери Леонида Осиповича Утесова, с которым, кстати, имел честь быть знакомым. В детстве. Я играл на скрипочке. Маленький ундервуд. Меня показали Утесову. “Вырастешь – приму в оркестр”, - и потрепал по щечке. До сих пор ее не мою. Рад, что рассмешил вас. Ушел потом в “мать и мачеху” у – так я прозвал математику – и в пятнадцать поступил на мехмат. В Америке я пять лет. Работаю в университете. Полный профессор, .. поджарый, спортивный (меня понесло) бегаю шесть километров по утрам ежедневно в любую погоду.

Кстати, где вы живете? В Гленвью на Линден. Унтер дер Линден. Сейчас по интернету определим расстояние вашей... квартиры от моего дома. Конечно, я не женат. Иначе я бы вам не звонил. Итак, вы находитесь от меня - три с четвертью майлс. Машиной – семь минут. Добегу... минут за сорок пять. Сегодня воскресенье. К обеду? С радостью. Вы не против “Киевского торта”, коньячка “Курвуазье”, пиццы с грибочками? Отмечаем. Ваши любимые цветы? Кааллы? Обожаю тоже. До свидания! До первого свидания.

Я хотел увидеть ее лицо, когда она откроет дверь.

Лицо было писаной русской красавицы... но перекошенное от неожиданности:

- Вы к кому?

- По объявлению. Меня зовут Эрнест.

- Но вы...

- А чем я вам позвонил?

Она посмотрела на мои занятые руки, на открытую ширинку и... просияла! Подхватила меня с коробками, бутылью, букетом на руки и унесла в альков. Вот я каков!

Бухбиндер: Я поражаюсь, какой диапазон тем, а между тем, где про любовь рассказ, про настоящую любовь?

(Выходит на авансцену еще одна исполнительница)

Исполнительница: Вот и я дождалась. Не могу не рассказать эту душераздирающую историю о любви.

Моя девичья фамилия – Перлмутер.

Если бы до революции вы спросили у первого встречного еврея в Одессе, где живёт ребе Хаим Перлмутер, он бы привёл вас за руку к нашему дому на Большой Арнаутской. Мой отец мог рассудить справедливо самый запутанный спор между двумя пьяными биндюжниками, а это о чём-то говорит.

Тора, Талмуд и три дочери украшали его жизнь.

Наша мизинке, наша младшенькая – Фирочка – была бриллиантом в этой короне. Говорят: русская красавица, французские женщины, польские паненки. Но если представить а шейн идиш пунэм, так это была наша Фирочка.

Где найти такие слова, чтобы описать её глаза, руки, фигуру? Я не знаю таких слов. Одну минуточку, я вам сейчас покажу её портрет!

Когда с табачной фабрики была экскурсия в Ленинград, меня, как передовую работницу, тоже включили в неё. Мы потеряли там ноги: музеи, галереи, и снова музеи, и сам город, как музей.

А когда я увидела в Эрмитаже картину “Юдифь с головой...” этого, ну, как его, бандита-антисемита...

Бухбиндер: *(из кулисы)* Олоферн.

Исполнительница: Олоферн вы говорите? Пусть будет Олоферн, зол ер гешволн верн, чтоб он опух – увидела картину и чуть не упала в обморок.

- Это же наша Фирочка, товарищи! – крикнула я. – Вылитая Фирочка!
Мне казалось, что сейчас она поднимет веки, и я увижу её глаза с искорками-звёздочками, и она меня спросит, улыбаясь:

- Берта, ты навестила сегодня папочку?

Когда кончилась экскурсия, я побежала в киоск и купила этот альбом, где напечатан Фирочкин портрет.

За год до революции ей исполнилось пятнадцать. Ещё не успели выйти замуж старшие сёстры, а у неё отбоя не было от женихов. И каких женихов! Сыновья одесских заводчиков, богачей, фабрикантов. Шадхены шныряли к нам в дом десятками, но уходили ни с чем. Родители и думать не смели, что их Фирочку так рано кто-то уведёт из насиженного гнезда. Они души в ней не чаяли. Мы ревновали, обижались, но сами любили её не меньше. Всегда с улыбкой, каждому доброе слово скажет, всем помочь готова. Бриллиант есть бриллиант, куда ни повернёшь – блестит!

И вдруг всё в нашей жизни изменилось. Стрельба, пальба, погромы, холод, голод. Сегодня – белые, завтра – красные, через день – зелёные, и снова красные... Французы, казаки, германцы... мир ходором!

И наша Фирочка ушла в революцию. Прокламации и “Смело, товарищи, в ногу!”, демонстрации, “и все мы, как один, умрём..”

Отец наш не ел, не пил и высох, как мумия.

Когда Фирочка возвращалась со сходки домой, отец прижимал её голову к сердцу и дрожал.

- Папочка, дорогой, не волнуйся, со мной ничего не случится!

Слава Богу, с ней ничего не случилось. А с Одессой – да. Она стала большевистской. И тут мы подходим к началу нашей любовной истории.

Фирочка – уже стройная девушка с косой до пояса. Фирочка – уже комсомолка. Фирочка – уже рабфаковка, осоавиахимовка, активистка. И на одном из тысячных тогда собраний её увидел бывший моряк Коля Оловянных и влюбился, как говорят, с первого взгляда. Я думаю, губа не дура! Сам он, правда, был очень интересный парень: высоченный, с пшеничной шапкой волос, под рубашкой – тельняшка, душа нараспашку, заводила, силач, плясун, и улыбка на все тридцать два. И наша Фирочка ответила взаимностью. Такое было тогда поветрие, что русские парни обожали еврейских девушек, а еврейские девушки первыми поверили в дружбу народов.

Фирочка и Коля были парой на загляденье!

Но не для нашего отца. Когда он видел через окно, как этот курносый гой провожает до самых дверей его Фиреле, его нахес, его надежду, он терял сознание. Мама быстро подносила нашатырь к его носу, хлопала его по щекам и кричала не своим голосом:

- Хаим, Хаим!

Папа приходил в себя, его укладывали на кушетку, и он шептал молитву.

Фирочка прибежала, бросалась к нему на колени, упрашивала его:

- Папочка, пойми меня, папочка!

- Не могу. Фиреле, не могу. Не могу видеть, что творится вокруг. Дети перестали уважать родителей, некого учить, и некому учить.

- Папочка, ты для меня самый родной человек в мире, и я готова для тебя всё выстрадать и вытерпеть!

- Если ты говоришь от сердца, тогда брось встречаться с этим шейгицем! Такого позора я не переживу!

- Папочка. Я люблю его, мы любим друг друга! – и она заливалась слезами. А мы с мамой стоим рядом и плачем, и витает в нашем доме горе и беда.

- Хватит! – вскричал отец. – Хватит! Вот что я решил. Собирайся, Фиреле, и мы сейчас же поедem в Томашполь, к моему уважаемому учителю, цадику Гершл Мордхе Гуральнику. Там мы вместе разрешим этот вопрос, одному мне это не под силу.

В тот же день они выехали в Томашполь.

Гершл Мордхе Гуральнику было уже лет под девяносто. Был он при ясной памяти и в отличном здравии.

Отom, что к ребе Гуральнику приехал их Одессы Хаим Перлмутер с красавицей дочерью, местечко знало уже через полчаса. Всех разбирало любопытство: о чём толкуют мудрые старики, запершись в комнате, что они выискивают в толстых книгах, о чём спорят, выбрасывая руки в стороны? Слухи шли разные, но толком никто ничего не знал.

Прошёл день, прошла ночь, и только на следующее утро они вышли в столовую, чтобы выпить рюмочку вишнёвки и закусить белым пряником.

В это время в Одессе “шумела буря, гром гремел”. Коля примчался к Дюку на свидание с Фирочкой, а она не пришла. Он ждал её час, два.

Он метался по бульвару, и сердце его разрывалось от тревоги. Он был похож на раненого зверя. Такое чувство он испытал впервые. Всё потеряло смысл, если рядом нет его Эсфирочки.

Коля заскочил к нам в дом с криком:

- Она жива? Что с ней?

Мама испугалась, мы тоже: лицо его было страшным от горя и боли.

- Она жива, жива. Фирочка уехала с отцом в Томашполь к ребе Гершл Гуральнику.

Он аж просиял:

- Спасибо! Спасибо, маманя! – и убежал.

Ребе Гершл и мой отец не успели поднести к губам рюмочки с вишнёвкой, как вдруг перед ними вырос громадный, перепачканный паровозной гарью Коля Оловянных и загрохотал:

- Уважаемые раввины! Я понимаю, что здесь решается в эти минуты участь моей жизни. Я люблю вашу дочь, товарищ Перлмутер, И готов за неё пойти на всё! Объявляйте ваш приговор.

Оправившись от неожиданности, мой отец спокойно ответил:

- Может, это и кстати. Вот наше решение: вы можете взять в жёны мою дочь только в том случае, если совершите обряд обрезания, и все ваши сыновья в

будущем будут обрезаны на восьмой день жизни по еврейскому закону.

Я не знаю на что рассчитывали Гуральник и отец, но ответ жениха был даже для них сверхнеожиданным:

- Товарищи раввины! Да если бы вы сказали: отруби сейчас руку, положи ноги под паровоз, отдай сердце за любимую Эсфирь Ефимовну, – не раздумывая, сделал бы это. А та ... мелочь, о которой вы просите, не составляет никакой сложности при моём здоровье и силе. Совершайте обряд и отдайте мне в жёны мою любимую!

В тот же день томашпольский раввин Гершл Мордхе Гуральник совершил тайне обряд обрезания Николаю Степановичу Оловянникову, русскому, родом из Сибири, члену партии Ленинского призыва.

Фирочка и Коля жили в согласии и любви. Две девочки, Маруся и Розочка, и мальчик Гриша, обрезанный по обету, были на редкость удачные дети, а красоты неопишуемой.

Но история эта имеет печальный конец.

В тридцать седьмом Колю забрали. Он к этому времени был уже начальником всего пароходства. Кто-то из сотрудников парился с ним в бане и донёс на него, куда надо. Коля пропал, а Фирина жизнь пошла кувырком.

О чём говорить, когда хочется плакать.

Бухбиндер: У меня случайно в портфеле оказался альбом “Итальянский ренессанс” с картиной Рафаэля “Эсфирь с головой Олоферна” – примите от всей души.

(Из кулис появляется киношник.)

Киношник: Мой случай тоже о любви: одного мужчины к двум женщинам.

Бухбиндер: И что из этого вышло?

Киношник: Послушайте.

Всё это произошло с моим хорошим знакомым – популярным в то время драматургом.

В столичных театрах шли его пьесы, по сценариям его ставили фильмы, на телевидении делали сериал. Небольшого росточка, кругленький, длинноносый, имел он одну слабость – высокие женщины.

Женился на актрисе, выше себя на голову. Она не хватала звёзд с неба, но за него ухватилась, родила ему дочку, была ему верным другом.

Однажды звонит он мне на студию:

- Старик, приезжаю на неделю с Катей в Одессу, приюти на даче, а?

- Давай, буду рад.

- Старик, и ещё просьба: пригласи вечерком Дюймовочку.

- Да ты спятил!

- Ради этого лечу, старик, сделай услугу.

- Твоё дело. Позову.

А дело было вот в чём. Работая у нас в фильме, влюбился он в костюмершу

Леру – высоченную девушку по прозвищу Дюймовочка. Кстати, остроумец, придумавший это, достоин вознаграждения.

Дюймовочка была польщена вниманием автора сценария, щедро одаряла его своей накопившейся нежностью, и он не вылезал из “Куряжа” – киностудийного общежития, где она жила.

Днём они отправлялись на Привоз и туго набивали сумки “дарами осени”. А вечером после съёмок сбегали вниз, к морю, заплывали далеко, а возвращаясь, Лера выносила на руках уставшего ухажёра и – кутить в “Куряж”.

Наезжал он к Дюймовочке часто.

Но с живой женой, да к любовнице – ну и нахал!

Я встретил их, привёз на дачу, там уже орудовала у стола Дюймовочка.

- Старик, ты дипломат! – и поцеловал в бороду. Жена его, естественно, приняла Леру за мою пассию или знакомую.

Московские напитки, одесские овощи и фрукты развязали языки, и, выбрав удачный момент, мой приятель попросил тишины и начал:

- Как известно, у царя Соломона была тысяча жён. Я хочу искренне рассказать о моих чувствах к двум любимым женщинам. Мне надоело раздваиваться, лгать, придумывать что-то. Я люблю мою жену Катю и люблю... Леру и хотел бы, чтобы мы все были вместе. Дружно жили одной семьёй. Лера на это согласна, мы это уже выяснили, теперь, Катя, прошу тебя оценить моё правдивое признание и присоединиться к нам.

Это была не шутка, не розыгрыш, не фарс. Он говорил на серьёзе, обдуманно, волнительно.

Я, конечно, очумел от такого поворота событий, но что должна была почувствовать жена его?

Она замерла, красные пятна пошли кругами по лицу, на глаза навернулись слёзы, она вот-вот готова была разрыдаться.

- Катя, милая, я сказал чистую правду, ведь это намного лучше, чем лгать, что я снова поехал на доработку сценария, а на самом деле соскучился по Лере. А побыв с нею, придумывать, что в Москве ждут читки новой пьесы, а на самом деле хочу к тебе.

Катя не могла выдать из себя ни слова. Она прикрыла руками лицо и онемела. Лера опустила голову и ждала.

- Я понимаю, так не бывает. – продолжал он, – будут какие-то формальности, сложности, но это честнее, лучше, благороднее, чем делать вид, что все счастливы, будучи несчастными. Квартира, слава богу, позволяет, средства – тоже, надо только перешагнуть через мещанское, узколобое понятие “законный брак”. Катенька, скажи, ты согласна со мной?

- Да, да... – преобразилась вдруг Катя. – Я согласна. Это будет здорово, это будет очень, очень интересно...

- Умница, Катенька! Давайте выпьем!

И началось застолье.

Я сослался на дела и уехал в город.

Дальнейший ход событий развивался так: да, Катя согласилась, они провели втроём неделю на море, ходили в театры, рестораны, провожали Дюймовочку в “Куряж”. Затем с Дюймовочкой проводили Катю в Москву, чтобы та подготовила квартиру для общего проживания. Затем он уехал один, пока Лера улаживала дела с работой, комнатой, выпиской.

... Дверь открыл ему громадный парень, амбал, и вынес один за другим десяток чемоданов.

- Екатерина Фёдоровна попросила передать вам это. Тоже мне – Соломон!
И захлопнул перед его длинным носом дверь.

Бухбиндер: Как сказано у поэта: “Поговорим о странностях любви”.

Писать сценарии о чужой любви намного проще, чем любить самому и быть любимым другой.

Скрипач: Именно об этом мой рассказ.

Я ходил в холостяках до тридцати лет. Было много амурных историй, влюблённостей, ухаживаний, но как только доходило до серьёзного шага – предложить руку и сердце – я пасовал. И вдруг – по уши, всерьёз, без оглядки.

- Емельянова Таня, с фортепианного. Я у вас буду проходить практику по аккомпанементу.

Я чуть не уронил скрипку на пол: русая коса, румянец на обе щеки, синие, как васильки, глаза. Снегурочка, русалка, царевна!

- Откуда ты такая? – выпалил я, не скрывая восхищения.

- Из Дубовой Рощи, – ответила она мне в тон.

О лучшей аккомпаниаторше я и не мечтал. Она легко читала с листа, и не фразами, а целыми строчками сразу. Ну просто чудо!

Постепенно я обнаружил в ней столько достоинств, что их хватило бы на всю прекрасную половину нашей консерватории. Я понял – это подарок судьбы. Ведь её могли распределить к старику Бенихису, и мне было страшно даже представить такой вариант.

Что мы влюблены, пели рояль и скрипка, говорили окна кирхи напротив, шушукались уборщицы, звенел трамвай номер пятнадцать по улице Петра Великого.

На этот раз, не раздумывая, с радостью я предложил Тане стать моей женой. Она покраснела, заревела в два ручья и бросилась мне на шею.

Мы условились сообщить нашим родителям о женитьбе в один и тот же день, в один и тот же час.

Ответ моей мамы был таков:

- Если ты приведёшь в дом эту шиксу, считай, что у тебя нет мамы.

Из-за её плеча вынырнул папа:

- Манечка, добавь: и папы – тоже.

- Самуил, предоставляю тебе самостоятельность. Можешь об этом сказать ему сам, без переводчика.

- При чём тут переводчик? Я хотел сказать, что согласен с предыдущим... Теперь я мог спокойно выждать час, два, пока папа с мамой перемоют косточки друг другу, соседям, всему городу. Среди всего прочего они припомнили, чем закончилась пышная свадьба у сына Зямы Бегельмахера, который женился на гойке. Его тесть, полковник авиации в отставке, напившись до чёртиков кричал, нажимая на воображаемую гашетку: “Эй, пархатые, смотрите, как я косил фрицев, пока вы прохлаждались в Ташкенте!”. Не забыли упомянуть самую свежую историю про дочечку Наума Бурихсона. Она чуть-чуть не родила от чёрного: дача Бурихсона в переулке Кокинаки была напротив интернационального дома отдыха “Маяк”, куда Фаиночка любила забегать на танцы.

- Дожить до такого позора! – заходила моя мама. – если бы ей не сделала аборт на Комсомольской, то на абрикосовых деревьях Наумчика прыгал бы одесский Максимка. Так поэтому, – сделала вывод мама, – только через мой труп!

- И мой тоже! – подхватил папа.

Я представил себе на минуту два трупа, распластанных на полу у самой двери, и не захотел играть в этой “трагедии”. Схватив скрипку, забросив в чемодан ноты, я выскочил из дому.

- Мусик, на кого ты нас оставляешь? – истерически кричала мама.

- Вернись! – фальцетом просил папа.

Я сам переживал. Мне было жаль их, но я не оглянулся. Я шёл по Авчинниковскому переулку, и из открытых окон за мной тянулся шёпот соседей:

- Что там случилось?

- Мусик Флейшер уходит к своей курносой.

- Маня выгнала сына из-за его красавицы шиксочки.

- Как говорят в Одессе, на ошiksaх учимся!

“Идиоты, мещане, провинциалы”, – ругался я, убаюкая шаг.

Я не успел приблизиться к двери Таниного дома и нажать кнопку звонка, как оттуда выбежала с чемоданом, вся в слезах, моя дорогая невеста. “Тот же результат, но без фортепиано в руках”, – понял я.

В Риме Танечка родила двойню – белобрысых мальчиков. Одного назвали Антонио, в память её погибшего брата, а второго – Дейвидом, в честь моего дедушки, Меджибожского раввина, Довида бен Эзры.

Ривчик: *(Быстрым шагом направляется на сцену)* Я не могу усидеть на месте, хотя свое я уже отсидел. Как это так, чтоб никто здесь не рассказал о нашем любимом и родном вожде Владимире Ильиче Ленине? Здесь в зале что, нет бывших партийных, а я, не бывший даже в комсомоле, должен о нем рассказать? Поднимите руки, кто был членом? Ясно. Единогласно. Так вот. Я не большой рассказчик, но чтобы так сторела “Белая акация” напротив “Берёзки” моего сына, что всё, что вы услышите – чистая правда. Вы, конечно,

знаете: в Одессе у меня было два прозвища. До отсидки – Ривчик-Монета: не скрою, я всегда любил деньги и всегда говорил: “Монету на лапу!”. А после Свердловска – Верный Ленинец: прозвище длинноватое, но заслуженное. Почему?

Когда в Одессе началось дело с заготовителями, за день до обысков ко мне домой поздно вечером, где-то около двенадцати, – мои уже спали, – зашёл свой человек из ОБХСС, Полищук Иван Сергеевич. Позвал меня в кухню, где не было телефона, и тихо сказал: “Ривчик, выкручивайся сам. На этот раз тебе никто не поможет”.

Что делать? Денег – кеш – было навалом, драгметаллы и стекляшки имелись в наличии, и много чего ещё. Что делать? Как быть? Меня затрясло. “Возьми себя в руки. Успокойся. Обдумай всё. Пройдись подыши свежим воздухом, – сказал я сам себе. – а заодно проверь, не следят ли уже за домом”.

Я жил недалеко от Привоза, на Преображенской угол Малой Арнаутской. Был сентябрь месяц, была ясная ночь. В глубоком раздумье я дошёл до парка Ильича. Меня потянуло зайти туда. Я, кажется, за всю жизнь там никогда ещё не был. Вру, был. Когда до войны там лежали покойники на кладбище. А теперь – аллея из каштанов, акаций, листья шуршат под ногами, иду – сам не знаю, куда.

Подошёл к памятнику Ленину, это даже не памятник, а бюст на пьедестале, громадная голова на широких плечах, и написано: “В.И. Ленин. 1870-1924”. Пятьдесят четыре года прожил, а мне и этого ещё нет... Подошёл поближе, положил руку на плечо и спросил: “Что делать, Владимир Ильич?”

Вы, конечно, не поверите: он наклонился, и я чуть не упал в обморок.

Оказывается, голова держалась не на плечах, а на одном честном слове, и грудь его до самого постамента была пустая. Я понял, что надо делать. В ту же ночь я загрузил ему по горло мой скарб, не сказав об этом ни единой живой душе.

В КПЗ на следствии меня пугали, на меня орали, обзывали, подсаживали “утку” – и всё цым ломп: не знаю, не знаю, не знаю! Оказывается, если ты можешь выдержать и до конца говорить “не знаю”, они не могут найти то, что у них лежит под носом.

Десятку с гаком я получил всё равно, а нашли бы золото – получил бы “вышку”. Я попал в исправительно-трудовой лагерь под Свердловск. Как там, что там – это другой рассказ.

К столетию со дня рождения моего ангела-хранителя меня амнистировали “за примерное поведение и отличные показатели в работе”.

Ну, скажите, как не быть благодарным этому человеку? Поэтому я ещё не успел сойти с поезда на вокзале, как потянул мою Лизочку, Лёву с невесткой и внучечку Сибиллочку, что родилась за моё отсутствие, в парк Ильича на поклон.

- Он с ума-таки сошёл там, – говорила по дороге Лизочка, моя верная жена и помощница. - Он не успел умыться с дороги, сесть за стол, поговорить по-

приличному, как мчится в парк на свидание с Лениным!

И тихо мне на ухо:

- Ты бы лучше сказал мне всё же, куда ты припрятал тогда наше богатство?

Я как будто не слышал ничего, отвечаю ей:

- Лизочка, согласись, что благодаря этому человеку я пришёл на немножечко раньше. Было бы просто некрасиво по дороге домой не заглянуть к нему.

Скажу вам честно, за эти семь лет я не раз видел во сне, как голову срывает ураган, как памятник реставрируют, как пьяные хулиганы сдвигают его, и покрывался холодным потом. Когда Лизочка приезжала пару раз на свидание в лагерь и пыталась выпытать: “Где?” – мне очень хотелось ей рассказать, но я чувствовал кожей, что этого не надо делать: всё равно женщина, и стены имеют уши. Надо дожидаться своего часа.

И вот он настал. Стоит моё сокровище на месте, как и раньше, и я на свободе. Всматриваюсь в родные, знакомые с детства черты и низко кланяюсь, шепча: Сохранил или нет?”. И мне показалось, что он слегка кивнул головой.

Вы, конечно, думаете, что я в тот же вечер пошёл выгребать свои цацки? Не такой уж Ривчик-Монета простак! Я ждал семь лет, мог подождать ещё немного. Единственное, что я делал, так это каждый день приходил к нему на поклон. Ко мне уже привыкли дворники, милиционеры, посетители парка, и они с улыбкой говорили мне вслед: “Верный Ленинец идёт”.

Вскоре начался массовый отъезд, и мой Лёва утром и вечером кричал, что надо ехать. За несколько дней перед октябрьскими я ему сказал, что должен кое с кем увидеться, и мы, я надеюсь, уедем не как последние шлеперы.

- К Ильичу на поклон и совет пойдёшь? – схохмил мой сын.

- Может быть, – сказал и я, улыбаясь.

На этот раз я пришёл к памятнику в рабочей робе, с ведром цемента в руках, в кепочке на голове.. Раннее утро, тишина, пусто. Внутри дрожу мелкой дрожью, но игру надо довести до конца. Я отодвинул голову на плечо, положил слой цемента на открытую шею, и заглянул, наконец, вовнутрь... всё было в полной сохранности – не бюст, а швейцарский банк!

Я забросил в ведро свои вложения, прикрыл их фартуком, поставил на место голову, заровнял аккуратно свежий след, постоял немного, поклонился на прощание и ... уехал с семьёй за границу, по ленинским местам.

Бухбиндер: *(Подражая Брежневу)* С большим удовлетворением я награждаю нашего соотечественника верного Русланда Израйлевича Срулевича орденом Ленина за его стойкость работая за стойкой в застойное время, благодаря его супругости и выносливости, он вынес за ворота за год зерна свыше ста тонн. Спасибо.

Появляются Аркадий Бимбер: *(говорит Бухбиндеру)* Я Срулевича знал по Одессе. Поздравляю, Рувим! *(Машет ему рукой)* У меня тоже есть рассказ за пазухой.

Я не займу много времени – только три минуты. Краткость – сестра таланта!

(Внимает часы. нажимает на кнопку. Открывается крышка. Бухбиндер внимательно смотрит.)

Вам понравились часы? Это старый Бимбер из Одессы. Настоящий “Павел Буре”!

Бухбиндер: Сколько они стоят?

Бимбер: Они никогда не стоят. И им нет цены. Они принесли мне столько парнуса, что дай нам Бог сейчас иметь хоть половину. Они были в руках у сотни людей, и те считали их уже своими, но они всегда возвращались ко мне, единственному и законному хозяину. Покидая Одессу, я оставил там много добра, но мой бимбер я захватил с собой. Таможенник, пропустивший его, получил ящик водки. Он пил, должно быть, за моё здоровье две недели, по бутылке в день, после напряжённой работы. А бимбер со мной. Вас заинтересовало начало? Дайте срок – будет вам и белка, будет и свисток, как любил говорить генеральный прокурор Вышинский, кстати, тоже одессит.

Я работал двадцать девять лет в комиссионном магазине напротив Привоза. Вы смотрели в русском театре “На бойком месте”? Так это про нас. После войны все так обносились, что любое старое пальто, костюм, плащ вырывали из рук. Потом уже пошли болоньи, импорт-шмимпорт. А что делать с залежавшимся товаром? Вот тут затикал мой верный бимбер и подсказал выход.

В воскресные дни, когда на Привоз приезжали крестьяне из сёл, приходили отдыхающие из санаториев, редко кто не заходил в наш комиссионный. Когда появлялся в дверях клиент, я уже знал, что ему предложить. Хватал с прилавка драповое пальто образца тринадцатого года, надевал на мужика, отходил на пару шагов и чмокал губами: “Як специально для вас пошито!” – если оно даже было на два размера больше. Тот всовывал руки в карманы пальто, и я уже был уверен, что он его купит. В одном из карманов преспокойно лежал... бимбер.

“Берёте? – спрашивал я. – “Беру”, – быстро соглашался “наивняк”.

“Разрешите упаковать, чтобы благополучно довести до Мелитополя.

Я снимал с него хламиду и одним ловким незаметным движением доставал свой бимбер, заворачивая пальто в громадный лист бумаги, трижды обтягивал жгутом, завязывал на морской узел, получал деньги – и будь здоров, Вася.

И поверьте: не было случая, чтобы кто-то не засунул руки в карманы, не нащупал бимбер и не захотел получить его на дурнячка. О, через пару секунд они будут бить двенадцать. Вслушайтесь в этот малиновый звон, а? Как на Спасской башне!

Теперь вы понимаете, господин Бухбимбер, почему я так дорожу моим старым бимбером из Одессы?

Бухбиндер: *(После рассказа)* За каламбур – благодарю! Я, действительно, большой любитель часов. Хочу еще раз услышать их звон. Пойдемте в примерную.

(Уходят)

Бывший председатель: *(чуть не спотыкается на лестничке, ведущей на сцену).*

С моим иншуренсом мне только не хватало поломать еще ногу.

Я работал тогда председателем ДОСААФ Приморского района. Небольшая шишка, но всё же начальник.

Как-то заскочил ко мне в кабинет запыхавшийся человек, оглянулся и выпалил:

- Вас посоветовал доктор Линецкий. Моя фамилия Шмойсер, Давид Яковлевич. Слушайте сюда: я плачу вам триста рублей за миноискатель на один день. Даже не надо на целый день. Триста рублей за несколько часов.

- Вы что, обнаружили мины? – подскочил я с места. – Надо срочно позвонить в военный округ и вызвать сапёров!

- Ша! Какой военный округ? – кричит он на меня. – Какие сапёры? Миноискатель нужен лично для меня.

Он был взволнован, но не сумасшедший.

- Хорошо. Зачем он вам? – спросил я.

- Для этого я плачу вам триста рублей, чтобы вы не спрашивали.

- Во-первых, я не собираюсь брать у вас триста рублей. Во-вторых, у нас нет миноискателей.

- Вы же ДОСААФ-шмосаф, у вас должен быть миноискатель!

- Я лучше знаю, что у нас есть.

- Я пропал, – воскликнул он, обливаясь потом, и бухнулся в кресло.

Единственное, что я мог ему подсказать, – пойти в артиллерийское училище и найти там завскладом майора Довганя, моего фронтового товарища. Может, он поможет чем-то.

Шмойсер просиял и выскочил, даже забыв сказать “спасибо”.

Через некоторое время звонит мне Володя Довгань. Начав с семиэтажного мата, рассказывает следующую историю: за три бутылки водки Шмойсер взял у него на полдня миноискатель. Уже через два часа за майором приехали из ОБХСС. Оказывается, Давид Яковлевич помчался на свою дачу, в переулочек Костанди, что на Двенадцатой станции Большого Фонтана, и начал миноискателем обшаривать сад.

Он быстро нашёл две железные банки, набитые золотыми десятками царской чеканки.

Когда Шмойсер заносил своё богатство в летнюю кухню, на пороге вырос полковник ОБХСС и предъявил ордер на обыск. Будучи человеком с чувством юмора, он прилюдно поблагодарил Давида Яковлевича за самостоятельно проделанную работу.

- До миноискателя, – признался он, – мы бы не додумались. Пришлось бы моим мальчикам самим перепахать весь сад.

Шмойсер получил “вышку”, которую ему заменили пятнадцатью годами.

(Из кулис появляется новый рассказчик.)

Иконник: Этот Шмойсер – а шмок, а гройсер. Деньги сделать сумел, а для кого? Для ОБХЭСЭсовцев. Раздал бы нуждающимся вдовам, вундеркиндам, не могущим поступить в Политех. Полковник его поблагодарил!

Я хотел уехать от них голым и босым, но не безголосым.

Всё было на мази: визы получены, билеты заказаны, чемоданы упакованы.

Оставалось ещё одно задуманное “дельце”.

Звоню брату в Киев и без вступления спрашиваю:

- Как провезти наши иконы?

- Ты что. Совсем спятил?! – и повесил трубку.

Через час звоню снова:

- Возьму для них подушки, и не буду больше ломать себе голову, – и сам повесил трубку.

На таможне вырвали из рук визы, долго сверяли фотографии с физиономиями: моей, жены, детей, бабушки, дедушки, и... с ножами – к подушкам. Распотрошили их в пух и прах.

- Где иконы? – спросил старший.

- Какие иконы?

- Пока не укажете, куда девали иконы, кровно принадлежащие государству, не уедете отсюда.

- А-а-а! – ряστηκε я. – Вы имеете в виду иконы, о которых я говорил брату по телефону? Пожалуйста, могу представить их, любите и жалуйте: Ревекка Шулимовна Шафир, в девичестве Розенталь, – моя любимая тёща, и Иона Мордехаевич Шафир – мой дорогой и уважаемый тесть. Посмотрите на них, разве это не вылитые иконы работы византийских мастеров или Андрея Рублёва?!

- Убирайтесь поскорее из страны.

- Что он сказал? Чтоб я снял штаны? – спросил мой глуховатый тесть.

- Нет, он желает нам счастливого пути. А мы на прощание скажем: “Гуд бай, СССР”!

Бухбиндер: Гуд бай, Советский Союз! А он не захотел гуд бай – такой бабай распался. А мы – в Америке. Послушаем бабайки о ней.

(На сцену выходит Маникюрша). Пожалуйста.

Маникюрша: Мы в Чикаго всего три недели, а наши спонсоры уже пригласили нас на барбекю! Моя подруга Стелла, тоже маникюрша, посоветовала по этому случаю принарядиться: всё-таки первый выход в свет... Я перерыла все одесские шмотки и не могла найти ничего подходящего, чтобы удивить американцев.

- Поедем в “Маршалл Филдс”, выберем что-то шикарное, поносишь день и сдашь обратно, – предложила Стелла.

- А разве так можно?

- Ой, эти американцы полные идиоты: примут назад и отдадут всё до единого цента. Половина русских здесь так одеваются. Главное – не потерять квитанцию.

Этот “Маршалл”, скажу вам, всем маршалам – маршал! Такого, такого я ещё в жизни не видала! Я растерялась, со мной чуть не случилась истерика, я была потрясена! Правда, цены тоже кусались, но это ведь не надолго – деньги возвратятся обратно.

Мы выбрали вечернее темное платье с высоким разрезом, усеянное золотыми блёстками, с белым гипюровым воротником. Алла Пугачёва позавидовала бы. Когда дома я стала перед зеркалом – я не узнала себя! Что делает одежда с человеком! А когда в ушах появились золотые обручи, кольцо с бриллиантом на шее, на восьми пальцах кольца-колечки, можно было отправиться в Венскую оперу.

Но нас повезли в саборб. Звучит громко, но на Двенадцатой станции в Одессе природа не хуже, и к тому же море внизу плещется.

А здесь такая жара, что я сразу дала “течь”. Но как были одеты они?!

Она – в задрипанной нейлоновой кофточке и оборванных джинсах, а он – с кривыми тонкими ножками – в зелёных шортах и жёлтой майке.

Я не знала, куда себя деть. Куда сесть, как сесть, что делать? Языка нет, а тот что есть, прилип к горлу.

Когда, наконец, подали пропахшую дымом котлету, я уже не хотела ни пить, ни есть, ни жить: я уронила эту жирную, вонючую, щедро политую томатным соусом гадость... на платье из “Маршалл Филдс” стоимостью в пятьсот шестьдесят восемь долларов.

С квитанцией теперь можно было пойти в... баню.

(Появляется Неудачник)

Неудачник: Тоже мне проблема, а я чуть не погиб – и ничего.

Наши эмигранты говорят, что я тронулся на почве иншуренса. Пускай говорят, а я своего дождусь...

Лето в том году было горячим. Мама целыми сутками сидела перед вентилятором, жена полдня спасалась от жары в колледже, сыну было всё нипочём, лишь бы телевизор смотреть, я же облюбовал в парке высокий холм с неподстриженной травой и ветвистым деревом на склоне.

Напротив холма тянулось зелёное поле для игры в гольф. Оно было огорожено сеткой, натянутой на алюминиевые трубы. “Английский” валялся в траве, а взор мой следил за белым шариком.

Вот она, аристократическая игра, знакомая по картинкам и кино! Прямо перед тобой, как на ладошке! Старые высокие джентельмены в разноцветных шортах, с сигарами в зубах, тащат за собой колясочки с битами, останавливаются, долго примеряются к удару и загоняют мячик в ямку.

Я знал уже многих в лицо, изучил маршруты дорожек, стал отмечать меткие попадания. Ароматный дым от сигар доносился с ветерком до холма.

Я завидовал беззаботности, уверенности, богатству этих стариков.

В тот раз я отложил, как обычно, учебник в сторону, глядел на поле, как вдруг тугой белый мячик, посланный со всего размаха, попал мне прямо в

висок и свалил на траву. Это было так неожиданно, что я не почувствовал боли. Только промелькнуло: “Такой удар убивает наповал”. Потрогал висок – крови не было. Я неуверенно встал на ноги и посмотрел на игроков. Они стояли, как вкопанные, и глядели в мою сторону.

Никто не сдвинулся с места. Они выжидали.

Висок набухал, и я помчался домой приложить холодную примочку. Пробегая мимо ограды, я успел заметить, как они молча провожали меня окаменелыми взглядами. Одним поворотом головы.

Боль я почувствовал позже.

Мама, меня мокрые тряпки, кричала:

- И ради этого надо было приезжать а Америку? Боже мой, что они с ним сделали! Ты же можешь потерять ум и останешься инвалидом на всю жизнь!

Жена, увидев меня опухшим и причитающую рядом маму, добавила:

- Нашёл где изучать английский! Ты там был неудачником, останешься им и здесь.

Сын звонил дружку по телефону:

- Серж, папу чуть не убили в гольф!

Иначе воспринял эту историю брат моей жены. Он жил здесь уже четвёртый год. Ещё в дверях он захрипел:

- Идиоты, вы можете стать миллионерами! Все эти старпёры – богачи, с ним можно будет выкачать бабки. Я отвезу тебя в госпиталь, лежишь там две-три недели, будешь жаловаться на головные боли, потерю памяти, тошноту, невозможность повернуть шею...

- Но ведь это совсем не так, – попытался вставить я.

- Йолд! Надо использовать момент. Пригласим лойера, и всё будет о'кей. Одевайся.

Я отвернулся к стенке и не хотел никого слушать.

Через пару дней опухоль сошла.

Через месяц ушла от меня жена с сыном, припомнив, что я поленился получить миллион.

Мама поселилась в дешёвый дом по восьмой программе.

А я каждый день хожу в парк на то самое место, становлюсь в полуоборот лицом к полю для игры в гольф – и жду.

Бухбиндер: Хорошо, что вы оставили пост и пришли на концерт. Спасибо. Кто следующий?

(Появляется Изменщик)

Изменщик: Вы вначале сказали, что, может, кто-то расскажет и об измене...

Бухбиндер: ... Родине? Пожалуйста!

Изменщик: В том и дело, что жене.

Бухбиндер: Хотите признаться?

Изменщик: Уже признавался.

Бухбиндер. И чем это кончилось?

Изменщик. Послушайте.

В Анн-Арбор мы приехали уже в возрасте.

Дочка с мужем устроились в университете, а с внучкой возились мы.

Все складывалось удачно. Городок тихий, культурный, но провинциальный.

Русских семей мало. Найти новых друзей не так уж легко.

Жена часто говорила:

- Вот если бы с нами была Галочка, моя верная подруга, родная душа, незаменимая советчица, - ничего больше не хотелось бы.

Я молчал при этом, но однажды сказал:

- А зря ты по ней так убиваешься.

- В каком смысле?

- В обыкновенном.

- Я не понимаю тебя. Выскажись яснее.

- Яснее? Когда ты по утрам, в воскресные дни, прогуливался с Лялочкой, твоя лучшая подруга прибежала к нам домой и с порога – ко мне в постель.

Жена остолбенела.:

- Ты не шутишь? Это правда?

- Что сейчас скрывать, когда мы уже дед да баба, - занесло меня дальше.

- Ты утверждаешь, что Галя спала с тобой?

- Да перестань, Римма. Было да сплыло.

Она ушла в себя и больше ни слова не проронила.

Пробовал сгладить сказанное, извинялся, но когда встречался с ее глазами, понимал - лучше переждать.

Римма постелила себе на тахте в гостиной, а я впервые за нашу долгую жизнь остался один в спальне.

Утро вечера мудренее – успокаивал я себя. Долго не мог заснуть. Понял, что совершил непростительную глупость, но ведь прошло столько лет.?

Утром, когда я выглянул в ливингрум, там никого не было.

Римма ушла. Ушла в ничто. в неизвестность. Я был в шоке. Слег в госпиталь. Обширный инфаркт. Три месяца меня откачивали.

Навещала дочь. Из ее рассказа я узнал, что мама уехала в другой штат, устроилась компаньонкой к богатой старушке, еврейке. Пригодились профессия врача и знание идиш. Звонила детям. Приезжала к ним. Но меня не простила. Не простила двойной измены – мужа и подруги.

Вывод? Не признавайтесь! Никогда! Ни при каких обстоятельствах! Даже если вас застали на месте преступления в супружеской неверности – утверждайте: этого не было, это показалось, это было во сне!

И все для того, чтобы не наносить раны близкому человеку. (Вытирает слезу.)

Бухбиндер. Такое признание требует мужества... Пойдемте, выпьете водички..

(Появляются Книжник)

Книжник: Мой рассказ тоже об измене - измене любимому хобби, или как мой приятель говорил хоботу.

Я знал его как страстного книжника, обладателя громадной библиотеки. Толковый инженер-конструктор, он отбывал свои положенные часы на службе, а остальное время отдавал книге.

Покидая Одессу, я оставил у него несколько редких старых книг в обмен на современные, разрешаемые к вывозу. Для меня это до сих пор – невосполнимая утрата.

Как-то проездом в Филадельфии, узнаю я, что знакомый мой живёт тут в шикарном пригороде, что он преуспевающий бизнесмен, богатый человек.

Я позвонил ему. Он примчался за мной на спортивной машине с закрытым верхом и минут через двадцать привёз в очаровательное поместье с озерцом в парке.

Начался показ дома, где я путал порч с бризвеем, патио с гриллом, жакузи с жалюзи. Я ждал кабинета-библиотеки, готовился там порыться всласть.

Его рабочая студия была заставлена техникой: мощный компьютер, телефоны без проводов, проигрыватель с лазерной иглой и... ни одной книги.

Я не выдержал и спросил:

- А где же твои книги?

- Книги? – переспросил он с улыбкой. – Пойдём в бейсмент!

Это был запанелированный четырёхугольник размером с футбольное поле. Его занимали большой бильярд, теннисный стол, велосипеды для упражнений и... опять ни одной книги.

Хозяин подвёл меня к камину, отодвинул резную решётку в сторону. Взял трезубец с медным набалдашником и ткнул в горстку пепла:

- Вот они, мои книги! На самый низ я положил «Цемент» Гладкова, на него «Бруски» Панфёрова, на них «Лес» Леонова, затем пошли «За спичками», потом «Костёр» в костёр, и «Как закалялась сталь», и «Железный поток», и «Поднятая целина», и десять томов Алексея Николаевича, и двадцать томов Льва Николаевича, и шесть Шолом Алейхема, и восемь Алейхема Шолохова, затем пошла поэзия, живопись, архитектура! О, как пылали «Кизи», как потрескивала «Белая берёза», какой дым шёл от «Чёрных досок»! Я никогда не испытывал большего наслаждения, чем в тот раз, когда сжигал литературу и искусство, сжигал мосты. И только когда я увидел груды пепла, я успокоился и ожил, как птица Феникс. Я стал заниматься де-е-е-елом!

Всё это он проговорил на одном дыхании. Я был оглушён каскадом слов, страстностью речи, безумием сказанного.

За столом я молчал, много пил. Хозяин сам нализался порядочно, и, когда жена и дочка-подросток разошлись по своим бедрумам, он поманил меня пальцем за собой в просторный туалет. Там он нажал какую-то кнопку,

и зеркальная стена, как в сказочном фильме, медленно поползла в сторону, открывая взору стеллажи, плотно набитые книгами.

«Всё же не совсем пал», – подумал я с радостью.

Моя рука тут же потянулась за «Спутниками Пушкина» и... наткнулась на доску.

Книги были нарисованы.

Бухбиндер: Неужели Америка меняет так людей?

Книжник: Я бы сказал, скорее, проявляет. Ставит на место.

(Появляется Писатель)

Писатель: Вы абсолютно правы. Я свидетель такого вот эпизода.

Я разговаривал с Нью-Йорком. Кто-то пробивался по второй линии.

- Дом книги? Это Дора Шкарпетник. Я к вам каждую неделю захожу за бесплатной газетой “Новый Свет и старая тьма”, помните?

- Да, я помню, но я на линии...

- А я в полиции, и только вы можете мне помочь. Я уже обзвонила всех: или никого нет дома, или заняты, или бросают трубку. Выслушайте и помогите!

- Что случилось?

- Вы знаете, я на велфере. Каждый месяц первого числа я получаю чек и фудстемпы. В этот месяц чек прибыл, а фудстемпы – нет. Я звоню в бухгалтерию, и а шварце (их сразу узнаёшь по голосу) заявляет: в компьютере написано, что выслали, подождите ещё день. Жду. Фудстемпов нет. Я сажусь на такси моего бойфренда, и мчмсь в пабликейд. Очередь-шмочередь к той же шварце. Я спрашиваю: “Где мои фудстемпы?” – а она кричит: “Не кричите здесь!”. Я поднимаю голос, я стучу кулаком по столу, я закатываю истерику, она куда-то звонит, и через секунду появляются двое полицейских и, никого не допрашивая, надевают на меня наручники.

Для этого мы сюда выезжали, чтобы делали такой произвол над людьми?

Теперь они требуют до суда внести залог в сто долларов, тогда меня выпустят сегодня из этого вонючего КПЗ.

- А зачем вы всё-таки шумели там? Могли подождать ещё пару дней.

- Как ждать? Они мне ломали всю поездку во Флориду...

Я переключился на Нью-Йорк.

Бухбиндер: Очень типично. Она еще, видно, пришла в собольей шубе, с золотым колье на шее и вся в кольцах. Следующий выступающий.

Издатель: Я – издатель. И мне попали в руки удивительные записи о жизни эмигрантов глазами... таракана, да, да таракана, но пишущего. А что тут удивительного? Сейчас все издают книги, пишут датские стихи – к датам. В руках у меня “Из записок таракана”.

...ровно месяц, как выехали индусы. Какое это было чудное время! Как мы сытно, спокойно, полюбовно жили! Я не зря рыдал, видя их сборы. Я предчувствовал, что так хорошо нам уже не будет никогда. Кто, кто ещё оставит мне на ужин тёплую лепёшку, или восточные сладости, или ароматные специи? О, эта семья из Бомбея была для нас всех настоящим кладом.

...Приходил араб с усиками, с сигаретой в зубах, с толстой женой и четырьмя дочерьми. Галдели, шумели и ушли ни с чем. Я был рад. Он не вызвал у меня никаких симпатий. Дымил мне прямо в лицо, когда я забрался под конфорку плиты. Мужлан.

Затем смотрела апартамент молодая пара. Он был похож на американского еврея, а она – с крестиком на шее и в интересном положении. Живот громадный, а родит всего одного. Странные существа эти люди. Парочке не понравилась ванная. Хорошо, что не понравилась. А то появился бы ребёнок и плакал бы по ночам.

...Сегодня суббота. Наш лендлорд не успевал открывать двери. Но контракт никто с ним не подписал, так что мы всё ещё «фор рент».

Припасы, что остались после индусов, кончаются. Если никто не снимет апартамент в ближайшие дни, все наши, особенно мама, хотят переселиться на этаж ниже. Я могу понять маму: она совсем недавно разрешилась выводком братьев и сестричек, а они все хотят есть, голод – не тётка.

...Сегодня ничего существенного не произошло, кроме как скончалась старенькая прабабушка со стороны отца. Её тут же сожрали. Днём приходила семья из России. Не знаю, в какой части света Россия, но дед, который совсем высох и, кажется, тронулся умом, сказал, что это далеко-далеко, и там холодно.

Муж – высокий, с залысинами на лбу и оттопыренными ушами – ходил за нашим корейцем по комнатам и всё повторял: «Ай андерстенд!» – притом с большим акцентом. Жена проверяла, горят ли все лампочки, идёт ли горячая вода из кранов, спускается ли вода в туалете. Толстяк-сын спрашивал только одно: где будет его спальня? Язык у них несложный, но хинди для моих ушей благозвучнее. Думаю, что русские поселятся у нас. Настроение у всех улучшилось.

...Русские уже здесь. Они привезли мебель, называя её «хельгой», и много запакованных ящиков. Я пошнырял незаметно между ними – ничего съедобного, пахнут луком и нафталином.

...Вечер того же дня. Наши уже заняли позиции у щелей и ждут, когда разложат продукты. Бабушка уговаривает всех не выходить раньше времени и не пугать русских количеством и жадностью. Никто её, конечно, не слушает.

...Вчера, в воскресенье, произошло столько новых событий, что не знаю, с чего начать. Самое главное: они любят поесть! К тому же часто, со вкусом и обильно. На завтрак они слопали кастрюлю картофельного пюре, целую селёдку, приправленную луком и уксусом, буханку круглого хлеба, две пачки сливочного масла и салат из огурцов и помидоров. На десерт нарезали

большой арбуз и съели его полностью, повторяя, что в июне там, где они жили раньше, арбузов ещё и в помине не было.

...Самое страшное: хозяйка оказалась аккуратисткой. После завтрака она начисто вымыла посуду, тщательно вытерла стол, остатки еды собрала в полиэтиленовый мешочек, выбросила в ведро и плотно накрыла крышкой, сказав при этом: «Если мы не будем следить, появятся тараканы, и мы никогда не избавимся от этой нечисти». Я весь побагровел от злости. Какая подлая, гнусная баба!

На обед у них был борщ со сметаной, с чесноком вприкуску, мясные котлеты величиной с блюдце, поджаренные на подсолнечном масле, от одного запаха которого мы все изошли слюной, а на десерт – яблочный пирог из слоёного теста. И снова хозяйка всё вылизала дочиста! Жадина, изверг, бездушное отродье!

Ужин состоял из творожных оладий, абрикосового джема и ароматнейшего какао. Мальчик болтал ногами под стулом и ронял крошки от еды под стол. Эта ведьма сразу заметила и снова напомнила о тараканах, подмела под столом и, конечно, не забыла на ночь обдать кипятком посуду и насухо вытереть её полотенцем. Мы ждали, когда они улягутся спать, Даже побегать по тарелкам – тоже удовольствие: ведь что-то могло и остаться на доньшке чашки или с обратной стороны тарелки. Или зацепиться между зубьями вилки – это наш праздник, это наш хлеб.

Наконец, настал этот момент. Мы лавиной бросились на умывальник, на плиту, во все углы кухни. Каждый что-то да находил, но разве это сравнишь с хлебосольством индусов! Возились до полуночи и разбрелись голодными.

Я уже засыпал в своей норе, когда яркий свет, а за ним визг хозяйки заставил меня высунуться и узнать, в чём дело. «Марик, Марик! – кричала она, - Я видала, как они убежали под умывальник! Ужас, ужас, я знала, что так будет. Я этого не вынесу. Тараканы у меня в квартире! Марик!» Вошёл сонный хозяин и стал успокаивать: «Пойдём спать, займёмся этим завтра». «Завтра?! Завтра будет поздно! – закричала она. - Доставай борную, сейчас же засыпем все входы и выходы!» Я, не дожидаясь начала объявленной войны, прошмыгнул незаметно под дверь, ведущую на террасу, и залез в старый ботинок. Ко мне доносился шум, стук, грохот, но я затаился, замер.

...Двеночи я никуда не выходил. На третью не выдержал: будь, что будет. Надо узнать, как наши, где они. То, что предстало моему взору, напоминало великий мор. Наш род был полностью уничтожен. Слезы душили меня. Я не знал, куда податься, что делать. Окрик хозяйки привёл меня в чувство. «Один ещё живой! Марик, вот он, вот он, у плиты!» Я не успел убежать. Меня накрыли банкой из-под майонеза.

Я думал тогда, что он тут же растопчет меня ногой, и готовился умереть. Одна мысль беспокоила меня: не дать пропасть моим записям. По ним кто-то всё же узнает, как мы жили, о чём мечтали, как боролись.

...Эта женщина придумала страшный спектакль. Она оставила меня в банке, плотно закрутив крышку, и поставила на видное место между плитой и шкафчиками: пусть, мол, видят, как поступают русские с тараканами.

...Пишу эти строчки из последних сил, лапки не удерживают огрызок карандаша, строчки расплываются, полное истощение организма... Пить, пить... я любил вас, та...»

На этом записки прерываются.

От издателя: в литературоведческих кругах записки вызвали большой интерес. Неоконченную фразу «Я любил вас, та...» многие трактуют по-разному. Одни считают, что автор имел в виду «Я любил вас, Татьяна» - по имени хозяйки дома. Теория явно мазохистская. Другие - «Я любил вас, товарищи, объясняя это «а» вместо «о», как описку от головокружения. Есть ещё мнение филолога из Канады, утверждающего, что фраза гласит: «Я люблю вас, Тарас», а профессор Иерусалимского университета не сомневается, что это могло быть только: «Я любил вас, Талмуда народ». И, наконец, два ведущих исследователя тамильского языка и один переводчик с бенгальского утверждают, что герой имел в виду Тагора, так как был равнодушен к индусам.

Бухбиндер: Ваш рассказ подтверждает каламбур: “Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью”.

Издатель: Вы абсолютны правы. Есть и другая шутка: “Чтоб сказку сделать пылью”.

Бухбиндер: Но есть ведь положительные факты из жизни эмигрантов?

Издатель: Безусловно, должны быть, но об этом пусть расскажут другие.

(Появляется лектор)

Лектор. Я с удовольствием расскажу. Самый доброжелательный зритель сидит почти всегда в первом ряду справа, на крайнем стуле. Я его сразу нахожу и через него общаюсь с залом.

На этот раз это почётное место занимала старушка лет восьмидесяти, с седой короткой стрижкой, в ярко-синем платье в белый горошек. Она первая узнавала всех на экране, восторженно реагировала на имена. Недовольные соседи шикали, просили не мешать лектору, но я взял её под свою защиту, сказав в микрофон, что меня это даже вдохновляет.

Когда лекция закончилась, она подошла ко мне, пожала руку, поблагодарила за доставленное удовольствие.

- Я ведь всех их видела: Маяковского, Качалова, Михоэлса... Я с двадцать третьего года жила в Москве.

- А как вам тут живётся?

- Как в санатории: всё приносят, привозят, отвозят. У меня отдельная квартира, телевизор, телефон, и даже свой грейпфрут есть.

- Вы имеете в виду фрукт или дерево? – спросил я с улыбкой.

- Какой фрукт, какое дерево? Мой грейпфрут – кошерный американец, всего на год моложе меня!

Тут вмешалась её подруга.

- Ася, сколько раз тебе напоминать: не грейпфрут, а бойфренд! Бойфренд!

(На сцену направляется Грузин)

Грузин: Извэните, пажалуйста, я не радился в Адессе, но начинка у меня наполовину одесская, мама – еврейка, а атец грузин, и я всю жизнь до эмиграции прожил в Тбилиси. Не могу устоять перед саблазном рассказать адну неабыкновенную историю.

Абычно всэ листовки с заманчивыми предложениями: “Дешево прадается, вигодный процент, лучшие кухонные кабинэты! “... – я вибрасываю в карзину для бумаг, нэ прачитывая.

Эта флаерс меня привлек крупно набранным шрифтом имени “Карнеги”.

Фамилия эта была мне знакома еще в Тбилиси. Его книгу “Как завоевывать друзей...” прочел как атличное пасобие перед приездом в Америку.

Абъявляли трехмесячные курсы для усовершенствования коммуни-кабельности, воспитания в сэбе оптимизма, умения выступать перед аудиторией па мэтодике Карнеги... Я показал листок маему менэджеру, и он согласились направить меня за счет фирмы, в нерабочее время.

Па адному из заданий – палучил приз.

Каждый должен был произнести тост по случаю выдачи замуж своей дочери или женитьбы сына.

Тут мне и карты в руки. Ва-первых, опыт признанного тамады, ва-вторых, это же не абстрактный тост, а тост для моей любимой, обожаемой, ненаглядной, долгожданной Анатэлочки.

Я начал так:

- Дарагое, глубокоуважаемое, високочтимое общество, собравшееся здесь на самое торжественное событие в жизни челавека: бракосочетание!

Мая дочь – нэвеста! Не могу поверить: моя дэвочка, которая с первого дня рождения стала для меня самым драгоценным, что есть в этом падлунном мире, дочка, звездочка моя – нэвеста! Нет, не укладывается это в моем сознании!

Так что же, вставая по утрам, я не увижу это небесной красоты личико, прижимающееся к моему плечу? Не пачувствую эти тоненькие ручки на маей шее? Нэужели на ее нэжном пальчике паявится кольцо? Нэужели ее заливающийся веселым колокольчиком смех не будет звучать ежедневно в нашем счастливом доме? Не могу представить! Мае сэрдце разрывается на части, моя душа грустит, мой ум заходит за разум. Я.., я... – я зарыдал в этом мэсте.

Рыдали всэ вакруг..

Руководительница сэминара сквозь слезы спросила меня:

- Сколько лет невесте?

Я долго не мог еще успокоиться, а когда выдал из себя:

- Ей... три годика... – заревел бэлугой и выскочил из зала.

Вслед я услышал... апладисменты.

*(Закончив, вынимает из внутреннего кармана пиджака бутылку
"Шампанского")*

Эта бутылка настоящего кавказского шампанского, доконфликтная!

Главный санитарный врач России запретил ввоз наших напитков в его страну:

Россия, о нищенка!
Лишил тебя вина, Онищенко.

Как говорит режиссер Гоги Данелия, "Тостуемый пьет до дна."

(Откупоривает бутылку. Пробка стрелнула вверх. Появляются все исполнители с бокалами в руках, Грузин разливает вино по бокалам):

"За Одессу! За одесситок! За одесситов! За Жванецкого! За зрителей! "

Звучат одесские куранты!

**НУЖНА ЛИ
ПРАВДА
ЧЕЛОВЕКУ?**

Трагикомический фарс в двух действиях

Действующие лица:

Директор “Академии изобретений “

Жена директора

Сын директора

Николя – подружка сына

Дочь директора от первой жены

Старший брат директора

Заместитель директора

Друг директора

Голос Премьер-министра

Секретарша

Изобретатель

Жена изобретателя

Их дети: Девочка 8 лет, Мальчик – 6 лет

Парень, развозчик мебели

Врач, санитары

Скульптор

Танцовщица

Сталин

Берия

Фотограф

Действие первое

Прозвучал третий звонок. Погас свет в зале. На занавес направлены прожекторы, он медленно раздвигается. За ним, на уровне второй кулисы, в то же время сдвигаются две половинки рисованной декорации. На одной - большого размера розетка, на другой - штепсель. Когда обе половинки соединились, раздается взрыв.

Перед зрителями предстает полуподвальное помещение, все в дыму. Это и жилье, и мастерская Изобретателя.

Вбегает из кухни Жена изобретателя с криком.

Жена изобретателя. Все, все! С меня хватит, хватит! Я забираю детей и уезжаю в деревню к маме.

Изобретатель. Подожди...

Жена изобретателя. Я жду уже семь лет. Мы живем в сыром подвале, горячей воды нет, девочка и мальчик болеют...

Изобретатель. Скоро все изменится.

Жена изобретателя. Что может измениться, когда все, что ты изобретаешь, никто не может оценить, даже твой академик? А ты у него был самым перспективным студентом! Твои идеи крадут и выдают за свои...

Изобретатель. То, что я придумал сейчас, может изменить мир: ни один преступник, ни один мошенник, шпион, убийца, растлитель детей, – не сумеют уйти от наказания! Коррупция, судебные ошибки, семейные измены – все будет немедленно раскрыто. Этот допотопный, старомодный детектор лжи выбросят на помойку. В век интернета, в век микротехники появились другие возможности, нужна была идея, и я ее осуществил. Вот оно – “Кресло правды”. Каждый, кто сядет в него, будет говорить только правду, правду и ничего, кроме правды! Полюбуйся!

Жена изобретателя. Я вижу его перед собой почти три года. Мы заложили в ломбард мое ожерелье и наши свадебные кольца, чтобы приобрести его на аукционе...

Изобретатель. Мы скоро выкупим их и больше не будем ни в чем нуждаться.

(Вбегают с плачем дети)

Мальчик. Мама, мама, она съела свою конфету, забрала мою и спрятала.

Девочка. Ничего я не спрятала.

Жена изобретателя. Скажи, где конфета?

Девочка. Не знаю.

Мальчик. Знает, знает.

Девочка. Жадюга и ябеда.

Мальчик. Она обзывается.

Жена изобретателя. Если ты не скажешь, где конфета, я не возьму тебя к бабушке.

Девочка. Возьмешь, возьмешь – никуда не денешься.

Жена изобретателя. Какая дрянючка!

Изобретатель. Подожди. *(берет девочку и усаживает в кресло).* Скажи, ты спрятала конфету?

Девочка. Конечно.

(Жена изобретателя изумлена).

Жена изобретателя Куда спрятала?

Девочка. В трусики.

Мальчик. Вот видите.

Жена изобретателя. Отдай конфету.

Девочка. Пожалуйста. *(Отдает конфету.)*

Жена изобретателя. А теперь скажи: почему ты так поступаешь? Это ведь твой родной братик.

Девочка. Понимаешь, мама, он слабенький, бесхарактерный, и ему нравится, когда у него сперва заберут, а потом пожалеют.

Жена изобретателя. *(не может сдержать улыбку. мужу)* Ты слышал?

Изобретатель. Я горжусь!

Девочка *(встает).* Все равно я заберу ее у него. *(Убегает)*

Мальчик. Не уходи, давай разделим пополам. *(Убегает за ней).*

Изобретатель. Теперь ты убедилась? “Кресло правды” сработало!

Стоит покинуть его и человек забывает о чем он говорил и снова врет, хитрит, изворачивается.

Жена изобретателя. Фантастика. Но я и лучше поняла психологию наших детей.

(Хочет сесть в кресло и... отходит. И все же усаживается.)

Изобретатель. Ты меня еще любишь?

Жена изобретателя. Очень люблю.

Изобретатель. И не уйдешь к маме?

Жена изобретателя. Дурачок мой! Куда я от тебя уйду? Кричу и шумлю – от усталости. Разве я не поверила в твой гений с первых дней нашего знакомства? Не поняла, что ты не от мира сего? Но я не знала, как тяжело шагать рядом с гением. Выдерживают не все. Я, кажется, выдержала. Я люблю тебя такого, как ты есть.

Изобретатель. И я тебя люблю.

(Долго целуются. Звонок в дверь. Выбегают из спальни дети.)

Дети. *(Увидев целующихся).* Ура-а! Папа с мамой целуются.

(Родители вскакивают.)

Жена изобретателя. А ну-ка, марш делать уроки!

Звонок повторяется.

Жена изобретателя. Кто это может быть?

Изобретатель. Это из “Перевозки мебели”, за креслом.

Жена изобретателя. Понятно. Пойду готовить обед.

(Входит посыльный – громадный развеселый парень.)

Парень. Вот это и есть “Академия античной мебели”?

Изобретатель. Да-да... это филиал.

Парень. Ладно. Что надо везти?

Изобретатель. Вот это кресло.

Парень. И все?

Изобретатель. Да.

Парень. А зачем заказали большую машину?

Изобретатель. Я деньги уплатил за нее.

Парень. Знаю. Куда везти?

Изобретатель. В “Академию Изобретений”. Вот здесь адрес.

Парень. Сплошные Академии.

Изобретатель. Это в центре столицы. Особняк. Второй этаж. Кабинет директора.

Парень. Другое дело.

Изобретатель. У директора сегодня юбилей: “семидесятилетие со дня рождения и 50 лет творческой и административной деятельности”, как объявлено официально. От нашей Академии мы поздравляем его – креслом времен Людовика XVI. Вы должны его поставить на самое видное место в его кабинете. И взять у секретарши, кстати, красотишки, расписку в получении.

Парень. Второй этаж. Придется перевернуть его вверх ножками и надеть на голову.

Изобретатель. Ни в коем случае!

Парень. Чего вы испугались?

Изобретатель. Именно в сиденье находятся...

Парень. Пружины. Так что с ними станется?

Изобретатель. Хорошо, но я прошу вас нести кресло впереди себя, пожалуйста. Я вам подарю... наручные часы, которые я сам сконструировал. Они у вас никогда не остановятся,

(Снимает с руки часы и протягивает парню. Тот пытается закрепить их на запястье правой руки.)

Изобретатель. Давайте я вам помогу. Присядьте на кресло.

(Парень садится)

Изобретатель. Ну, как?

Парень. Прекрасно ходят. Я вначале думал, что вы чудака, нищий, и чаевых не будет. Теперь я вижу, что вы человек добрый, интеллигентный и талантливый. Я сам пишу стихи, хотел бы заниматься литературой, а приходится... Не беспокойтесь, я все выполню, как вы хотите.

Изобретатель. Поспешите, пока там никого еще нет, кроме секретарши.

(Парень легко поднимает впереди себя кресло. Изобретатель открывает ему двери.)

Стихи пишите, не бросайте. Желаю удачи.

Парень. Спасибо. До свидания.

Изобретатель. До свидания. *(Подпрыгивает).* И здесь сработало!

(Подошел к фотографиям на стенке.) Как жаль, что вы не дожили до этого дня. А ты, папа, как гордился бы мной, часовых дел мастер, гордость всего города. Спасибо вам. Я никогда не забываю вас. Первый тост – всегда за папу и маму. *(Неожиданно)* Я чертовски голоден! Буду слушать на кухне, как проходит юбилей. Держись, директор “Института безобразий и теней”! Простите, “изобретений”!

(Уходит.)

Рисованный занавес раскрывается, и мы видим за ним кабинет Директора. На столе – ваза с цветами. В центре задней стенки – портрет маслом. На подставке в углу – скульптурная голова. Телефон на столике. Готовятся к встрече юбиляра. Крутят по радио марш.

Долго звонит телефон перед началом действия.

Секретарша *(продолжая наводить макияж на лице, поднимает трубку).* Слушаю. Звонки, звонки, звонки! Я не успеваю отвечать и переводить линии. Босса еще нет, вот-вот должен появиться. Я обязательно доложу, что вы звонили. *(Высовывает язык).* Конечно, конечно. “Вы заканчиваете прическу в салоне”, – скажу, скажу. *(Кладет трубку. Снова звонок.)* Да, академик скоро будет. *(Новый звонок)* Алло! Здравствуйте, профессор. С минуты на минуту будет. Передам.

(Входит Парень с креслом в руках.)

Парень. Добрый день! *(Ставит кресло на пол).*

Секретарша. Что это?

Парень. Кресло от “Академии антикварной мебели” - вашему директору к юбилею.

Секретарша. О! Какое роскошное!

Парень. 17-й век! Как вы считаете, куда его надо поставить? Оно довольно тяжелое, и вам, такой очаровательной девушке, не надо напрягать руки.

Секретарша *(оглядывая кабинет).* Пожалуй, сюда. Нет-нет – сюда. *(Парень на вытянутых руках, держит кресло, как перышко).* И все-таки – сюда. На самое видное место.

(Парень опускает кресло на указанное место.)

Секретарша. Прекрасно. Босс будет рад. *(Усаживается удобно в кресле).*

Парень *(пожирая ее глазами).* Пожалуйста, распишитесь. *(Подает бумагу и ручку).*

Секретарша *(Как бы впервые видит его)* О! Какой вы красавец! Глаза блестят, бицепсы играют. Побывать в ваших ручищах – о, о! Вы удивлены? Вам никто еще это не говорил?

Парень. Именно так – никто.

Секретарша. Кстати, мне скоро, возможно, надо будет перевозить мебель, вы не могли бы ...

Парень. О чем речь! Я с радостью помогу вам. Вот моя карточка.

Секретарша. Благодарю *(встает).*

Парень. Можно вам прочесть экспромт?

Секретарша. Можно.

Парень. В честь прелестной секретарши
Должны звучать повсюду марши.
(В этот миг и зазвучал марш!)

Как в сказке! “По щучьему велению, по моему хотению!”

Секретарша. Это встречают сослуживцы босса на первом этаже.

Парень. Удаляюсь и жду вашего звонка.

(Телефон)

Секретарша. До свидания. *(машет ему рукой)* Алло, я слушаю. Он уже в институте. Приходите.

(Продолжает звучать марш.)

Появляются два дежурных с вазонами в руках. Расставляют их по углам кабинета. Секретарша достает из сумочки свой подарок шефу. Директор появляется из-за кулисы. Она идет ему навстречу.

Секретарша. С юбилеем, и примите мой скромный подарок – ручку с золотым пером.

Директор. Главное, моя милая, не дойти до ручки! До ручек – можно.
(Целует ей ручки. Идет к столу.)

Какое кресло! Кто преподнес?

Секретарша. “Академия античной мебели”.

Директор. Щедрый подарок. 19-й, а может и 18-й век.

Секретарша. Сказали... конец 17-го.

Директор. Может быть. *(Садится)* Люблю с детства получать подарки. Дарить самому тоже приятно, но я всегда в раздумьях и в конце концов редко дарю что-то ценное.

Секретарша. Я не могу с этим согласиться. А квартира, что вы мне подарили неделю тому?

Директор. Во-первых, использовал служебное положение, не из своего кармана платил. Во-вторых, с дальним прицелом – иметь возможность провести у тебя приятный вечер. Ты ведь не против?

Секретарша. Я не подозревала о таких далеких планах.

Директор. Милая, это же ясно было с самого начала, как ты пришла наниматься на работу и я тебя увидел. Ты свободна, детей нет, тебе платят хорошую зарплату – будем радоваться жизни! *(Поднимается)*

Секретарша. Вы никогда со мной так откровенно не разговаривали.

Директор. А я разве что-то сказал предосудительное?

Секретарша. Нет-нет.

Директор. Кто звонил?

Секретарша. Супруга. Она заканчивает делать прическу и скоро будет. Звонил брат, профессор из лаборатории, наш министр...

Директор. Это хорошо.

Вбегают жена директора. Прическа возвышается на полметра (чем причудливее, тем лучше). Бросается к мужу.

Жена Директора. Дорогой! Во всех газетах поздравления, портреты, статьи и Указ президента о присвоении Героя! Наконец-то дождались. Поздравляю, восхищаюсь, горжусь! Боюсь запачкать помадой... целую, целую, целую! Мой подарок – чуть позже, притом живьем!

Директор. Спасибо, дорогая. Ты еще не заметила этот презент?

Жена. Какой антик! Это же чудо. Сидеть на нем можно?

Директор. Верным и близким – в первую очередь!

Жена. *(Усаживаясь).* Ты, конечно, пошутил, но верность в наше время – абсолютная редкость. Вот я, например, уже семь лет встречаюсь с тенором из Оперного и чувствую себя счастливой.

Директор. Ты шутишь?

Жена. Это правда. И какой счастливой! Ты должен помнить, что я моложе

тебя ровно на тридцать лет, точнее, не забывать, что ты старше меня на тридцать лет. Когда я была студенткой и мне было 19, а ты был нашим преподавателем и тебе было 49, не скрою – было лестно, что ты заглядывался на меня. И тогда разница в годах не имела значения. Я забеременела. Твоя жена ушла от тебя. Я заняла ее место. И ты помолодел. Твоя карьера пошла вверх, ты стал директором института, дошел до академика и... старел, а я еще и сегодня молодая женщина. Вчера, на тусовке после премьеры балета, ко мне подседа балеринка, явная лесбиянка, и ты не поверишь, предложила с ней встречаться. Я подумала, что, может быть, стоит и это познать. *(Закуривает)* Кстати, ты не замечал за нашим мальчиком, что он тянется к голубым? Надо его поскорее познакомить с хорошей девочкой, например, с дочерью дирижера. Она прелесть. Скромная, не красится, не курит.

Директор. Ты понимаешь, о чем ты говоришь? Признаешься во всех грехах при постороннем человеке...

Секретарша. Почему я посторонняя?

Директор. Выйдите отсюда!

Секретарша. Какой позор! *(Уходит.)*

Жена *(встает)* Почему ты ее выгнал, и так грубо? Что с тобой?

Директор. Что со мной? Со мной все в порядке. А вот что с тобой? Ты только что, сидя в этом кресле, рассказала во всеуслышание, что ты уже семь лет изменяешь мне с каким-то тренером или опером, я от возмущения не разобрал, и делаешь теперь вид, что ничего не произошло?

Жена. Милый, родной, у тебя явная галлюцинация. Подумай, как я могла такое на себя наговорить? У нас сын, мы живем вместе уже двадцать лет, у нас дом, машины, общий счет в банке, как же я могла такое сказать? Тебе плохо. Присядь в кресло. *(Усаживает его)*. Воды, скорее воды! Успокойся, родной, тебе что-то почудилось. *(Секретарша приносит графин с водой)*. Выпей, пожалуйста. *(Внимает платочек и прикладывает на лоб холодный компресс)*. Ну как, лучше? Я должна уже быть в ресторане и посмотреть, как идет подготовка к вечернему приему. Фрак привезут к пяти часам. Я к этому времени буду, а может, еще загляну сюда. Из ресторана еду в аэропорт встречать нашего мальчика. Все будет хорошо. *(Секретарше)* Поухаживайте за ним. И постарайтесь, чтобы его поменьше беспокоили. Пока, дорогой. *(Уходит)*

Директор. Я вспомнил: тенор из Оперного. Я видел и слушал его в “Онегине”. Жена потащила. Красивый молодой человек. Но голос слащавый. Я не большой знаток, может, это и хорошо для роли Ленского.

Секретарша. Вам еще водички?

Директор. Спасибо. Тебе не показалось, что она была очень спокойна и искренна?

Секретарша. Чересчур!

Директор. Я готов был ей надавать пощечин, но вот теперь я понимаю, это было бы несправедливо. Ведь все, что она сказала – настоящая...*(встает)*

Секретарша. Вы хотели сказать – “правда”.

Директор... белиберда! И вы ничего не слышали!

(Влетает сын директора. За ним вразвалочку идет высокая африканка)

Сын. Я прямо из Парижа, чтобы поздравить тебя! Ты мне всегда повторял: “Пашенька – будь пайнкой!” Теперь я тебе скажу: “Папенька – будь пайнкой!” Я люблю тебя. Ты мне всегда нужен.

(Целует его).

Директор. Спасибо, мальчик! А где мама? Она поехала тебя встречать.

Сын. Мы пересели на другой рейс, на час раньше. С маман разминулись. Знакомься. Моя подружка Николя.

Директор. Очень рад.

Сын. Папа, меня внизу ждет шофер такси, а я весь издержался...

Директор. А рассчитать наперед ресурсы?

Сын. Не получается. *(Отец нехотя дает ему деньги)*

Директор. Присаживайтесь, мисс.

(Николя садится в кресло)

Директор. Вы занимаетесь в колледже. Что вы изучаете?

Николя. Я не занимаюсь в колледже. Для меня это было бы очень дорого.

Директор. А где вы познакомились с моим сыном?

Николя. В борделе.

Директор. Я не ослышался?

Николя. Нет. Я там работаю. Ваш сын туда часто заходил и обещал меня оттуда забрать. Он меня очень любит. И он мне нравится. Он говорил, что вы богаты, он у вас один, и для его счастья вы сделаете все, что нужно.

Директор. Конечно, конечно. А университет он собирается закончить?

Николя. Он уже не занимается там. Он водит такси.

Директор. О, это престижно!

Николя. Любая работа хороша.

Директор. И где вы собираетесь жить?

Сын. *(Он уже вошел).* Обжекшн – протестую! *(Подходит к Николя).* Ты уже успела наболтать что-то?

Николя. Ничего я не наболтала. Мы вели ...

Директор. Светский разговор.

Сын *(Садясь в кресло).* Давай продолжим его. Папочка, ты со мной никогда не разговаривал на тему любви, секса. Мама оберегала меня от всего этого, и, когда я подросток и почувствовал большой интерес к девочкам, оказалось, что я не был подготовлен, комплексовал, был инфантильным. И вот – Париж! В университете полно голубых, с девушками трудно сойтись, и, попав на улицу Красных фонарей, я заглянул в бордель. И попал на Николю. Как я ей благодарен! Но мне не хватало денег, что вы мне выделяли в месяц. Пришлось подрабатывать судомойщиком, выгуливать собак и, наконец, такси. Университет пришлось бросить. И только с Николю я был счастлив. Мы подумали: зачем тратить деньги, часть которых уходит к бандерше? И решили приехать в столицу, осмотреться и открыть свое веселое заведение. наших длинноногих девочек, желающих заниматься таким бизнесом, найдется уйма, Николю их подучит, и слава об “Африканской мадонне” –

такое лого будет иметь “Дом терпимости” – пойдет по всей столице. Мы будем с вами, и все будут счастливы!

Директор. Этим счастьем надо немедленно поделиться с мамой!

Звонок телефона

Секретарша. Да. *(Директору)* Вас.

Директор. Они уже здесь. Почти с женой. Красавица. Приезжай и отвези их на дачу. Потом поговорим. Сынок, Николая, спуститесь к подъезду. Мама уже выехала.

Сын. Так ты нас прогоняешь? *(Встает)*

Директор. Почему? Я вас отправляю отдохнуть, и пожалуйста, не подожгите дачу.

Уходят.

Директор. Пока только ты меня еще не огорчила.

Секретарша. Чем больше я узнаю, что здесь происходит, тем больше я проникаюсь к вам сочувствием.

Под звуки тамбурина вбегают танцовщица в легкой накидке. Сбрасывает ее с себя и остается в еле прикрывающих интимные места лентах.

Танцовщица. Подарок к юбилею от вашей любимой жены.

(Начинается танец живота, с явно эротическими намеками).

Директор *(падая в кресло)*. Конечно, это пошлость. Но тело прекрасное, движения возбуждающие. А подобает ли мне, академику, играть в эту игру?

(Танцовщица старается вовсю)

Танцовщица. Подобает, и еще как подобает! А ну-ка, снимите пиджак, встряхнитесь! *(вовлекает его в центр кабинета)*. Оп-ля!

(Кружатся в бешеном ритме. Директор, уставший, еле добирается до своего стола. Танцовщица поднимает пиджак с пола, незаметно вынимает оттуда деньги, засовывает их за ленты, а затем одевает пиджак на плечи директора).

Спасибо! *(Исчезает)*.

Директор. Давно меня так не встряхивали.

Входит зам.директора.

Замдир. Какая женщина выпорхнула отсюда! Мне б такую!

Директор. К твоему пятидесятилетию – жена устроит.

(Зам.дир ставит на стол завернутую коробку и, раскрыв объятия, идет навстречу директору). **Замдир.** Дорогой шеф! Вот уже двенадцать лет я работаю рядом

с вами, выдающимся ученым, академиком, руководителем института, общественным деятелем, а теперь и Героем Труда, и я желаю вам крепчайшего здоровья, творческого долголетия, больших успехов во славу нашей Родины!

(Секретарша приносит поднос с рюмками и бутылкой коньяка. Замдир. наливает две рюмки)

За вас! *(чокаются и выпивают)*.

Директор. Что из изобретений в этом месяце было продано?

Замдир. Вот полный отчет *(перегинаясь через стол, за который сел директор, вручает бумагу)*. И сумма довольно внушительная. Особо удачно мы всучили шведам два миллиона термосов, разрисованных под русскую матрешку.

Большая партия – 500 тысяч отбойных молотков в виде “автомата Калашникова” – ушла в Индию. Пакистан стоит на очереди. Продолжаем выпускать “Царь-пушку” с ядрами для игры в боулинг – американцы в восторге. *(вытирает платочком лоб. Оглянулся и сел в кресло.)*

Директор. Я не вижу “Робота”, заменяющего постовых.

Замдир. Премьер почему-то приостановил выпуск. Должно быть, личная заинтересованность.

Директор. Почему я не был информирован?

Замдир. Дорогой мой! Уже несколько лет, как ты не знаешь больше половины дел, что творятся в институте. Под его крышей есть подпольный цех, контролируемый мафией. Они выпускают малахитовые и рубиновые шкатулки. Я жду – не дождусь, когда ты уйдешь на пенсию. И не я один. Лучше всего – после юбилея подать в отставку и дать дорогу молодым. Ты задержался малость.

Директор *(медленно вставая, зеленея).* Вон отсюда! Чтоб твоей ноги здесь больше не было! Я покажу вам – в отставку!

Замдир. Господи, что я слышу. За что? Помилуйте, в чем я провинился? Кто меня оговорил? Конечно, Рабинович!

Директор. Вон, подлец, змея подколодная, вон, раздавлю!

(Замдир уходит, согнувшись, спиной назад, к кулисе. Директор, застыв, стоит посередине кабинета).

Секретарша *(тихо подходит к нему).* Вам нехорошо?

Директор. А кому было бы хорошо в день юбилея выслушать такое? Это какая-то мистика, чертовщина, цыганщина! Я устал! *(Садится в кресло)* Послушай, а может, послать всех подальше, отменить прием и уединиться в твоей спальне?

Секретарша. Она совершенно пустая. Там нет еще мебели.

Директор. Милая девочка! Я в своей жизни видел столько мебели...

(Звонок телефона)

Секретарша. Да. Передаю трубку Академику *(прикрывая ладонью трубку)* Премьер-министр.

Премьер-Министр *(можно высветить лучом его лицо или слышать его голос в стикерах).* Дорогой свежеепеченный Герой Труда, поздравляю, жму руку и желаю больше всего здоровья – все остальное мы сумеем добыть. Жаль, не буду сегодня у вас вечером – звоню из Салонников.

Директор *(вскакивая).* Очень тронут Вашим звонком! Благодарю!

Премьер. Есть просьба. Для подарков разным высоким особам нужны некоторые экземпляры вашей продукции. К вам приедет наш хозяйственник и выберет. Не жмись.

Директор. Никаких проблем.

Премьер. И на посошок. Я как-то видел твою секретаршу. Такая дива должна быть в Совете Министров. *(Директор падает в кресло).* Мы поменяемся. Наша тоже хороша. Я буду здесь еще неделю, и было бы вообще прекрасно, если бы ты отправил ее в командировку ко мне. Работы много. И отдохнуть надо.

Визу, билет – подготовят ей наши. Надеюсь, ты не против? *(Пауза)* Не слышу радостного согласия услужить Премьер-Министру.

Директор. Я не только против, я возмущен этой наглостью!

Премьер. Что-о-о?

Директор. То, что ты слышал?

Премьер. Что с тобой? Ты не понимаешь с кем ты разговариваешь?

Директор. С хамом, необразованным человеком. Диплом о высшем образовании ты подделал. Диссертацию вместо тебя написали, защиту докторской – разыграли. В коррупции ты замешан по горло.

Премьер. С креслом можешь распрощаться!

Директор. *(Вскакивает).* Вы сказали “с креслом”? *(смотрит на кресло с которого встал)* С каким креслом?

Премьер. С директорским, идиот! *(Гудки)*

Директор. Алло! Алло! Что же это такое? Я не ослышался? Он назвал меня ... не может быть! И кричал насчет кресла ... я вначале подумал, что, кроме секретарши, он хочет забрать еще и это кресло и, кажется, был недоволен, а он... о директорском? У меня все перемешалось в голове. Я смутно помню, что я говорил, и помню хорошо, что говорили мне.

Секретарша: Вы смело и честно отвечали. Спасибо! *(Целует его. Тот положил свою голову ей на плечо)*

Директор. Вот так бы замереть, не двигаться, молчать.

(Появляется старший брат – старик, опирающийся на палку. Увидев обнявшихся, вынул из кармана очки, водрузил их на нос и, вытянув шею, смотрит на застывшую пару. Кашлянул, а затем постучал палкой о пол).

Брат. Не обессудьте, что беспокою!

Директор *(обернувшись, представляя его)* Мой старший брат – моя секретарша.

Брат. Я подслеповат и думал, что это твоя жена сначала, а теперь вижу редкую красавицу – рад знакомству. Извините, ноги устали. Усади меня куда-то.

Директор. Давай сюда – удобное кресло.

Секретарша. Как хорошо, что именно вы пришли сейчас и скажете теплые, добрые слова младшему брату.

Брат. А разве ему сегодня не наговорили короб комплиментов, не славословили, не возвышали до небес? Не клялись в любви, в дружбе, в верности?

Секретарша. Но это по службе, а вы по родству.

Брат *(сидясь).* Родство! Какя был счастлив, десятилетний мальчик, что наконец у меня появился братик! Как я его любил, охранял, защищал! Гордился его успехами! Я сам был не бездарен, добился своим горбом признания в инженерном деле, но, должен признаться, в какой-то момент почувствовал ...зависть. Да, да – зависть, даже ревность. О, какие это страшные болезни. Я перестал быть самим собой – я стал братом Академика, директора, известного на всю страну человека. Услышав мою фамилию, сразу же спрашивали: “А вы не родственник Академика?” Я заболел. Вы не поверите – я стал его

ненавидеть. “Брат мой – враг мой”. Я старался не бывать у него дома, не ходить на приемы, да ты и не очень приглашал, должно быть, чувствовал и сам охлаждение. Вы не поверите, каюсь, я стал писать на него кляузы, а когда он связался с молоденькой студенткой, моложе его в два с половиной раза, при живой-то жене и девочке, я отправил анонимку в партком института – вот до чего можно дойти! Почему именно сегодня, в день твоего рождения, я решил прийти исповедаться? Когда переваливает за восемьдесят, как бы ты не хотел, но о смерти подумываешь и понимаешь, что это может настать неожиданно, вдруг, сейчас или завтра. А уйти хочется чистым. Поэтому я здесь. Я думал, что не сумею об этом внятно сказать, но, сидя в таком уютном кресле, видя такие доброжелательные лица “я сказал и тем облегчил душу” – дикси ет анимам тевави, как гласит латинское изречение. *(Встает)*

Директор. Спасибо, брат. Я не ожидал такого исхода. *(Обнимаются)*
Пожалуйста, организуй машину.

Секретарша. С радостью. *(Берет старшего брата под руку и уводит в кулису).
(Директор смотрит вслед, вытирая слезу. Телефон. Берет трубку)*

Голос Жены. Ты знаешь, я не расистка. Я любила смотреть “Цирк”, “Максимку”, слушать Поля Робсона. А эта африканка – из борделя!

Директор. Но из парижского !

Жена. Шутка неуместна. Здесь затронута наша честь и честь нашего сына, а он, дурачок, ее любит.

Директор. С таким опытом, как она имеет – полюбишь.

Жена. Как ее отправить обратно?

Директор *(Садясь в кресло).* Если честно, она ни в чем не виновата. Это все результат твоего воспитания. Ты настаивала на Сорбонне – престижно, модно, дети всех министров, бизнесменов, режиссеров занимаются за границей. Ухлопали столько денег – на права таксиста.

Жена. Ты хочешь сказать, что я одна виновата?

Директор. Идея была твоя, а я виноват в том, что согласился на это. Спорить было бесполезно. Где они сейчас?

Жена. Я их оставила в Кремле на экскурсии. Вечером они пойдут в Большой.

Директор. На “Онегина”?

Жена. Откуда ты знаешь?

Директор. И он там поет?

Жена. Кто?

Директор. Твой любовник.

Жена. На тебя снова нашло?

Директор. Скорее, все прошло. А Николая долго не выдержит наш бардак, и ее потянет назад, в их бордель, на улицу Красных фонарей. *(кладет трубку).*

*(По веревке спускается с колосников человек в больничной пижаме.
Повисает. Раскачивается и прыгает на пол возле секретарши)*

Секретарша *(в крик).* А-а-а! Что это, кто это?

Директор. Не бойся, это мой самый близкий друг. Ты сбежал из больницы?

Друг (*прикладывая палец к губам*). Ша, тихо! Они гонятся за мной.

Директор. Кто?

Друг. Врач с санитарями.

Директор. Как ты сумел добраться сюда? Полиция, прохожие не тронули тебя?

Друг. Я сам тронутый. Ты меня не выдашь, как один раз уже сделал?

Директор. Ты неправ. Успокойся. Присядь в кресло, отдохни.

Друг. Меня ты больше не проведешь. Сяду в кресло, а там вместо пружин выскочат наручники, и я в капкане! Ха-ха-ха! Ты сам сядь, сам, а я тебя буду допрашивать.

Директор (*сидясь*). Ты даже не представляешь, как я рад, что вижу тебя.

Друг. Рад, рад, а сам думаешь, как позвонить в больницу.

Директор. В действительности я думаю, как тебе помочь. Может, переодеть тебя в костюм, забрать к нам домой. Семейная обстановка, добрые чувства – это то, что больше всего тебе нужно.

Друг. Такая у тебя счастливая семейка, что ей не хватает только меня? Подумай, а то я соглашусь?

Директор. Ты остался непримиримым, ершистым, как и раньше.

Друг. Ладно, ладно. Сегодня утром, когда в сумашедший дом принесли свежие ... угадай что?

Директор. Овощи, фрукты.

Друг. Ха-ха-ха! Если бы! Свежие газеты! И в каждой – твой портрет. Вот тогда и возникла мысль: навестить тебя, поздравить моего друга, который меня... обокрал!

Директор. О чем ты говоришь?

Друг. Как только на меня смирительную рубашку надели, ты мои проекты себе присвоил: и перпетум мобиле, и машину времени, и клубнекорнерезку...

(Появляются врач и санитары)

Врач. Вот он, голубчик! Извините, Академик, он все время утверждает, что вы были близкими друзьями.

Директор. Это действительно так.

Врач. Нам придется его забрать.

Друг. Нет! Нет! Я не хочу в этот вертеп возвращаться. Спаси меня!

Директор встает, обнимает друга, гладит по спине, прижимает голову к себе, тот рыдает: "Нет, нет!...Нет!"

Постепенно обмяк, санитары подходят сзади, связывают ему руки, и уводят его.

Директор еще долго стоит, опустив голову. Слезы катятся по щеке.

Секретарша (*усаживая его в кресло*). Я принесу вам воды.

Директор. В страшном сне я бы не мог представить себе, что увижу такое в моем кабинете, в день рождения.

Секретарша (*наливая из бутылки в стакан воду*). Пожалуйста.

Директор. Спасибо. Мы жили почти четыре года в общежитии, в одной комнате. Нас было шестеро юношей. Его я выделил сразу. Мы подружились и стали неразлучны. Я даже ездил на зимние каникулы к нему в сибирскую деревню. Изобретатель он был от бога. Конечно, перпетум мобиле и машину времени не придумал, но в бытовой и сельскохозяйственной технике кое-что нового сделал и мог бы еще сделать, если бы не заболел. Корнеклубнерезку – одно название чего стоит! – мы соорудили вместе. Запатентовали. Получили оплату. Купили по костюму и рубашки с галстуками. И вдруг я стал замечать, что он часто оглядывался, как будто за ним кто-то ходит. Говорил мне: “Не смотри назад. Он идет за нами”. “Кто?”, – спрашивал я его. “Мой враг.” Мания преследования. Он боялся заснуть. Мог всю ночь просидеть на подоконнике. Я позвонил его сестре. Она сообщила ужасную для меня новость: это наследственность. Его дядя, мамин брат – шизофреник, у их брата была мания преследования. Бросился с силосной башни и разбился насмерть. Я не разлучался с ним. Сокурсники его не понимали, подшучивали, подогревали его страхи. В тот вечер я возвращался со свидания. Было около полуночи, перед закрытием дверей в общежитии. Там стояла карета скорой помощи с красным крестом. Я сразу догадался, в чем дело. Помчался на второй этаж. Санитары его уже повязали. Он был очень силен и еще вырывался. Я подбежал к нему. Обхватил голову и зарыдал. “Чего ты плачешь? Выдал меня им и стыдно стало?”. Я сел с ним в машину. Он вдруг обмяк, прижался ко мне. И так мы сидели, пока не приехали в психиатрическую больницу. Его стали уводить. Он оглянулся, и я увидел, как слезы стекали под стекла очков и двумя струйками разливались по щекам. Он их не вытирал. Вначале я его часто посещал с моей будущей женой, а когда мы поженились, она по воскресеньям приносила ему вкусную домашнюю еду. Она стала его добрым гением. Имея уже положение и власть, я все реже вспоминал о нем. И тут я чувствую себя перед ним....

Секретарша. Возобновите встречи с ним.

Директор. Надо, конечно, надо.

Входит толстый грузин, неся перед собой ящик – это известный скульптор. Он уже здорово набрался. Ставит ящик к ногам Директора.

Скульптор. (С явным акцентом). Дарагой! Это – ящик “Цинандали”, чтоб абмыть тваю звездочку. Мне его бесплатно дали. Ну, не савсем, я снял пасмертную маску мужа одной женщине.

Директор. И ты думаешь один это все выпить?

Скульптор. Пачему адин? С тобой, с тваими друзьями.

Директор. С каждым часом их становиться все меньше и меньше.

Скульптор. (Вынимает из ящика две бутылки. Откручивает им “головки”). Выпьем, чтоб с каждым часом их становилось больше! (чокается и вынимает вторую.)

Директор. Прошу тебя! Пожалуйста...

Скульптор (идет к скульптурной голове, гладит ее). Твой оригинал не хочет со мной выпить, а ведь я тебя вылепил – за великое искусство скульптуры!

(Выливает в горло вино до последней капли. Идет и ставит бутылку на место, и берет третью. Садится в кресло)

Понимаешь. академик, пачему я могу себе пазволить, говорить, что я хочу? Патаму, что я пропащий человек, я – пьяница. Но когда я начинаю лепить – я становлюсь трезвым. Получишь вторую звездочку, я сделаю тебе пагрудный портрет, и его установят во дворе дома, где ты родился. А если ты умрешь раньше, мы все смертны, я сооружу памятник тебе на Ваганьковском, у меня там уже выставку можно организовать. Кстати, о выставке. Мой товарищ, отличный художник, мы с ним выпили не один ящик вина, так вот, он целый год готовился к выставке, написал божественную картину – горы вдали, река вьется в долине, под развесистым деревом сидит мадонна и кормит грудью ребенка. Картину забраковали. “Пачему?” Сказали: “Ребенок слишлом большой... лет двадцать пять”. За женщин! *(Выпивает третью бутылку)*. Еще раз поздравляю тебя.

Директор. Спасибо. Извини, что я не поддержал.

Скульптор. Тогда я остаток заберу с собой. *(подхватывает ящик и, стараясь не шататься, идет в кулису)*.

Директор. Генацвале, пора бросить.

Скульптор *(спотыкается, и ящик вываливается из рук)* Вот и бросил!
(Махнул рукой и вышел)

Директор *(вслед скульптуре)* При всем при том – талантливый он человек.

Секретарша. Там в приемной ждет женщина. Она говорит, что она ваша ... дочь.

Директор. Чья дочь?

Секретарша. Ваша. Я позову ее. *(Уходит)*

Входит женщина лет тридцати пяти, привлекательная, с большим чувством достоинства.

Директор *(идет ей навстречу)*. Лида!

Дочь. Здравствуйте!

Директор. А мама тоже здесь?

Дочь. Она три года тому умерла. Мама взяла с меня слово, что я увижу вас и познакомлю с моими детьми.

Директор. Господи! Я дед и не знал об этом. Предполагал, но вы скрылись бесследно. Я наводил справки...

Дочь. Мама перешла на фамилию бабушки, которую вы, конечно, не знали, и мы эмигрировали в Израиль.

Директор. И ты тоже не носишь моей фамилии?

Дочь. Естественно.

Директор. Для меня это новость, что ее мама была еврейкой!

Дочь. Она не афишировала это, потому что иногда ей казалось, что вы ...

Директор. Почему ты меня называешь на “Вы”?

Дочь. Я так давно уже вас не видела, и, не скрою, осталась обида, особенно за маму, что я не могу называть вас по другому. *(Роется в сумке. Вынимает фотографии)* Вот мои дети: это – Руфь, она уже отслужила в Армии Обороны

и занимается в Технионе, а Аннат – в седьмом классе.

Директор. А кто эта женщина, рядом с Аннат?

Дочь. Это мама.

Директор, садится в кресло, молчит.

Дочь. Она вас не переставала любить. Замуж не вышла, хотя были предложения. Полностью посвятила себя мне, внукам, работе. Стала доктором наук.

Директор. Никакие слова не смогут выразить то, что творится сейчас у меня на душе. Я прошу всех вас простить меня. И, если вы разрешите, я хочу навещать вас, а может, и быть рядом. Простите меня!

Дочь. Я выполнила просьбу мамы. А все остальное покажет время. До свидания...папа. *(быстро уходит)*.

Директор *(смотрит на фотографии, оставшиеся в руках. Показывает вошедшей секретарше)* Это мои внушки.

Секретарша. Библейские красавицы. А кто это рядом?

Директор. Моя жена. *(переворачивает фото)* “Дедушка – это я, Руфь”. “Дедушка – это я, Аннат, и бабушка. Г. Тельхай, ул Трумпельдора, дом 18”

Спасибо вам! Руфь, Аннат – красивые имена. *(Секретарше)* Перезвоните всем, что прием сегодня отменяется. Причина – перемена обстоятельств ...

Секретарша. У меня тоже может стать перемена в жизни.

Директор. Какая?

Секретарша. Сейчас увидите. *(Входит Парень с громадным букетом роз)*. Шеф, вы одобрите мое согласие стать женой этого молодого человека, который пять минут назад попросил моей руки?

Директор. О чем речь, без возражений. Будьте счастливы!

Парень. *(Секретарше)* Можно экспромт?

Секретарша. Если по делу?

Парень *(директору)*

Вы разрешили выйти замуж секретарше,
Потому что вы ее намного старше!

Спасибо-г вас!

(Вбегает растрепанный Изобретатель)

Изобретатель. Минуточку внимания!

Директор. Вы снова пришли с изобретением, что изменит весь мир?

Изобретатель. Благодарю, что не забыли. Это изобретение уже больше часа находится у вас в кабинете. *(Показывает на кресло)*.

Директор. Так это вы придумали “Академию мебели”?

Изобретатель. Пришлось.

Директор. А кто его доставил?

Парень. Я.

Директор. Теперь все ясно.

Изобретатель. Не знаю, изменило ли оно весь мир, но вас, господин директор, и некоторых других изменило в корне....клубнerezке.

Директор. Откуда вы знаете, что здесь происходило?

Изобретатель. А вы не заметили, почему вдруг вы и остальные все, говорили только правду, одну правду, и ничего кроме правды, когда садились в это кресло?

Секретарша. Кажется...

Директор. Подождите, подождите, а ведь это было, действительно, так. Я вспоминаю. Значит, садясь в него, наш мозг, перерабатывая сигналы от батарей, которыми вы начинили кресло...

Изобретатель. Вы почти правильно мыслите, но там намного все сложнее.

Директор. Все равно – это открытие. Мы его запатентуем, и в каждом суде, в каждой тюрьме, на каждой таможне – будет стоять не античное, конечно, кресло, а обыкновенное, хотя бы кожанное. Вы станете миллионером, мой друг! Я рад, что благодаря вам я сам увидел свои недостатки, ошибки, промахи. Сколько же в одном человеке всего намешано?

Парень (*секреташе*). Вы разрешите прочесть экспромт?

Секретарша. Только по делу.

Парень. Именно. (*Изобретателю*)

Придумайте еще такое кресло,
Чтоб лишь прекрасное – воскресло!

(*Парень пожимает руку Изобретателю, оба склоняются к креслу и что-то обсуждают*)

Секретарша (*отводя Директора на авансцену*) Шеф, я всех предупредила об отмене приема, включая вашу супругу и, если вы не возражаете, я горю желанием уединится ...

Директор. Без мебели?

Секретарша, По дороге к дому купим диван. Спасибо вам!

(*Берет парня под руку, с букетом в другой, под марш Мендельсона идут к выходу*)

Изобретатель. И я хочу вам признаться, distinguished академик. Прослушивая все, что говорилось у вас в кабинете, я понял, что не во всех ситуациях всегда должна звучать одна правда. Жизнь станет невыносима. Придумка, лукавство, вымысел, домысел, творческая фантазия должны остаться за человеком

Директор. Ловлю вас на слове – а “Машину времени” вы еще не придумали?

Изобретатель (*просияв, бросился к папке, которую оставил на кресле. Вынимает из нее лист ватмана и показывает Академику*). Вот здесь, в схеме, где находится питание, нужно кое-что поменять, настроить по-новому и задать направление, страну, объект, и вы, сидя в кресле, виртуально переноситесь немедленно туда.

Директор. Перенестись мне хотелось бы в один день до моего рождения... хочу узнать, при каких обстоятельствах ушел из жизни наш отец, Павел Игнатьевич Никитин, геронтолог с мировым именем. В весеннее апрельское утро 1939 года за ним пришли на дачу, забрали все бумаги, конспекты, тетради, блокноты, увели на Лубянку, и он пропал. Мама со мной, двухнедельным ребенком на руках, стояла часами в очередях к “заветному” окошку – ничего не добила, ничего не узнала. Мучился ли он перед смертью? Где покоится

его прах, чтобы прийти туда, постоять и преклонить голову?

Изобретатель. Лучший друг и наставник ученых Сталин, имел нюх. Вначале осыпал званиями, звездами, а затем безжалостно уничтожал... Объект ясен – Кремль. Мне понадобится немного времени для корректировки.

Директор. Я подожду и отдохну.

Изобретатель. Минут десять, не больше.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Время действия — весна 1939

Место действия — Москва,

Кремль

Глубокая ночь. Затемненная комната. Из мебели: стол, два кресла, деревянная кушетка. Сталин, мягко ступая по ковру, дымит папиросой. По радио звучит “Песня о Сталине” композитора Матвея Блантера.

*На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом Друзе и Вожде.*

Сталин как бы слегка дирижирует рукой. Берия сидит в кресле, одетый в гимнастерку с генеральскими ромбами, в галифе, в сапогах. Ждет окончания песни.

Сталин. *(Выключая радио).* Нэплахую пэсню сачинил Матвэй Блантэр. Я слушаю, тэбя, слушаю, Лаврентий.

Берия. Так вот. Я предлагаю изменить немного тактику. Пусть думают, что в связи с приходом в НКВД нового человека, стало безопаснее, дадим им как бы временную передышку.

Сталин. Пораженческая тактыка, слабонервная тактыка. Пэредышка! Ты что, устал, Лаврентий?

Берия. Ничуть не устал, Коба.

Сталин. И аны не устали ставить нам палки в колеса. Не устали не замечать достыжений, не устали не видеть, что принес им товарищ Сталин, куда вывел грязную, оборванную, засранную Россию. Кем бы аны были, эти еврейские умники, если бы Сталин не подпустил их к кормушке? Акадэмиками, докторами наук, генералами, народными артыстами? Вшивели и размножались бы в чэртэ оседлости до очередного погрома. А маршалы из холопов, не про тебя речь, а министры из крестьян, а директора заводов из слесарей и грузчиков? Нэт, нэ понимаю после этого, как может быть кто-то еще нэ доволен? Больше всего нэ могу тэрпеть нэблагодарность. *(Пытается прикурить новую папиросу, но одна за другой ломаются спички. Смотрит на коробок.)* Борисовский спичечный камбинат. Узнай Лаврентий, кто там дыректор...

Берия. Понял. Дай помогу, Коба. *(Зажигает спичку и аккуратно подносит ее Сталину)*

Сталин. Ты, кажется, ныкогда не курил?

Берия. В гимназии баловался, но без удовольствия.

Сталин. За удовольствия надо платить, дарагой. Кстати, ходят слухи, что ты не пропускаешь ни одной красивой балеринки?

Берия. Хочу знать фамилии этих слухов.

Сталин. Ха-ха-ха! Я нэ осуждаю. Главное, чтобы делу нэ мешало. И буд осторожен... триппер возможэн, ха-ха-ха!

Берия. А тебе, Коба, тогда на “Пиковой Даме” Лиза понравилась. В воскресенье могу привезти ее на дачу. Она будет рада встретиться с товарищем Сталиным.

Сталин. Харашо, Лаврентий. Выпьем по бокалу мцване.
(Подходят к столу. Сталин белоснежной салфеткой протирает бокалы и наполняет их доверху вином. Чокаются. Комната заполнилась нежным хрустальным звоном.)

Сталин. Царское стекло. Но я брезглив и всегда протираю его.
(Усаживаются в кресла и смакуют вино)

Сталин. (Показывая на портфель у ног Берии) На кого дэла есть?

Берия. На литературу, искусство и науку..

Сталин. Ынтэресная темы.

Берия. Бабель Исаак Эммануилович. Был вхож в последнее время к Ежову. Слишком любопытный нос. Тут заявление за подписью коллеги по перу.

Сталин. Ты читал его “Конармию”?

Берия. Нет.

Сталин. Лучшая книга о гражданской войне. Много крови и страха. Написана библейским языком, но слишком тяжелый камень в наш огород. Я нэ вмешивался, когда Конь-Буденный пытался затоптать Бабэля. Добряк Горький спас его тогда. Да, Бабэль — хитрец, умеет малчать, слова нужного из него нэ выдавыш.

Берия. У нас он заговорит.

Сталин. В исправытелно-трудоавом лагэре лошади водятся?

Берия. Безусловно. Пользуют для вывоза бочки с нечистотами, для доставки пищи на места.

Сталин. У миня к тэбе просьба, Лаврентий, устрой к такой бочке Бабэля.

Берия. Только для тебя, Коба, и устройю.

Посмотрели друг на друга и, не выдержав, засмеялись

Берия (доставая из папки новое “Дело”). Мейерхольд Всеволод Эмильевич.

Сталин. Он что, из обрусевших немцев?

Берия. Навели и по этому вопросу справочку. Вот выписка из метрической его деда, пензенского купца первой гильдии Меера Гольда...

Сталин. Ясно. Значит, из крещеных евреев. Много няньчылись с ним. Сколько волка не корми, а он все в лес смотрит. И, притом, не в Островского “Лес”. Хороший каламбур Сталин придумал, запомни, Лаврентий.

Берия. Запомню и другим передам. И позволь самому скаламбурить: “А посему — Мейерхольда на лесоповал”.

Сталин. Признаю: нэплохо. Спасобный ученик.

Берия. Надо знать, кто учитель.

Сталин. Вай, вай, Лаврентий. Кукушка хвалит пэтуха... Перейдем к следующему.

Берия. (Доставает новое “Дело”) Соломон Михайлович Михоэлс — Шлойме бен Мордхе Вовси.

Сталин. Еврейский Король Лир. Козырная карта. Давай подождем с ним. Еще может пригодиться.

Берия. Отложим. (Доставая другую папку) Здесь — литературная заграница. Марина Цветаева ходатайствует о возвращении в Россию.

Сталин. В какую Россию — царскую или советскую?

Берия. Она едет за дочерью и мужем, не зная, что дочь в ссылке, а муж, Сергей Яковлевич Эфрон, под следствием.

Сталин. Нычегэ сэбэ сэмэйка.

Берия. Мы тут перехватили ее письма к Пастернаку, весьма компрометирующий материал.

Сталин. Все равно, пусть приезжает. Лучше ыметь ее здес, чем там. А Пастернак не от мира сего, в нэбе витает. Он перевел “Мерани” нашего Николоза Бараташвили, и я нэ знаю, что сылнее: оригинал или русские стихи.

(Читает на грузинском две строфы из “Мерани” Николая Бараташвили. Нужно найти транскрипцию .)

Эта же у Пастернака:

Пусть я не буду дома погребен,
Пусть не рыдает обо мне супруга.
Могилу ворон выроет, а вьюга
Завоет, возвращаясь с похорон.
Крик беркутов заменит певчих хор.
Роса небесная меня оплачет.
Вперед! Я слаб, но ничего не значит.
Вперед, мой конь! Вперед во весь опор!

Берия. *(Аплодируя).* Прекрасно, Коба! Но и эти стихи знает каждый грузинский школьник:

Роза распускается,
обнимает фиалку,
Лилия просыпается
и склоняется перед Зефиром.
Поднявшись в небе,
звонко поет ласточка,
Соловей нежно насвистывает
свою песню:
Цвети, о обожаемый край,
Возрадуйся, земля Иверии,
Учись, юный грузин,
На радость и счастье Родины.

Сталин *(растроганно).* Грэшки моей молодосты... жажда свободы, красаты. Крэпка сидит в нас Восток, Лаврентий, очен крэпка. *(Закуривает)* Ладна, перейдем к нашим баранам.

Берия. Умер Куприн. Ходатайствуют, чтобы поставить надгробие с бюстом на могиле. Нужно ли? Все-таки белоэмигрант.

Сталин. Но умирать прыехал в Россию. Нужно поставить скромный крест. *(Ходит в раздумьи)* Нэплохой тогда был улов на берегах Сены. Но там же осталась рыба покрупнее — Иван Бунин, Нобэлэвский лауреат, едынственный из русских. Вот его ыметь на Москва-реке было бы тоже нэплохо.

Берия. Подготовим сети. Кстати, о лауреатстве, Коба. Есть такое пожелание — учредить к твоему шестидесятилетию Сталинскую премию, чтобы она стала первой среди всех премий в мире.

Сталин снова прохаживается.

Чтобы было весьма престижно носить на груди медаль лауреата Сталинской премии. Прими этот подарок, дорогой Коба, от чистого сердца.

Сталин. Учитывая, что это нэ вещественный подарок, нэ люблю лишних вещей, этот — принимаю. *(Наполняет бокалы),* И нэ отказался бы эщо только от адного — галавы Льва... *(Большая пауза, Сталин внимательно смотрит на Берия и, подойдя к нему совсем близко, шепчет)* ...Льва Давыдовича.

Берия. Наш человек в Мексике пробрался к нему и ждет подходящего момента.

Сталин. Тагда этава чэловэка здэс будэт ждат самая высокая награда. Выпьем за успех.

Берия. И на закуску: Константин Симонов - по метрике Кирилл Михайлович Симонов. Его отец был полковником Генерального штаба. Мать из дворян. Отчим тоже занимал высокий чин в той же царской армии. Роман поэта с актрисой Валентиной Серовой будоражит всю Москву.

Сталин. И тибя, видно, тоже.

Берия. Не скрываю — красавица на мой вкус. Гослитиздат прислал нам гранки его новой книги любовных стихов “С тобой и без тебя”.

Сталин. Пуст издадут в двух экземплярах — для него и для нее.

Берия. Остроумное решение, Коба. Последняя папка: наука и ученые. Президент Академии Наук Вавилов Николай Иванович полностью разоблачен и положен на обе лопатки простым агрономом Тимофеем Лысенко. Генетика приказала долго жить. А его ярый приверженец отправлен в лагерь.

Сталин. Надеюсь, не в Артек? А Лысенко надо наградить и произвести в академики.

Берия. Безусловно. Взяли под контроль исследования биофизика Чижевского. Его работа по ионизации представляет большую ценность для страны. Академик Капица добился возвращения из лагеря в свой институт физика Ландау — у него он принесет больше пользы.

Сталин. Цэню настоящую дружбу.

Берия. Считаю разумным ученых и специалистов, находящихся в “местах не столь отдаленных” собрать в Центр и под нашим непосредственным наблюдением организовать режимные конструкторские бюро. Одно такое уже существует во главе с Туполевым. К нему отозван Королев и другие специалисты. Они называют это между собой “шарашкой”.

Сталин. Все это неплоха, но курортные условия им создавать не нада.

Берия. Условия у них очень далеки от курортных.

Сталин. Расскажи, что произошло с геронтологом Никитиным. Я рассчитывал на его положительные результаты. Как бы мы нэ были молоды, нада подумывать о здоровой старости, о продолжительности жизни.

Берия. Зная твой интерес к этому, я внимательно изучил “Дело”. Его

арестовали в прошлом месяце, с твоего ведома, в подозрении передачи информации английским ученым, посетившим его лабораторию. Все бумаги находятся у нас на тщательном изучении. Он полностью отклонил обвинения. Говорил, что товарищ Сталин не знает, что творит НКВД, и выставил условие, если ему не дадут встретиться с женой и новорожденным ребенком – у него родился сын на следующий день после ареста, – он объявляет голодовку.

Сталин. Голод – лечит. Эта один из его постулатов.

Берия. Его старались “переубедить”, но он оказался твердым орешком. Следователь Лакснис, должен быть, перегнул палку. Никитин плюнул ему в лицо, и тот его застрелил.

Сталин. Что сделали с телом убитого?

Берия. Отвезли в крематорий кладбища при бывшем Донском монастыре и сожгли.

Сталин. Лаксниса нада изолировать.

Берия. Будет изолирован.

Куранты на Спасской башне бьют три часа.

Берия. ... три.

Сталин (смерив его долгим взглядом). Жаль, что ты нэ ночная птыца, Лаврентий. Ыды отдыхать, а я ыщо поработаю.

Берия. Спасибо, Коба. Спокойной ночи.

Уходит.

Сталин. Спокойной ночи... (улыбаясь, подходит к столу и набирает чей-то номер телефона) Сэмен? Сталин. Послушай, Сэмен, у меня тут толка что был Берия. В НКВД накатали на тыбя тэлэгу: связь с конными заводами Германии, Ыталии, Японыи – шпыонаж!

Из трубки слышен взволнованный голос Буденного.

Голос Буденного. Товарищ Сталин, это, это... Ты же меня знаешь... вместе...

Сталин. Я-та знаю и паэтому предупредил. Ну, спакойной тэбэ ночи, Сэмен.

(Кладет трубку. Набирает другой номер)

Ныкыта? Сталин. Паслушай, Ныкыта, тут у меня толка что был Берия. В НКВД на тыбя бумага лэжит: аказывается, ты скрыл свае кулацкое проысхождэние...

Голос Хрущева. И-и-и-осиф Ви-и-иссарионович, да я клянусь... от сохи я, с пяти лет свиной пас...

Сталин. Я-та знаю, паэтому па-дружески прэдупрэдил, ну, спакойной тыбе ночи, Ныкыта.

Берет телефон, ставит возле кушетки, ложится. Медленно гаснет свет. Виден только огонек от папирсы лежащего на кушетке Сталина.

Голос Сталина. Каму ыще пожылать спакойной ночи?

В полной темноте на зрителя движутся все участники спектакля, с зажженными свечами в подсвечниках. Должна звучать подобающая этому моменту музыка. Медленно включается свет в зале. Актеры ставят подсвечники вокруг знакомого кресла. Оно

пустое. Исполнители аплодируют, повернувшись к кулисе. Выходит автор пьесы или постановщик спектакля, и его усаживают в кресло.

Автор или постановщик. Не верю! (*Встает и аплодирует актерам и зрителям*)

Другой вариант концовки. Исполнители аплодируют Изобретателю и усаживают его в кресло

Изобретатель. Такой концовка я и не предполагал. (*Снимает очки и протирает их*). Спасибо!

Выбегает фотограф с треногой . На ней аппарат с магнием.

Изобретатель приглашает детей, и они садятся к нему на колени. Жена становится сзади него..

Фотограф. Внимание: “Изюм!”

Щелкает. Вспышка магния. Звучит пушечный выстрел. Дым. Музыка.

К о н е ц .

1 февраля – 7-12 марта 2008 г.
Сарасота – Чикаго

КОБА, ГЛЯДИ В ОБА!

Персонажи:

Сталин
Берия
Поскребышев
Маленков
Молотов
Ворошилов
Каганович
Хрущев
Микоян
Булганин
Косыгин
Наташа - балерина
Абакумов
Первый охранник
Второй охранник
Тетя Дуся - повариха

Если театр решит ставить “Коба, гляди в оба!” – можно ее начать со второй части предыдущей пьесы (“Нужна ли правда людям?”), где действуют Сталин и Берия.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Время действия — осень 1952-го.

Место действия — Ближняя дача Сталина.

В гостиной длинный стол с двенадцатью высокими стульями. На стене портрет Ленина. Старинные напольные часы бьют четыре часа ночи. Сталин сидит на простом табурете, в исподнем, ноги опущены в миску с теплой водой. Перед ним на корточках Поскребышев. Тщательно моет ноги Хозяину.

Поскребышев. Вот так маманя наша, как только кто простужался — ноги в миску с горячей водой и как рукой снимало.

Сталин. Жива еще твоя маманя?

Поскребышев. К сожалению, покойница.

Сталин. Жена еще сидит?

Поскребышев. Так точно, товарищ Сталин.

Сталин: С этой... скульпторшей встречаешься?

Поскребышев. Не часто.

Сталин. Забудь о ней Саша. Уж очень много в Политбюро еврейских жен. У Молотова — еврейка, у Ворошилова — еврейка, а Кагановичу сам бог велел свою Мару Мордковну иметь (Смеется собственной шутке).

Поскребышев (похихикивая). Замечатель-но подметили, товарищ Сталин.

Сталин. Так что забудь.

Поскребышев. Слушаюсь, товарищ Сталин.

Сталин. Вот какой послушный. А если я попрошу тебя... выпить вот эту грязную воду — выпьешь?

Поскребышев. Выпью.

Сталин. Никак раба из себя не выдавишь. Ты заметил: слово рабочий начинается с раб. Я думаю, что у нас оно должно быть полностью заменено словом — трудящийся. Это там остались раб ...очие. У нас — труд ...ящиеся. Не забудь, я занесу это в “Марксизм и языкознание”.

Поскребышев. Не забуду, Иосиф Виссарионович.

Сталин. Подлей горячей воды.

Поскребышев. Есть! (Подливает из кувшина воду)

Сталин (кивая головой на дверь). Члены Политбюро там?

Поскребышев. Они ждут, товарищ Сталин.

Сталин. Зови.

Поскребышев идет к двери и открывает ее. Входят одиннадцать человек. Среди них Молотов, Ворошилов, Берия, Каганович, Хрущев, Микоян, Булганин, Косыгин...

Нестройным хором: “Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Здравствуйте, товарищ Сталин! Здравствуй, Коба! Здравствуй, Иосиф! Здравствуйте, товарищ Генералиссимус!”

Сталин, не отвечая, жестом руки показывает на стулья. Все начинают рассаживаться. Сталин вынимает из воды ногу. Поскребышев тут же подхватывает ее и белоснежным полотенцем начинает вытирать каждый палец. Затем натягивает на нее крупной вязки шерстяной носок. Повторяет это с другой ногой.

Сталин (пристально вглядываясь в каждого). Так вот, соратники... (Пауза) один из вас меня предаст, многие откажутся от меня, а останутся верными мне всего... два человека...

Поскребышев от неожиданности падает набок, все за столом начинают медленно подниматься со стульев, панический ужас объял их лица, они застыли в ожидании удара. Гробовое молчание.

Сталин (разражается хохотом). Ха-ха-ха-ха-ха! Это из “Евангелия”, безбожники-атеисты... когда вы расселись и оказались двенадцать человек, включая Поскребышева, мне это напомнило “Тайную вечерю”... однако вы поверили... Ха-ха-ха!

Разрядка. Лица членов Политбюро начинают расплываться в улыбках, общий гомерический хохот. Берия подбегает к Сталину и целует его.

Сталин. А вот и поцелуй Иуды.

Новый виток хохота сотрясает пространство. Берия разводит руками.

Сталин (после паузы): Садитесь.

Все снова рассаживаются на свои места. Сталин подымается с табурета и плавно подходит к портрету Ленина. Долго вглядывается. Напряженная тишина.

Сталин. Пятдесят с лишним лет тому назад товарищ Ленин и товарищ Сталин создали могучую, железную дружину — большевистскую партию. Товарищ Ленин и товарищ Сталин выпестовали ее, снабдили всесильным оружием — марксизмом, развили его, привели к Великой Октябрьской социалистической революции. Отстояли ее. Уходя от нас товарищ Ленин завещал товарищу Сталину сохранить в чистоте революционное красное знамя. Товарищ Сталин свято выполнил этот завет. Товарищ Сталин привел страну к социализму, создал новый народ, советский народ, победил внешних и внутренних врагов, победил заклятого, подлого коварного Гитлера, и сейчас мы — самая мощная держава на земле. На нас с надеждой смотрит весь мир. И вот, когда мы достигли всего этого, товарищ Сталин почувствовал, что... (Поворачивается к столу, выдерживает паузу) ... стареет.

Общее удивление: “Что?”

Сталин (начинает прохаживаться за стульями). И стал подумывать, кому он может оставить свое богатейшее наследство: партию и страну. Кому? (Вглядывается поочередно в каждого, и снова выдержав паузу). Начнем с тебя, **Вячеслав.**

Молотов встает.

Сталин. Сиди. Твоя Жемчужина сидит, и ты можешь сидеть. Человек преданный, работать может по двадцать четыре часа в сутки, имеет железный зад, но для руководства страной этого недостаточно. И вообще, в последнее время допускает грубые промахи в международной политике. Отпадает. **Маршал Ворошилов.**

Тот начинает привставать, но жест Сталина усаживает его.

Сталин. Держится на былых заслугах. Как военный – устарел, учиться не любит, не может, позирует целыми днями художникам, фотографам, шьет все новые и новые маршальские одежды. Отпадает.

Ворошилов сморкается в платок

Сталин. Лаврентий.

Берия подбегает и шепчет что-то по-грузински

Сталин (злобно). Сядь, Лаврентий! Крепкая фигура. Властная. Нетерпимая. Похотливая. Отпадает. **Микоян.** Хороший работник. Хитрован. Великий русский язык коверкает. Торговлю можно доверить и впредь, но не больше. Значит, и он отпадает. **Лазарь Моисеевич.** Выполнит любое задание. Жесткий. Грубый. Но будем откровенны — Россией управлять еврей не должен. Это понял даже Лев Давыдовыч. Отпадает. **Хрущев.** Хитрый хохол.

Хрущев. Я русский, Иосиф Виссарионович.

Сталин. В Киеве обхохлился, Никита, не спорь.

Хрущев. Слушаюсь, Иосиф Виссарионович.

Сталин. Активный коммунист, инициативный коммунист, малограмотный коммунист. Отпадает.

Сталин. Булганин. После Калинина остался единственный в Политбюро... с козлиной бородкой. Барин в маршальской форме (Кто-то заерзал). Не баран, а барин! (сам ухмыльнулся). Отпадает. **Алеша Косыгин.** Алексей Николаевич... Не царский ли отпрыск? Шучу. Из нового поколения — самый достойный. Но молод. Нет опыта. Пусть набирается.

И, наконец, **Георгий Максиммилианович.** Как аппаратчик — незаменим. Ответственен. Солиден. Имеет и недостаток — любит пожрать. Но благосостояние в стране растет, простим ему его обжрство. В Генсеки — годится.

Маленков. Спасибо, товарищ Сталин.

Сталин (долго смотрит на него). Вот так сразу и согласился?

Маленков. Ну, что вы, Иосиф Виссарионович, я благодарил за доверие.

Сталин усаживается снова на табурет. Гробовое молчание.

Сталин. Не ожидали, что товарищ Сталин сам хочет уйти от власти?

Берия. Коба, дорогой, ты не можешь нас оставить одних. Ты не постарел, ты остался горным орлом, твой гениальный ум свеж и ярок, как цвет граната, твоя поступь легка, как у тигра, твоя воля крепка, как сталь. Я готов отдать за тебя жизнь хоть сейчас.

Ворошилов. Товарищ Сталин, ты прав во всем, что сказал о каждом из нас, и мы готовы все сделать, чтобы исправиться, чтобы ты вел нас за собой, как главный из главных, я правильно говорю, товарищи.

Все хором. Правильно. Правильно.

Каганович. Иосиф! Ты для всех нас — отец родной. Для всех двести миллионов советских людей. Ты хочешь осиротить их? Мы будем трудиться еще лучше, еще больше, чтобы оправдать твое доверие. Будь с нами, всегда, Иосиф!

Молотов (заикаясь). Т-т-т-ооварищ Сталин! Если ты уйдешь, мы пш-п-о-гибнем. Только ты пш-приведешь наш народ к ккк-ккоммунизму.

Маленков. Я готов помогать вам, Иосиф Виссарионович, до последней капли крови.

Хрущев. Родной наш учитель и вождь. Дайте нам возможность еще раз доказать свою верность вам, идти по вашим стопам, слышать вас и видеть вас еще долго, не бросайте нас, как заблудших овец.

Булганин. А я, как баран, за определение совсем не в обиде, готов с нашей доблестной армией выполнить любой приказ Главнокомандующего, Генералиссимуса, товарища Сталина. Ура!

Косыгин. Вся молодежь, возвращенная вами, дорогой Иосиф Виссарионович, поддерживает вас во всех начинаниях. Мы, как и весь народ — ваши ученики. Давайте нам задания, и мы их выполним.

Микоян. Товарищ Сталин! Гении были и до вас, вожди были и до вас, полководцы были и до вас, но вы соединили в себе все эти таланты и под вашим мудрым руководством впервые в мировой истории построено новое счастливое, красивое общество. Будьте с ним еще тыщи лет! Я встаю перед вами на колени и умоляю, не покидайте нас.

Бросается на колени. Все остальные бегут присоединяться

Берия (кричит). Все на колени!

И вот они стоят перед Хозяином на коленях. Он встает и молча обходит их сзади. Они поворачиваются за ним. Он стоит, сложив руки на выпуклом животе. Они поочередно подползают целуют его руки и, приподнимаясь, на полусогнутых ногах, пятаются к двери, откуда появились, и скрываются за ней. Поскребышев после целования по знаку Сталина остается сзади. Последним подползает Маленков.

Сталин. Георгий, начинай готовить съезд партии.

Маленков. Хорошо, товарищ Сталин.

Из-за грузности не может сразу подняться. Поскребышев помогает ему. Маленков уходит.

Сталин. Налей мне бокал вина, Саша. И себе. Выпьем за достойных врагов, и упаси нас боже от слишком преданных и неразумных друзей.

Выпивают.

Сталин. Распорядись, от моего имени, прослушать с этого часа, притом внимательнейшим образом, все телефонные разговоры членов Политбюро и проследить их встречи друг с другом.

Поскребышев. Будет выполнено, товарищ Сталин. (Показывая на потаенную дверь). Там ожидает балеринка из Большого театра.

Сталин. Обсыпте мое ложе яблоками и положите рядом с юной девой...

Поскребышев недоуменно смотрит на него.

Сталин. Это из притч Соломоновых, Саша. Принеси парадную форму.

Поскребышев кивает и идет к встроенному в стене платяному шкафу. Приносит маршальский мундир, брюки, ботинки. Часы бьют шесть часов утра. По радио звучит Гимн Советского Союза. К концу исполнения Сталин полностью экипирован.

Сталин. Пусть войдет.

Робко входит балетными шажками юное существо с льняными волосами, курносое, пухлогубое. Балеринку бьет дрожь.

Сталин. Как тебя зовут?

Балеринка. Наташа.

Сталин. Хорошее имя. Почему ты дрожишь. Не ожидала увидеть товарища Сталина?

Балеринка (почти плача). Там... (кивает головой в сторону двери из которой вышла) было очень холодно.

Сталин (Поскребышеву). Вы что, экономите на дровах. Кто ответственный за печи?

Поскребышев. Старик Ермолаев.

Сталин. Уволить.

Балеринка. Не надо, товарищ Сталин, я просто всегда была мерзлячкой

Сталин. Ну, тогда пойдем отогреем друг друга. (Подталкивает ее за плечи в дверь ведущую в опочивальню. Поскребышеву). Принеси нам, пожалуйста, вина и фрукты.

Голос Левитана по радио: “Колхозы и совхозы Черниговской области на Украине рапортуют Политбюро ВКПб и лично товарищу Сталину, что полностью подготовились к весеннему севу.”

“В юртах оленеводов Дальнего Севера появилось радио. Теперь они слушают центральные и местные радиопередачи.”

“В Клайпеде со стапелей судостроительного завода сошел новый нефтяной танкер с гордым именем на борту “Иосиф Сталин” — самый большой в мире по тоннажу”.

Появляется Поскребышев. На цыпочках подходит к двери, где находятся Сталин и Балеринка. Прикладывает ухо к двери и прислушивается.

Левитан продолжает читать: “На Колыме золотодобытчики артели имени Сталина, отыскали уникальнейший самородок весом в... тринадцать килограмм. Он сдан в Алмазный фонд СССР под названием “Генералиссимус Сталин”

“Сегодня вечером в Государственном Большом театре оперы и балета состоится показ балета Прокофьева “Ромео и Джульетта”. В роли Джульетты дебютирует недавняя выпускница Рязанского балетного училища Наталья Милованова. На вопрос нашего корреспондента: “Какая сокровенная твоя мечта, Наташа?” Комсомолка-балерина ответила: “Чтобы на премьерке в правительственной ложе сидел товарищ Сталин!”

Поскребышев отскакивает от двери и начинает расставлять выдвинутые членами Политбюро стулья.

Появляется Наташа, застегивая на ходу кофточку. Затем не спеша входит Сталин с открытой ширинкой.

Сталин Так какая твоя сокровенная мечта, Наташа?

Наташа (дрожащим голосом). Чтобы на премьерке...

Сталин. Нет, нет. Сокровенная.

Наташа. Товарищ Сталин, если бы можно мою мамочку прописать в Москве, ничего больше мне не надо было. (Разрыдалась).

Сталин. Это зависит от товарища Бобровникова, председателя Моссовета. Попросим его и посмотрим, как он решит.

Наташа. Спасибо, товарищ Сталин.

Сталин (Поскребышеву). Проводи Наташу в машину. У нее сегодня ответственный день. Ни пуха тебе, ни пера!

Наташа растерялась и не знает как ответить.

Сталин. Смелее, смелее, посылай меня к черту!

Наташа бросается к Сталину обнимает, целует и с плачем убегает.

Сталин (Поскребышеву). Сентиментальная, неопытная, слезливая дура. Больше ко мне не приводить.

Поскребышев кивает и собирается уходить.

Сталин: Министр Госбезопасности тут?

Поскребышев. Ждет, товарищ Сталин.

Сталин кивает головой. Поскребышев выходит. Сталин садится за стол. Появляется в генеральской форме Абакумов

Абакумов. Здравствуйте, товарищ Сталин!

Сталин (долго смотрит на него. После паузы): Надо подумать о замене Поскребышева. Слишком много знает.

Абакумов. Подыщем верного человека.

Сталин. Я прочитал письмо врача Тимашук. Этому делу надо дать ход. Евреи-врачи, лечащие нас, не вызывают доверия. Много смертей за небольшой отрезок времени: Щербаков, Калинин, Жданов... Добейтесь любыми средствами признания.

Абакумов. Слушаюсь, товарищ Сталин. (Длинная пауза) Можно идти?
Сталин кивает. Абакумов выходит.

Сталин (вслед Абакумову). Высок, красив, молод. Трофеями обожрался по горло. Пусть еще поработает, а там...

Часы бьют семь часов утра.

Сталин. Много сделано за день. (Встает и подходит на самый край сцены. Долго всматривается в зрительный зал). Пора и поспать. (Прикладывает большой палец правой руки к носу, а мизинец направляет на зрителей и начинает сатанински смеяться.)

Занавес

КОНЕЦ

Место действия - та же Ближняя дача.

Время действия - 1 марта 1953.

Дежурная комната перед кабинетом Сталина.
Два офицера-охранника спят в креслах за столом.
Входит повариха тетя Дуся с подносом.

Тетя Дуся (от увиденной картины раскрыла рот). Господи, чтой-то не верится даже - дежурные спят. (Ставит поднос на стол). Эй, вы! Неужто заснули?

Офицеры вскакивают.

Первый. Тише! (Показывает на дверь) Сам разрешил. Сказал: “Можете поспать сегодня”, - и закрыл за собой дверь.

Тетя Дуся. А как с завтраком?

Второй. Сперва апробируем, не хочешь ли отравить.

Оба офицера пробуют пищу. С каждого блюда отщипывают по кусочку отдельными вилками и ложечками. Смакуют вино. Причесывают волосы и подходят к двери. Прислушиваются. Тишина.

Первый. Ты что-то слышишь?

Второй. Нет.

Первый. Тревожить не будем. Подождем.

Замирают по сторонам дверей.

Тетя Дуся. Когда он, родимый, отдохнуть лег?

Первый. В три сорок семь ровно.

Второй. На моих было сорок девять.

Первый. Свой серебряный бимбер выбрось на помойку. (Тете Дусе) После просмотра “Волги-Волги” отпустил членов Президиума по домам, нам разрешил, значит, покемарить, и закрылся.

Слышен бой часов на Спасской башне.

Тетя Дуся. А ужо двенадцать. Чтой-то тревожно на сердце.

Охранники сверяют часы. Второй переводит стрелку на две минуты назад.

Второй. Не кукуй, старая. (Напарнику) Что делать будем?

Первый. А откуда я знаю. Если постучать и прервать его сон, нам первым попадет. Подождем.

Продолжают стоять навтыяжку.

Тетя Дуся на цыпочках подходит к двери. Прикладывает ухо.

Тетя Дуся. Ничего не слышать. Не нравится мне это.

Первый . Позвони старшему.

Второй. И что сказать?

Первый. Ладно. (Подходит к телефону. Незаметно крестится). Товарищ генерал! Первый пост докладывает. В кабинете товарища Сталина тишина. Никакого движения. Завтрак готов. Что прикажете делать.

Голос Генерала. Генералиссимус поздно лег. Пусть отдыхает.

Первый . Слушаюсь.

Тетя Дуся. Не нравится мне это. Ни храпа не слышно, диван не скрипит под ним. Вы как хотите, а я попробую тихонько постучать.

Первый. Не велено. Отойди.

Тетя Дуся уходит в глубину и прикладывает передник к глазам. Охранники продолжают стоять навтыяжку, как постовые у Мавзолея.

Часы на Спасской башне бьют час дня. Охранники сверяют со своими часами.

Загорается лампочка на телефоне.

Первый . Слушаю.

Голос Генерала. Ну что, Генералиссимус еще не встал?

Первый. Так точно, не встал.

Голос Генерала. Проснется – сообщите.

Первый . Слушаюсь. (Снова занимает пост).

Пауза. Из кухни появляется рыжий пышный кот. Он не спеша направляется к подносу с едой. Охранники замерли. Тетя Дуся открыла рот. Кот собирается прыгнуть на стол. Первый преграждает ему путь. На помощь поспешил Второй. Пытаются поймать кота. Тот залез под стол. Охранники за ним.

Тетя Дуся. Кис-кис-кис, Трумэн. Иди ко мне, Трумэн!

Кот направляется к тете Дусе. Она берет его на руки и уносит в кухню.

Охранники опомнились - и к дверям вытянулись по стойке "Смирно!". Воцарилась такая тишь, что слышно, как тикают часы на руках. Первый решил заглянуть в замочную скважину двери. Отскакивает

Первый. Его нет на диване!

Второй. Как нет? А где же он?

Первый . Не знаю. Может, в нужник пошел, пока мы за котом гнались. Теперь уж точно не избежать нам порки.

Прислушиваются, приложив по уху к двери. Появляется Тетя Дуся и тихо, крадучись, подходит к ним. Они от неожиданности отскакивают.

Тетя Дуся. Чего вы. Встал родименький?

Второй. На диване его уже нет. Должно быть, в ванной.

Тетя Дуся. Слава тебе, господи.

Первый . Быстро мотай и подогрей завтрак.

Тетя Дуся берет поднос с едой и уходит на кухню

Второй. Не слышно, чтоб вода спускалась.

Первый. Может, еще рано. Подождем.

Второй. Ждем уже третий час. Надо доложить Берии. И лучше, чтоб это сделали мы. Я звоню.

Первый . Звони.

Второй подходит к телефону и набирает номер

Второй. Первый пост. Лаврентия Павловича можно?

Голос Дежурного. Товарищ Берия еще не появлялся.

Второй. Есть. (Кладет трубку. Набирает новый номер). Первый пост. Товарища Маленкова можно?

Голос Секретарши. Соединяю.

Второй. Георгий Максимиллианович, товарищ Сталин до сих пор не потребовал завтрак. Что делать?

Голос Маленкова. Если спит - не тревожьте.

Второй. Но мы не слышим никаких признаков жизни ни в кабинете, ни в ванной.

Голос Маленкова. Берии звонили?.

Второй. Так точно. Но его еще нет в министерстве.

Голос Маленкова. Хорошо. Никому больше не звонить. Скоро буду.

Появляется Тетя Дуся с подносом.

Тетя Дуся. Ну вот, быстро пробируйте, а то проголодался, родимый.

Первый . Не спеши. Тихо там.

Тетя Дуся. (роняет прибор). Так стучите, дверь ломайте, чего ждете?

Первый . Нам не положено.

Тетя Дуся. Не положено, не положено! А может, помощь какая нужна, ведь Иосиф Виссарионыч тоже захворать может.

Первый . Маленков сейчас прибудет – он и решит.

Тетя Дуся. Маленков, Берия. Был бы при нем Поскребышев, все было бы в порядке. Наговорили на человека и уволили.

Второй. Молчи, старая. Держи язык за зубами. Не твоего ума это дело.

Тетя Дуся, всхлипывая, обиженная, напуганная, уходит в сторону.

На Спасской часы бьют три. Появляется Маленков и Молотов.

Охранники вытянулись перед ними в струнку.

Маленков. (Машет рукой, мол, не надо) Что товарищ Сталин?
Первый . В кабинете тихо, товарищ Маленков.

Маленков и Молотов отходят в сторону и шепчутся. Затем подходят к дежурным.

Молотов. (Заикаясь) М-м-мы-мы по-по-по- совеща-щались и пш-о-по-йдем со-со-со-бирать Президиум.

На цыпочках уходят.

Первый. (Тоже заикаясь). С-с-слушаемся.
Второй. (Тоже заикаясь) В-вв-вв-се на нас свалят.

Загорается лампочка на телефоне. Ни Первый , ни Второй не осмеливаются взять трубку. Трубку берет Тетя Дуся.

Тетя Дуся. Слушаю.
Голос Берии. Что за дура, кто такая?
Тетя Дуся. Лаврентий Павлович, это я, повариха Дуся.
Голос Берии. А где дежурные?
Тетя Дуся. Да вот рядышком, дрожат.

Первый вырывает трубку.

Первый. Первый пост слушает!
Голос Берии. Доложите обстановку.
Первый . Товарищ Сталин не вышел, не реагирует на шумы..
Голос Берии. Молчать, остолоп! Никому ни слова. Сейчас буду.

Первый сел на пол и обхватил голову руками. Второй присоединился к нему.
На Спасской башне часы бьют пять часов
Появляются Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Хрущев, Косыгин, Булганин, Косыгин.
Дежурные вскакивают.

Маленков. Что нового?
Первый . Никаких изменений.

Президиум собирается в кольцо, шепчутся.
Затем все снимают обувь, ставят ее в ряд и в носках подходят к двери.

Маленков (тихо постукивая пальцем в дверь). Иосиф Виссарионович, это мы вот здесь, все пришли, я Маленков..
Молотов. И я-я-я, Мо-мо-мо-лотов..
Каганович. И я, Лазарь...

Хрущев. И я, твой верный Никитка...

Косыгин. Открой, Сосо, это я, Анастас...

Булганин. Баран стучит в ворота, откройте...

Ворошилов. (Плача) Коба, это я, Клим...

Косыгин. Отец родной наш, это я, Алеша...

Все всхлипывают. Врывается Берия со своими людьми.

Берия (показывая на охранников.) Забрать. Проверить еду, а ее (показывая на тетю Дусю) уволить.

Весь Президиум расступился перед ним. Берия разбегается и выбивает ногой дверь. Застывает на пороге перед лежащим на полу Сталиным. Затем поворачивается. Пенсне отсвечивает огнями

Берия (дико кричит.) Асса!!! (Удаляясь на носках, танцует "Лезгинку"). Хрусталеv, машину! В Кремль!!!

Президиум очнулся, все побежали к своей обуви и, одевая ее на ходу, с криками: "В Кремль!!!" удаляются со сцены. Тишина. Убирается свет.

Луч прожектора высвечивает окоченевшее тело Сталина. Приподымается кулак и застывает.

Занавес

В РЕПЕРТУАРЕ:

НЕ СПЕШИТЕ СТРЕЛЯТЬСЯ, ГОСПОДА!

Трагикомический фарс в двух актах

НУЖНА ЛИ ПРАВДА ЧЕЛОВЕКУ?

Фантастическая комедия в двух актах

*В ОЖИДАНИИ ЖВАНЕЦКОГО
МОНОЛОГИ ОДЕССИТОВ
в двух актах*

*ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
АХМАТОВА И ПАСТЕРНАК*

Слайд – шоу

*ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
СОЛОМОНА МИХОЭЛСА*

Слайд – шоу

*ИСПОЛНЯЕТ АВТОР, РЕЖИССЕР И ПИСАТЕЛЬ
Илья Рудяк*

За подробной информацией - orudiak@gmail.com